

ВОПРОСЫ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ

2020

1(43)

Ψλ

**Институт
Языкознания**
Российской академии наук

ВОПРОСЫ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ

1 (43) 2020
Москва

JOURNAL OF PSYCHOLINGUISTICS

1 (43) 2020
Moscow

СОУЧРЕДИТЕЛИ:

ФГБУН ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ РАН

ОЧУ ВО «МОСКОВСКАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ АКАДЕМИЯ»

Регистрационный ПИ № ФС 77-38423

ISSN 2077-5911 (print), ISSN 2658-6908 (online)

DOI: 10.30982/2077-5911

Подписной индекс Роспечати 37152

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Тарасов Евгений Федорович, *главный редактор*, доктор филологических наук, профессор, заведующий отделом психолингвистики Института языкознания РАН, Москва (Россия)

Уфимцева Наталья Владимировна, *заместитель главного редактора*, доктор филологических наук, профессор, заведующая сектором этнопсихолингвистики Института языкознания РАН, Москва (Россия)

Терентий Ливиу Михайлович, кандидат политических наук, доктор филологических наук, ректор Московской международной академии, Москва (Россия)

Балясникова Ольга Вениаминовна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора этнопсихолингвистики Института языкознания РАН, Москва (Россия)

Дмитрюк Сергей Валерьевич, *ответственный секретарь*, кандидат филологических наук, редактор издательского отдела Московской международной академии, Москва (Россия)

Жукова Лариса Станиславовна, кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора этнопсихолингвистики Института языкознания РАН, Москва (Россия)

Марковина Ирина Юрьевна, кандидат филологических наук, профессор, директор Института лингвистики и межкультурной коммуникации Первого Московского государственного медицинского университета им. И.М. Сеченова, Москва (Россия)

Митирева Любовь Николаевна, кандидат филологических наук, заведующая кафедрой иностранных языков Института языкознания РАН, Москва (Россия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Ардилла Альфредо, PhD, профессор Международного университета Флориды, Майами (США)

Ахутина Татьяна Васильевна, доктор психологических наук, профессор, заведующая лабораторией нейропсихологии факультета психологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва (Россия)

Гриценко Елена Сергеевна, доктор филологических наук, профессор, проректор по научной работе Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород (Россия)

Демьянков Валерий Закиевич, доктор филологических наук, профессор, заведующий отделом теоретического и прикладного языкознания, главный научный сотрудник Института языкознания РАН, Москва (Россия)

Дмитрюк Наталья Васильевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и литературы Южно-Казахстанского государственного педагогического университета, Шымкент (Казахстан)

Залевская Александра Александровна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английского языка Тверского государственного университета, Тверь (Россия)

Карасик Владимир Ильич, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего и русского языкознания ФГБОУ ВО Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина, Москва (Россия)

Кирилина Алла Викторовна, доктор филологических наук, профессор, проректор по научной работе Московской международной академии, Москва (Россия)

Ли Тоан Тханг, доктор филологических наук, профессор Вьетнамского института лексикографии и энциклопедий Вьетнамской академии общественных наук, Ханой (Вьетнам)

Мартин Ф. Линч, Ph.D., профессор Университета Рочестера, Рочестер (США)

Мягкова Елена Юрьевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории языка и перевода Тверского государственного университета, Тверь (Россия)

Овчинникова Ирина Германовна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры методики обучения лиц с ограниченными возможностями, Хайфский университет, Хайфа (Израиль)

Пильгун Мария Александровна, доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора этнопсихолингвистики Института языкознания РАН, Москва (Россия)

Поляков Федор Борисович, доктор, профессор, директор Института славистики Венского университета, Вена (Австрия)

Стернин Иосиф Абрамович, доктор филологических наук, профессор, директор Центра коммуникативных исследований Воронежского государственного университета, Воронеж (Россия)

Харченко Елена Владимировна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка как иностранного Южно-Уральского государственного университета (Россия)

Чжао Цюэ, доктор филологических и педагогических наук, профессор, директор Института славянских языков Харбинского педагогического университета Китая, Харбин (Китай)

Черниговская Татьяна Владимировна, доктор биологических наук, доктор филологических наук, профессор, заведующая лабораторией когнитивных исследований и кафедрой проблем конвергенции естественных и гуманитарных наук СПбГУ, член-корреспондент Российской академии образования, Санкт-Петербург (Россия)

Шапошникова Ирина Владимировна, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора русского языка в Сибири ИФЛ СО РАН; профессор кафедры общего и русского языкознания ГИ Новосибирский государственный университет, Новосибирск (Россия)

Шаховский Виктор Иванович, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры языкознания Волгоградского государственного социально-педагогического университета, Волгоград (Россия)

Научный журнал теоретических и прикладных исследований.

Включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук ВАК.

Индексируется РИНЦ, E-library, КиберЛенинка, Google Scholar, ERIN PLUS.

Издается с 2003 года. Журнал выходит 4 раза в год.

Перепечатка материалов из журнала допускается только по согласованию с редакцией.

Москва 2020

© ФГБУН Институт языкознания РАН, 2020

© ОЧУ ВО «Московская международная академия», 2020

© Авторы, 2020

Подписано в печать 16.03.2020. Формат 70x100/16. Печать офсетная.

Усл. печ. л.10,7 Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии «Канцлер», г. Ярославль, e-mail: kancler2007@yandex.ru

COFOUNDERS:

INSTITUTE OF LINGUISTICS OF RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
MOSCOW INTERNATIONAL ACADEMY

Registration number № ФС 77-38423

ISSN 2077-5911 (print), 2658-6908 (online)

DOI: 10.30982/2077-5911

EDITORIAL BOARD

Evgeny F. Tarasov, *chief editor*, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Psycholinguistics, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

Natalya V. Ufimtseva, *deputy editor*, Doctor of Philology, Professor, Head of Sector of Ethnopsycholinguistics, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

Liviu M. Terenty, Candidate of Political Science, Doctor of Philology, Rector of the Moscow International Academy, Moscow (Russia)

Olga V. Balyasnikova, Candidate of Philology, Senior Researcher, Sector of Ethnopsycholinguistics, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

Sergey V. Dmitryuk, *executive secretary*, Candidate of Philology, Editor of the Publishing Department of the Moscow Institute of Linguistics, Moscow (Russia)

Larisa S. Zhukova, Candidate of Philology, Researcher, Sector of Ethnopsycholinguistics, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

Irina Yu. Markovina, Candidate of Philology, Associate Professor, Director at Institute of Linguistics and Intercultural Communication Sechenov Moscow State Medical University, Moscow (Russia)

Lubov N. Mitireva, Candidate of Philology, Head of Foreign Languages Department Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

ACADEMIC ADVISORY BOARD

Alfredo Ardila, Ph.D., Florida International University, Miami (USA)
Tatyana V. Akhutina, Doctor of Psychology, Professor, Head of the Laboratory of Neuropsychology, Faculty of Psychology, Moscow State University, Moscow (Russia)

Elena S. Gritsenko, Doctor of Philology, Professor, Pro-rector of Nizhny Novgorod State Linguistic University, Nizhny Novgorod (Russia)

Valery Z. Demyankov, Doctor of Philology, professor, Head of General and Applied Linguistics Department, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

Natalya V. Dmitryuk, Doctor of Philology, Professor, Professor of Linguistics Department, South Kazakhstan State Pedagogical University, Shymkent (Kazakhstan)

Alexandra A. Zalevskaya, Doctor of Philology, Professor, Department of English, Tver State University, Tver (Russia)

Vladimir I. Karasik, Doctor of Philology, Professor, Professor at Chair of General and Russian Linguistics, Pushkin State Russian Language Institute, Moscow (Russia)

Alla V. Kirilina, Doctor of Philology, Professor, Pro-rector of the Moscow International academy, Moscow (Russia)

Ly Toan Thang, Doctor of Philology, Professor, Vietnam Institute of Lexicography and Encyclopedia, Vietnam Academy of Social Sciences, Hanoi (Vietnam)

Martin F. Lynch, Ph.D., Professor, the University of Rochester, Rochester (USA)

Elena Yu. Myagkova, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of theory of language and translation, Tver State University, Tver (Russia)

Irina G. Ovchinnikova, Doctor of Philology, Professor, Professor of Department of Learning Disabilities, Haifa University, Haifa, (Israel)

Maria A. Pilgun, Doctor of Philology, Professor, Senior Researcher, Sector of Ethnopsycholinguistics, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

Fedor B. Polyakov, Doctor, Professor, Director of the Institute of Slavic Studies, the University of Vienna, Vienna (Austria)

Iosif A. Sternin, Doctor of Philology, Professor, Director at Communications Studies Centre, Voronezh State University, Voronezh (Russia)

Elena V. Kharchenko, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Russian Language as a Foreign, South Ural State University (Russia)

Zhao Qiuye, Doctor of Philology and Pedagogics, Professor, Director of the Institute of Slavic Languages, Harbin Pedagogical University of China, Harbin (China)

Tatiana V. Chernigovskaya, Doctor of Biological Sciences, Doctor of Philology, Professor, Head of the Laboratory of Cognitive research and the department of problems of convergence of natural and human sciences St. Petersburg State University, Corresponding Member of the Russian Academy of Education, St. Petersburg (Russia)

Irina V. Shaposhnikova, Doctor of Philology, Professor, Chief Researcher of the Sector of the Russian Language, Institute of Philology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Professor at Chair of General and Russian Linguistics Novosibirsk State University, Novosibirsk (Russia)

Viktor I. Shakhovskiy, Doctor of Philology, Professor, Professor of Linguistics Department, Volgograd State Social Pedagogical University, Volgograd (Russia)

The journal is included with the peer-reviewed scientific publications. It is approved for publication of the research results of doctoral and habilitation theses by the Higher Attestation Committee (VAK).

The journal is indexed in the Russian Science Citation Index (RSCI), E-library, CiberLeninka, Google Scholar, ERIH PLUS.

4 issues per year.

The journal has been published since 2003.

All rights reserved.

The materials of the journal may not be translated or copied in whole or in part without the written permission of the publisher, except for brief excerpts in connection with reviews or scholarly analysis.

Moscow, 2020

© Institute of linguistics of Russian academy of sciences, 2020

© Moscow International Academy, 2020

© Authors, 2020

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Глебкин В.В. (<i>Москва</i>) Концептуальная структура лексического комплекса «Скука» (на материале серии интервью с носителями русского языка)	8
Голышкина Л.А. (<i>Новосибирск</i>) Текстообразование как ориентировочная деятельность: опыт экспериментального исследования	23
Климова М.А. (<i>Нижний Новгород</i>) Никнеймы игроков Dota 2 и психические границы языка в эпоху глобализации	36
Мышкин С.В. (<i>Москва</i>) Структура и содержание профессионального общения	54
Орлова О.С. (<i>Москва</i>) Темы рождения и смерти в русских и английских фразеологизмах: метафора пути	64
Пузанова Ю.С. (<i>Санкт-Петербург</i>) Эталоны сравнения и точки отсчёта в онтогенезе	76
Тылец В.Г., Краснянская Т.М. (<i>Москва</i>) Психолингвистическое исследование концептов «опасность» и «безопасность» в языковом сознании студентов	84
Цыбенова Ч.С. (<i>Улан-Удэ</i>) Отражение традиционных ценностей в языковом сознании тувинцев (по данным ассоциативного эксперимента)	98
Чернова Д.А. (<i>Санкт-Петербург</i>) Интерпретация неоднозначной разметки синтаксических связей: экспериментальное исследование на материале русского языка	110
Яковлев А.А. (<i>Красноярск</i>) Е.Д. Поливанов: 3 определения языка	121

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ ШТУДИИ

Красухин К.Г. (<i>Москва</i>) Отрицание и неопределенность в языке и логике	132
---	-----

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПРОЕКТЫ В РЕГИОНАХ

Дмитрюк Н.В. (<i>Шымкент, Казахстан</i>) Ассоциативные словари в Казахстане и казахстанские психолингвистические исследования	140
---	-----

РЕЦЕНЗИИ

Казаков Г. (<i>Люберцы</i>) Japanese Encyclopedia of Cognitive Linguistics	162
Шерстинова Т.Ю. (<i>Санкт-Петербург</i>) Рецензия на 3-е издание учебника В.П. Захарова и С.Ю. Богдановой «Корпусная лингвистика»	164

ИНФОРМАЦИЯ

Правила оформления и предоставления рукописи в журнал	167
---	-----

THEORETICAL AND EXPERIMENTAL STUDIES

Glebkin V.V. (<i>Moscow</i>) Conceptual Structure of the Lexical Complex ‘ <i>Skuka</i> ’ in a Series of Interview with Native Speakers of Russian	8
Golyshkina L.A. (<i>Novosibirsk</i>) Producing Texts as Orientation Activity: Experimental Research	23
Klimova M.A. (<i>Nizhniy Novgorod</i>) Nicknames of Dota 2 Players and Mental Language Boundaries in the Age of Globalization	36
Myskin S.V. (<i>Moscow</i>) Structure and Content of Professional Communication	54
Orlova O.S. (<i>Moscow</i>) The Topics of Birth and Death in Russian and English Phraseological Units. The Metaphor of Way	64
Puzanova J.S. (<i>Saint Petersburg</i>) Acquisition of Comparison Standards and Reference Points	76
Tylets V.G., Krasnianskaya T.M. (<i>Moscow</i>) Psycholinguistic Meaning of the Concepts « <i>Danger</i> » and « <i>Safety</i> » in the Language Consciousness of Students	84
Tsybenova Ch.S. (<i>Ulan-Ude</i>) Reflection of Axiological Picture of the World in Language	98
Chernova D.A. (<i>Saint Petersburg</i>) Valency Ambiguity Resolution: an Experimental Study with Reference to Russian	110
Yakovlev A.A. (<i>Krasnoyarsk</i>) Three Definitions of Language by Evgeny D. Polivanov	121

PHILOLOGICAL STUDIES

Krasukhin K.G. (<i>Moscow</i>) Negation and Indefiniteness in Language and Logic	132
--	-----

PSYCHOLINGUISTIC STUDIES IN THE REGIONS

Dmitryuk N.V. (<i>Shymkent, Kazakhstan</i>) Associative Dictionaries in Kazakhstan and Kazakh Psycholinguistic Research	140
---	-----

REVIEWS

Kazakov G. (<i>Lyubertsy</i>) Japanese Encyclopedia of Cognitive Linguistics	162
Sherstinova T.Yu. (<i>Saint Petersburg</i>) Review of the Textbook by V.P. Zakharov and S.Yu. Bogdanova « <i>Corpus Linguistics</i> », 3 rd edition	164

INFORMATION

Manuscript Submission Requirements	167
------------------------------------	-----

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 81'139 / DOI 10.30982/2077-5911-2020-43-1-8-22

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ЛЕКСИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА «СКУКА» (НА МАТЕРИАЛЕ СЕРИИ ИНТЕРВЬЮ С НОСИТЕЛЯМИ РУССКОГО ЯЗЫКА)

Глебкин Владимир Владиславович

Кандидат философских наук, доцент
Школы актуальных гуманитарных исследований РАНХиГС
119311, Москва, пр. Вернадского, д. 11, кв. 364
gleb1514@gmail.com

В статье представлены результаты серии интервью с носителями русского языка, посвященной выявлению базовых элементов концептуальной структуры лексического комплекса «скука». В ходе интервью выявлялись как внешние характеристики скуки, так и внутренние параметры, определяющие это состояние. Результаты интервью дают возможность уточнить и проблематизировать структуру комплекса, полученную на материале корпусных исследований. В первую очередь, это касается перцептивных репрезентаций. Визуальные образы скуки, предложенные участниками интервью, заметно отличаются от системы концептуальных метафор, представляющих категорию скуки в современном языке по данным корпусов.

Ключевые слова: скука, лексический комплекс, интервью, концептуальные метафоры, визуальные репрезентации

Введение

Опросы и интервью, различающиеся как структурно, так и типологически, давно уже стали одним из доминирующих методов экспериментального исследования в социолингвистике, психолингвистике, когнитивной лингвистике. Все чаще прибегает к ним и традиционная лингвистика, в частности, лингвистическая семантика, рассматривая их как дополнение к корпусному анализу. Однако далеко не всегда методологические возможности, открываемые такими экспериментальными процедурами, осознаются в полной мере. Иногда результаты, полученные в результате опросов и интервью, не просто уточняют корпусные данные, но в отдельных аспектах радикально противоречат им, ставя под сомнение базовые теоретические постулаты, лежащие в основании корпусного анализа. Исследование, описанное в данной статье, служит иллюстрацией данному утверждению.

Как это следует из заглавия, объектом анализа в проведенном исследовании является лексический комплекс *скука*. Понятие лексического комплекса вводится в работах [Глебкин 2012, 2014], где определяется как упорядоченная пара, “которую составляют определенное лексическое гнездо и соответствующее ему концептуальное содержание” [Глебкин 2014: 211–212]. Так, основные слова, входящие в лексический комплекс *скука*, – *скука*, *скучать*, *скучный*, категория состояния *скучно*, *соскучиться*, *заскучать*, *наскучить*. Под концептуальной структурой лексического комплекса понимается иерархически организованная система смыслов, соответствующая данному лексическому гнезду.

Хотя европейские аналоги русского слова *скука* – *ennui*, *Langeweile*, *boredom* – давно и плодотворно изучаются в западной традиции (напр., [Sagnes 1969; Bouches 1973; Peters 1975; Spacks 1995; Jonard 1998; Raposa 1999; Kessel 2001]; ср. [Глебкин 2015]), нельзя сказать, что категория скуки подробно изучена отечественными исследователями в целом и лингвистами в частности (среди весьма немногочисленных работ, посвященных анализу этой категории, можно упомянуть [Сороченко 2003; НОССРЯ 2003: 1032–1033; Глебкин 2007, 2014а; Пеньковский 2012: 93–154; Маханова 2016]). При этом методологическими основаниями проводимых исследований являются интроспекция и корпусный анализ.

Данное исследование опирается на иную методологию. В его основе лежит серия интервью с носителями языка, целью которой было уточнение и, при необходимости, переосмысление данных, полученных с помощью традиционных методологических процедур. Перейдем к описанию структуры исследования.

Метод

Участники. Участниками исследования стали 107 человек от 16 до 84 лет (средний возраст – 37,3 года), 57 женщин и 50 мужчин. Основную массу опрашиваемых составляли жители Москвы (78 человек), но в опросе участвовали также жители Новгорода, Ярославля, Витебска, Соловков и с. ФерAPONTOVO Вологодской обл. Большинство участников имело высшее образование (67 чел., примерно в равных пропорциях – техническое и гуманитарное), но значительный процент опрашиваемых составили также люди с неполным высшим, средним и неполным средним образованием. Профессиональный спектр участников был весьма разнообразным: учителя, научные работники, сотрудники музеев, менеджеры, бухгалтеры, официанты, медицинские работники, студенты, школьники, пенсионеры. Все опрашиваемые были монолингвами.

Процедура. Опрос каждого участника проводился индивидуально. Участникам предлагалось выполнить шесть небольших заданий, список которых приводится ниже.

1. Назовите первое приходящее вам в голову словосочетание из двух слов, первым из которых является прилагательное *скучный*, *-ая*, *-ое*, а вторым – существительное, к которому это прилагательное относится.

2. Опишите первую возникающую у Вас в памяти ситуацию, когда Вам самому(-ой) было скучно.

3. Опишите, по каким признакам вы можете охарактеризовать скучающего человека. В чем состоят особенности его поведения?

4. Поясните смысл выражений *скучный разговор* (какой разговор Вы назвали бы скучным?), *скучная книга*, *скучный человек*, *скучная жизнь*.

5. Представьте себе, что у вас есть все необходимое (краски, кисточки, карандаши, мелки, бумага, холст и т.д.) и Вы не испытываете технических сложностей с тем, чтобы нарисовать все, что сочтете нужным. Вас попросили нарисовать скуку. Опишите, что Вы нарисуете.

6. Считаете ли Вы скуку позитивным эмоциональным состоянием, негативным эмоциональным состоянием или в ней есть позитивные и негативные элементы в зависимости от ситуации? Если последнее, то опишите более подробно, какие элементы. Возможно, с Вашей точки зрения, предложенная система координат (позитивное – негативное) неприменима для характеристики скуки. Прокомментируйте в таком случае, чем вызвана подобная неприменимость.

Интервью продолжались от 2 до 20 мин. (среднее время интервью – 5,9 мин.). При проведении интервью я и мои коллеги старались минимизировать уточняющие вопросы, чтобы избежать эффекта прайминга и невольного навязывания позиции интервьюера. Несколько человек не смогло ответить на все вопросы, в этом случае я исходил из тех данных, которые были представлены.

Результаты

Кажется целесообразным представить результаты по каждому из заданий в отдельности.

1. Наиболее часто в ответах встречалось выражение *скучная жизнь* (16 раз), затем идут *скучная работа* – 11, *скучный день* – 8, *скучный фильм* – 7, *скучная погода* – 6, *скучная книга* – 5, *скучное занятие* – 4, *скучная учеба* – 3, *скучное времяпровождения* – 3, *скучный урок* – 3, *скучная история* – 2, *скучная лекция* – 2, *скучное дело* – 2, *скучное кино* – 2, *скучный вечер* – 2, *скучный человек* – 2. По разу встречаются выражения *скучный разговор*, *скучное собрание*, *скучная беседа*, *скучная дребедень*, *скучная задача*, *скучная литература*, *скучная неделя*, *скучная обстановка*, *скучная пара*, *скучное задание*, *скучное кино*, *скучное путешествие*, *скучное лето*, *скучное событие*, *скучные дни*, *скучный период*, *скучный план-график*, *скучный сад*.

2. Прежде всего, следует отметить, что 13 человек (12,1%), в основном, зрелого и пожилого возраста (ср. возр. – $57 \pm 15,4$ лет) затруднились вспомнить ситуацию, когда им было скучно, и утверждали, что они не испытывают этого состояния. Ниже приводятся несколько характерных ответов:

– *Я не помню этого, потому что интересы разносторонние. Я хоть и на пенсии, не работаю, но все время нахожу себе какое-то занятие* [69 л., м., Суздаль];

– *Тема скука для меня не существует. Всегда можно занять себя. По крайней мере, я так считаю* [59 л., м., Витебск];

– *Ну, вообще, мне скучно не бывает. Меня просто научили думать, и если я одна, я начинаю обдумывать, с разных точек подходить, интерпретировать, развивать любую мысль. Черта такая у меня* [60 л., ж., Соловки].

Среди тех, кто описывал ситуацию скуки, наиболее часто встречался контекст пребывания дома или на даче (21 раз, из них дача – 1 раз). В качестве мотивов для скуки обычно отмечались пребывание в состоянии незанятости, безделья и одиночество.

– *Ну, это когда дома, допустим, заняться нечем. Все переделала, домашнюю работу, и заняться нечем вроде как* [27 л., ж., Москва].

– *Мне было скучно дома, потому что я была одна, вероятно. Одинокое состояние, когда тебе нечем заняться или ты ни с кем не можешь поговорить* [16 л., ж., Москва].

Особого внимания требует одно описание, формально попадающее в данный раздел, но заметно отличающееся от других по сути. Оно представляет собой довольно точное и глубокое, на мой взгляд, описание одной из прототипических моделей скуки.

– *Это повторяющийся такой сюжет. Бывает несколько раз в неделю скучно, но я даже не знаю, можно ли назвать скукой то состояние после школы, когда очень устал, делать ничего не хочется, но ты знаешь, что надо, поэтому не ложишься спать до вечера и просто заставляешь себя что-то делать. Но сконцентрироваться на чем-либо трудно, и поэтому продуктивность очень маленькая. И отсюда такая скука, потому что интереса к работе никакого. Но это проходит ближе к поздним часам, когда уже понятно, что деваться некуда* [16 л., м., Москва].

Следующая по частотности ситуация – ситуация учебы: скука на лекциях, семина-

рах, уроках (17 раз). Отчасти такая частотность вызвана спецификой выборки, среди которой было заметное число студентов и школьников.

– *Лекция в Университете. Видимо, концентрация уже ослабла, и было сложно сосредотачивать свое внимание на довольно сложных вещах, которые еще к тому же не очень увлекательно подаются. Обычно, уже с опытом учебы, я с этим справляюсь, но иногда все-таки отвлекаешься и начинаешь скучать* [21 г., ж., Москва].

– *Сижу на лекции, и мне очень скучно, потому что преподаватель не понимает, что я его спрашиваю, и я выслушиваю объяснения по десять раз того, о чем я не спрашивала* [22 г., ж., Москва].

Следующая группа – ситуация общения, неформальной коммуникации (13 раз).

– *Когда я говорила по телефону с человеком, и мне хотелось, чтобы разговор быстрее закончился, потому что мне было скучно* [27 л., ж., Москва].

– *Меня друг приглашает в неизвестную компанию и оставляет меня в этой компании, и я не могу найти общий язык с этими людьми, и поэтому мне скучно* [20 л., ж., Москва].

– *Я не люблю застолья, они меня угнетают. Раньше еда была на втором плане, а на первом плане были интеллектуальные беседы, кто-то сочинял стихи, диалоги были интересные, обсуждали какие-то книги, а когда еда в чистом виде, это ужасно, я не могу это выносить. Это самое тяжелое испытание. И поэтому стараюсь пореже ходить на такие застолья. Но иногда приходится* [71 г., ж., Москва].

Следующая группа – различные формы досуга: чтение, телевизор, кино, театр, экскурсии, отдых в туристической поездке (10 раз).

– *Это ситуация перманентная, и она связана с телевидением. Я телезависимый, некоторым образом, смотрю телевизор, и я обращаю внимание, что, хотя за последнее время число каналов и выросло, смотреть стало неинтересно, скучно. Мне скучно. Я не смотрю сериалы, не смотрю фильмы, за редким исключением, я прыгаю с канала на канал, и мне скучно* [56 л., м., Москва].

– *Театральная постановка. Невозможно уйти* [53 г., м., Москва].

– *Была в Амстердаме, фотографировалась на фоне всех домов неоготического стиля, которые там, и поняла, что это скучно* [38 л., ж., Москва].

Следующий контекст – близкий к учебному, но уже для работающих людей – собрание, совещание, конференция (7 раз).

– *Собрание. Сидишь на собрании и скучаешь. Монотонные речи произносятся. Ничего интересного* [48 л., ж., Москва].

Также упоминаются контексты, связанные с ситуацией ожидания (5 раз).

– *В Кемпи сидишь на вокзале. До поезда далеко. Ничем заняться не можешь. Никого практически нет, пустой вокзал. И уйти некуда. Состояние безделья, незанятости, и мысли не можешь собрать в одну кучу, потому что без конца объявляют поезда и все прочее. Ну, скучно* [69 л., м., Соловки].

В отдельную группу объединяются контексты, отсылающие к ситуации дороги: самолет, поезд, электричка (5 раз).

– *В самолете летел 8 часов, было скучно* [27 л., м., Москва].

Также пять раз возникали контексты, связанные с работой, из них три – с бездействием на работе, и два – с монотонностью этой работы.

– *Когда у тебя ночная работа, все дела уже переделаны ночью, и спать негде* [19 л., м., Ярославль].

– Я очень не люблю гладить. Для меня это самое смертельное [45 л., ж., Москва].
В четырех случаях скука ассоциировалась с опытом детства.

– Перед первым сентября все разъезжались (деревня маленькая, в основном, приезжие были, двоюродные сестры, братья), и хотя погода солнечная, особо не покупаешься, уже холодом веет, и вот остаешься один, и осталось с тех времен ощущение скуки, тоски такой. Предоставленный сам себе ходишь. Это самые яркие детские воспоминания [54 г., м., Витебск].

– Когда ты маленький, и взрослые вокруг разговаривают, и ты не понимаешь, о чем [23, ж., Москва].

В двух случаях в качестве ситуационного контекста выступает болезнь, в двух – погода. В одном случае интервьюируемый говорит о рыбалке, которая представляет собой сложный случай, говоря математическим языком, линейную комбинацию двух базовых моделей: досуг и ожидание. В одном случае причиной скуки названо испорченное настроение, и еще в одном респондент, хотя и с оговорками, говорит о перманентной, экзистенциальной скуке.

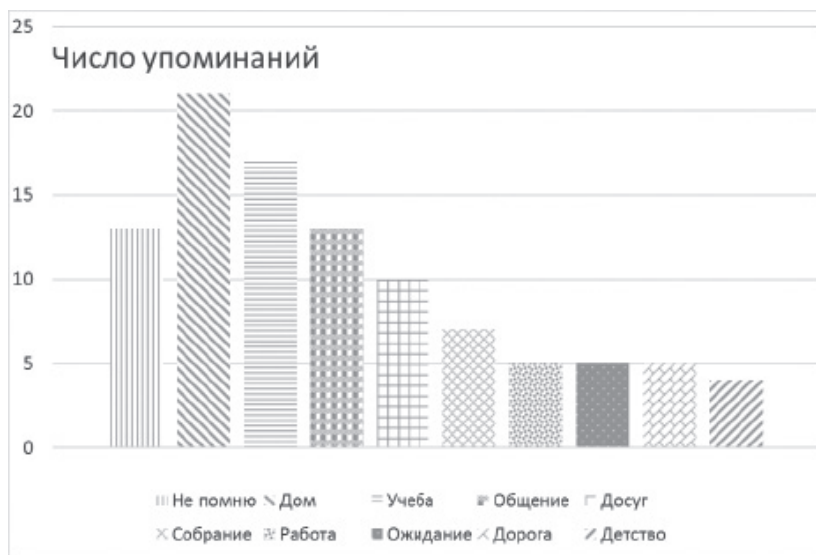
– Да я его перманентно ощущаю. Я просыпаюсь – ну, скучно – это, может быть, не то слово – неинтересно. Хандра такая русская, я не знаю, можно ли ее назвать скукой [54 г., м., Соловки].

Распределение по наиболее частотным моделям приведено в Табл. № 1.

3. Характеристики скучающего человека связывались с его действиями (62,6% всех участников выделили этот регистр), взглядом (54,2%), внешним видом и выражением лица (52,3%)¹. Некоторые участники также указывали на внутренние характеристики (11,2%).

Таблица № 1

Распределение описаний ситуации скуки по базовым контекстам

¹ Следует отметить, что многие участники выделяли в своих описаниях несколько регистров.

Если говорить о действиях, то общей чертой основного массива характеристик является невключенность в коммуникативный процесс, но эта невключенность выражается в двух различных поведенческих моделях:

А) полная пассивность, инертность, часто сопровождаемая зевотой (*«не проявляет никакого внимания к тому, что его окружает»; «апатичный, безразличный, не включен в процесс, который происходит, погружен в себя»; «в нем есть заторможенность действий, отсутствие движений и, например, зевота, вздохи»; «возможно, какая-то обреченность чувствуется и инертность»; вялость, нет какого-то огня; полуспит»*);

Б) нервозность, раздражительность, выраженная в быстрой смене различных форм деятельности, не несущих никакого смысла и не связанных с происходящим коммуникативным процессом (*«повторяющиеся или необдуманные действия; быстрая сменяемость разных активностей, которая быстро заканчивается»; «проявляет двигательную активность, мелкие движения на уровне пальцев, болтает ногой, не сосредоточен на том, что делает»; «он мается: взялся за одно – бросил, взялся за другое – бросил; нет вещей, которые могли бы привлечь его внимание»*).

Две описанные выше модели проявляются также и в характеристике взгляда и выражения лица. Так, взгляд может характеризоваться как застывший, потухший, отсутствующий, задумчивый, уставленный в одну точку, а может – как бегающий, блуждающий, рассеянный, бесцельный; внешний вид, поза, выражение лица – как поникшие, отсутствующие, грустные, обреченные, сонные, и как нетерпеливые, беспокойные. Некоторые описания носят интегративный характер. Например, *«расслабленная поза, не то, чтобы совсем расслабленная, а точнее – расслабленно-натужная, общее выражение лица кислое, как будто погано, живот болит слегка»*.

Несколько человек обратили также внимание на схожесть внешнего поведения и внешних признаков скучающего и грустящего человека. По их мнению, сложно отличить скуку от грусти или печали исключительно по внешним признакам, не погружаясь во внутренний мир человека.

4.1 Сразу отмечу, что в 45 случаях из 107 (42,1%) в качестве проясняющий оппозиции к скучному разговору выступает лексический комплекс *интересный (неинтересный, не интересует, нет интереса* и т.д.). Далее, одни из опрашиваемых делают акцент на форме разговора, а другие останавливаются на содержательных сторонах. В качестве формальной характеристики говорится о медленном разговоре, в котором много длинных пауз и отсутствует эмоциональная включенность собеседников (*«разговор, в котором много пауз делают люди, задумываются надолго, что сказать»; «когда человек делает осознанное усилие, чтобы поддерживать разговор: бывает, что разговор сам льется, а бывает, когда нужно говорить, чтобы его поддерживать; сменяемость тем – долгое молчание и потом какая-то тема, чтобы просто занять время»*). Еще одна обозначенная модель: когда один из собеседников подавляет остальных и превращает диалог в монолог.

С содержательной стороны выделяется несколько моделей скучного разговора: а) разговор, вызванный внешними факторами (соображениями приличия, официального этикета и т.д.), за которым не стоит никаких внутренних оснований (*«разговор, который ведется ради самого разговора, просто для того, чтобы занять время, или нужно его вести, нужно поддерживать беседу. Разговор, который не идет от души. И человек сам не заинтересован, чтобы этот разговор развивался, ему не интересно, что будет в ответ. Формальный разговор. Привет, привет, хорошая погода. Дежур-*

ные, никому не нужные, пустые фразы»; «Это как раз часто бывает. Приходишь в какую-то компанию, не знакомую тебе, и начинаешь болтать непонятно, о чем. Причем эта болтовня будет эквивалентна молчанию. Можно молчать ни о чем, а можно говорить ни о чем. Начинаешь нести бред. Все равно, что молчал»); б) разговор на не интересующую тебя тему («разговор, который ведется на темы, которые я не могу поддержать и которые мне не близки»; «А вот ты купила это? А сколько это стоило? По три, по пять. Чувствуешь – тупеешь»); в) разговор об очевидных вещах с собеседником, который уступает тебе по степени компетентности в обсуждаемом сюжете («мне не интересно разговаривать про то, что я явно знаю, с людьми, которые знают про это явно меньше»); г) разговор на тему, в которой ты не компетентен, обсуждение непонятных тебе сюжетов («разговор, в котором я ничего не понимаю, только делаю вид»).

4.2 Лексический комплекс *интересный* выступает в качестве поясняющей оппозиции для конструкции *скучная книга* в 30 случаях из 107 (28%). Иногда это делается вполне осознанно («Ты должен ее читать, но тебе неохота ее читать, либо ты ее бросаешь читать, потому что в ней нет – антоним – интереса. Неинтересно – значит скучно»). В целом, описание скучной книги осуществляется по двум альтернативным регистрам: внутренние ощущения читающего, и характеристики книги, которые подаются как объективные. К внутренним ощущениям наряду с отсутствием интереса относятся такие характеристики как *не цепляет* («Книга, которая не никак не цепляет и ее хочется отложить практически сразу. Ничего такого нет, что остается в голове», «не задевает, не захватывает, утомляет», «когда не помнишь, что прочитал 5 секунд назад»). Из содержательных характеристик выделяются затянутый, предсказуемый сюжет, предельная разреженность или отсутствие мысли, избыточность описаний, плохой слог. Отдельно в качестве скучных книг выделяются философские трактаты, учебники, справочники («справочник по автомобилевожждению, написанный сухим языком, со многими узкопрофессиональными словами»). Следует также отметить, что два человека из опрашиваемых вообще отрицали наличие скучных книг, разделяя скуку как объективное свойство книги и как субъективную реакцию на нее конкретного человека («книга может быть скучной для кого-то, но другой найдет в ней что-то интересное»).

4.3 Так же, как и для скучной книги, описание конструкции *скучный человек* осуществляется по двум альтернативным регистрам: субъективные ощущения говорящего и не связанные с конкретным собеседником характеристики, трактуемые как объективные. Это проявляется, в частности, в использовании лексического комплекса *интересный*, к которому обращаются в данном подкластере 58 чел. (54,2%): не интересный для меня («я не понимаю его интересов или он моих не понимает, поэтому получается скучный разговор»; «Человек, с которым нет контакта. То, что он говорит, тебя не интересует, тебе не близко. Поэтому для тебя он может быть скучным, а другому он не будет скучным. Скучный разговор, книга, человек – это вопрос нестыковки полей. Это субъективное. Полезно найти в человеке что-то нескучное») и не интересующийся ничем или почти ничем («Человек, у которого мало увлечений, мало интересов в жизни, не разносторонний»). Следует отметить, что, с точки зрения восьмерых участников опроса, скучных людей не бывает («Человека нельзя назвать скучным, он бывает скучным в какие-то моменты жизни по причине конкретных обстоятельств. Я не верю в абсолютно скучных людей. Человек может быть замкнутым и скучным

для других, но это в зависимости от взгляда. Скучный человек – это человек, который кажется скучным, который лично тебя не может заинтересовать»). Те, кто делает акцент на субъективной составляющей, подчеркивают отсутствие точек соприкосновения, общих тем для разговора; респонденты, выделяющие объективные характеристики, используют в качестве пояснения слова *зануда* (7 чел.), *без чувства юмора* (4 чел.), *пассивный, который ничем не увлекается, ограниченный*. Некоторые подчеркивают также зависимость скуки от ситуации: *«Ситуация может быть скучной, но не сам человек»*. Обобщая, можно выделить три базовые модели, по которым строится описание скучного человека: скучный для кого-то, скучный в данной ситуации (определяющей здесь является ситуация) и скучный в любой ситуации (здесь скуку порождают характеристики самого человека, представляемые как объективные).

4.4 Основными характеристиками скучной жизни оказываются неинтересность (17 чел.), однообразие (14 чел.), монотонность (10 чел.). Вот несколько показательных описаний: *«Однообразная жизнь. Рутинная. Дом – работа, работа – дом, и нет никаких увлечений»*; *«Такая не интересная жизнь, жизнь ради жизни: поел, потому что надо поесть, пошел на работу, потому что надо сходить на работу, сходил в магазин, чтобы поесть»*; *«Это когда от пылесоса к плите и обратно»*; *«Когда все однообразно, когда день сурка такой. Ничего не происходит. Завтрак, работа, дом. Кино по выходным»*. Обратной стороной этой монотонности оказывается бессобытийность, т.е. отсутствие событий, выделяющихся из ряда, событий, о которых можно вспомнить: *«Когда ничего не происходит. Отсутствие событий»*; *«Не оставляет никаких ярких, красочных воспоминаний о себе»*; *«Жизнь, не богатая событиями. Жизнь, о которой нечего сказать»*. Еще один аспект, на который обращается внимание – жизнь, лишенная цели и смысла, связывающих отдельные эпизоды в единое целое: *«Жизнь, лишенная осмысления. Когда убирается момент мысленного напряжения, жизнь становится скучной. Жизнь без размышлений, без рефлексии»*. Отдельно рядом участников (3 чел.) ключевой характеристикой скучной жизни называется одиночество.

5. Шесть человек отказались выполнить данное задание. Ответы оставшихся 101 участника распределились примерно поровну между абстракциями (46 чел.) и сюжетными изображениями (55 чел.). При этом почти треть участников (33 чел.) связала скуку с серым цветом: *«серое аморфное пятно»*, *«регулярная структура в серых тонах»*, *«серая, с оттенком зелени, бесформенная клякса»*, *«возьму серую краску, разведу ее и капну на лист – будет просто серое пятно»*, *«серое болото; жирные серые капли, плотные, тягучие, как деготь»*, *«серое; нарисовать можно все, что угодно»*, *«серый карандаш возьму и буду легким штрихом заштриховывать лист бумаги»*, *«мрачный пейзаж в серых тонах»*, *«старуха, сидит и о чем-то рассказывает, вся в сером»*. Также в цветовой гамме скуки в единичных случаях присутствуют темно-зеленые, сиенно-зеленые, темно-синие, черные, сизые, фиолетовые, коричневые тона.

Говоря об абстрактных изображениях, интересно обратить внимание на противопоставление структурности, упорядоченности, с которой скука связывается в одних описаниях (*«диагонально повернутая бесконечная шахматная доска»*, *«повторяющиеся простые схемы, примитивы»*; *«просто круг, как цикл чего-то одинакового, повторяющегося. Скорее, черный, или какой-нибудь мрачный»*) и аморфности, отсутствия всякой структуры в других (*«Аморфный рисунок, нечто неструктурированное. Равномерное заполнение, неупорядоченные, неструктурированные объекты. Аморфное тело. В виде каких-то штрихов, пятен. Как только появляется порядок, это не скучно»*; *«Взя-*

ла бы еще бумаги, скомкала бы ее и приклеила. Возможно, ваты туда бы добавила. Так вот эта бумага на бумаге и была бы скука. Размытое, шероховатое, что-то такое рыхлое»). Три человека отметили, что оставили бы просто пустой лист.

Из сюжетных репрезентаций доминируют изображения человека (25 случаев) и пейзаж (18 случаев)². В описаниях человека наиболее часто встречается сидящий человек («Человек, сидящий в кресле. Ноги на полу, руки на подлокотниках. Не напряженный, но и не расслабленный. Все это в серых тонах»; «Обычная комната и одиноко сидящий человек, который ничего не делает, и на лице такая отрешенность, потому что ему не хочется ничего делать, и он даже не знает, что делать»; «нарисую в сером цвете, человека сидящего, смотрящего в окно, опершись головой на руку, а за окном осень»; «Черный человечек, сидящий на скамейке в парке и проносящиеся мимо него цветные люди»), но возможны и другие варианты: «Кислая человеческая физиономия и пустые глаза»; «Унылый, сгорбленный человек, идущий, смотрящий в землю, глаза опущены. Пожилой, пригнутый к земле человек». В описаниях пейзажа преобладают осень и дождь: «Я бы нарисовал дождливую осень и падающие под дождем листья»; «хмарь, низкое небо, свинцовые тучи, морозящий противный дождик»; «это было бы низкое небо, затянутое такое, морозящий дождь». Иногда они обрастают дополнительными деталями: «Тучи. Лужа. Осень. Разбитая грязная машина. Осенний пейзаж». В трех описаниях изображается город: «Город. Одинаковые дома. Одинаковые люди. Одинаковая одежда»; «Большой современный город с огромными домами, закрывающими горизонт. И человек. А еще лучше, куча машин и человек, сидящий в пробке уже который час»; «Я нарисовал бы город. Дороги, дома. И, может быть, толпу бы нарисовал, но особо не прорисовывая каждого человека в ней. Серая масса движется по серому пространству. И это абсолютная скука»; в двух – дом: «Темно-синее небо, деревья без листвы, земля без травы. Дом без окон. На каком-то холме, на каком-то отшибе. Заброшенный на отшибе дом, без окон, без дверей, с покосившейся крышей, не имеющий за собой жизни»; «Дом изнутри, застывший. Полумрак. Там ничего не происходит. Нет никакой жизни». Обратим внимание на отчетливую в этих фрагментах связь скуки с отсутствием жизни.

Есть еще ряд любопытных единичных описаний: «Чучело вороны. Серый карандаш. Пыльное. Не птица и не вещь, ничего»; «Черную птицу с большими черными крыльями на белом фоне»; «Собачка лежит, уши опущены, веки, глаза прикрыты».

6. Основная масса опрошенных оценивала скуку как чисто негативное эмоциональное состояние (40,2%; «Однозначно негативное, следствие негативных вещей: недоумия, лени. Для меня перерыв – это не скука. Для меня она не рождает ничего плодотворного, скорее, губит начатки мысли, какие есть») или как негативное состояние с некоторыми позитивными элементами (20,6%; «Есть и что-то положительное. Окунуться в этот мир, но долго в нем не задерживаться. Скука может помочь найти что-то новое, поразмышлять, остановиться. Как точка, от которой можно оттолкнуться»). 23,4% характеризовали его как амбивалентное (иногда негативное, иногда позитивное) («И то и другое. Человек, живущий на вулкане страстей и дел, устает, и ему нужно немного времени, чтобы поскучать и переосмыслить, что он делает, и как-то отдохнуть, скинуть то, что было. Я не люблю этот скуч-

² Ряд описаний носил комплексный характер, включая в себя несколько составляющих. В таком случае в статистике учитывалась каждая из составляющих.

ный период, но понимаю, что без него сломалась бы быстрее. У солнца есть периоды активности и индифферентности, ну и у людей тоже так»). 12,1% отметили, что оппозиция «негативное – позитивное» не применима для описания скуки и охарактеризовали скуку как нейтральное состояние («Просто состояние, которое связано не с человеком, а с обстоятельствами. Ни то, ни другое»). Два участника опроса указали на разные типы скуки: «Скука ближе к депрессии – отрицательное состояние. А бывает скука типа лени. Сейчас скучно, а потом я пойду в другое место, и там будут какие-то события происходить. Это нельзя сказать, что положительное, но скорее нейтральное. Может быть весело, может быть скучно»; «Скучать можно по-разному. Можно скучать по ком-то, можно скучать по чем-то, можно просто скучать оттого, что в данный момент нечего делать, скучать от того, что в твоей жизни все плохо, можно скучать от погоды, наверное. Скука бывает разная, и порой она полезна, порой – антиполезна».

Обобщая, можно отметить, что в качестве негативных характеристик отмечаются, в первую очередь, потеря времени, выпадение из нормальной жизни, разлагающее и опустошающее человека, а в качестве позитивных элементов отмечаются скука как симптом, сигнал о необходимости изменений, период выключения из монотонной череды будней, открывающий возможность медитативного размышления и ведущий к появлению новых стратегических идей и проектов, точка перехода от одной активности к другой. Впрочем, некоторые участники подчеркивают, что состояние размышления и бездеятельности не вполне корректно называть скукой: «В прямом смысле – негативное состояние, потому что оно – нетость, лишенность. Скука как бездеятельность, в которой думают, – это ничего. Но это не скука, по-моему. Скука – нетость. Свойство бесов, которых нету».

В заключение этого подраздела следует еще раз подчеркнуть значимость комплекса *интересный* при обсуждении сюжета со скукой. Слова, входящие в комплекс, были хотя бы один раз упомянуты 85% участников, а среднее число вопросов, ответы на которые включали их в себя, на одного участника равно 1,87 (т.е. в среднем каждый из участников использовал слова из комплекса *интересный* в ответах на два вопроса).

Обсуждение

Объединяя первые два вопроса, можно выделить следующие прототипические для комплекса *скука* ситуации:

* Ситуация бездействия, вызванная тем, что все запланированное (работы по хозяйству, например) уже сделано, а новые планы пока отсутствуют; физической и/или психологической усталостью, невозможностью заставить себя делать то, что необходимо; внешним контекстом (например, в случае ожидания поезда или автобуса на остановке);

* Скука на работе или во время учебы, порожденная, главным образом, раздражением от монотонной и/или малоосмысленной, рутинной деятельности, потерей концентрации и включенности в происходящий процесс;

* Скука в процессе неформальной или формальной коммуникации (разговор, собрание и т.д.);

* Скука, связанная с различными формами досуга (чтение, театр, кино, посещение музеев и выставок).

Отдельно следует подчеркнуть, что об экзистенциальной скуке говорил только один из опрошиваемых, а 13 человек не смогли вспомнить ситуацию, когда им было скучно. Эти данные дают возможность предположить, что экзистенциальная скука (т.е. скука, связанная не с ситуацией, а с самим субъектом, скука как болезнь) возникает на уровне интерпретаций, а на уровне повседневного употребления почти не актуализируется (о двух уровнях описания см. [Глебкин 2014: 207–226]).

Далее, обращаясь к третьему вопросу, следует отметить, что приведенные описания дают более детальную картину внешних признаков скуки, чем это получается при анализе корпусов. Интересно, что две отмеченные модели коррелируют с двумя типами ацедии, описанными Евагрием Понтийским и Кассианом [Глебкин 2015а], и в целом выделяются и на текстовом материале для скуки. Такая бивалентность скуки отличает ее, видимо, от других отчасти похожих на нее состояний – тоски, уныния, грусти – и вызвана тем, что акцент в скуке делается не на содержательных моментах, а на переживании разреженного, не наполненного событиями времени.

Пункты 4.1 – 4.4. также, в целом, соотносятся с наблюдениями, сделанными по материалам корпусов [Глебкин 2014а], дополняя и уточняя их. Одним из важных дополнений является выделение двух базовых моделей скучного: «объективистской» (скука связана с внешними характеристиками объекта или ситуации, которые, в норме, должны вызывать это состояние у любого реципиента) и «субъективистской» (скука вызывается взаимодействием индивидуальных особенностей реципиента и внешней ситуации, не носящем универсального характера). Указанные модели выделяются как для конструкций *скучный разговор* и *скучная книга*, так и для конструкции *скучный человек*.

П. 4.4 отличается от п. 4.1 – 4.3 тем, что речь в нем идет не о локальной ситуации, а о цепочке событий, протяженной во времени. Однако и здесь, как показывают ответы респондентов, переживание пустого времени доминирует, метонимически распространяясь на весь временной интервал. Бессобытийность, онтологическая пустота, проявляющаяся в отсутствии воспоминаний, составляют важную характеристику скучной жизни, воспроизводимую в описаниях.

Анализ ответов на п. 6 дает возможность, в частности, сопоставить русскую категорию с ее европейскими аналогами, показывая, что *скука* ближе к *Langeweile*, чем к *ennui* (ср. [Глебкин 2015]). Значительное число респондентов находят в скуке положительный смысл как в точке перехода и даже видят в ней исток для последующего творчества. Этот аспект почти не проявляется в данных корпусов, и в данном случае опрос позволяет существенно уточнить картину, получаемую на основании корпусных данных.

Наиболее интересен с точки зрения методологии п. 5. Как известно, в рамках теории концептуальной метафоры именно концептуальные метафоры выступают в качестве перцептивных репрезентаций абстрактных понятий [Lakoff, Johnson 1980, 1999; Johnson 1987; Lakoff 1987; Kövecses 2005, 2010]. Хотя разные аспекты теории концептуальной метафоры в ее первоначальной формулировке критиковались другими исследователями (обзор критических замечаний и модернизацию теории с их учетом см., напр., в [Kövecses 2017]), восприятие концептуальных метафор как базовых перцептивных репрезентаций абстрактных понятий обычно не подвергается сомнению.

Результаты п. 5 ставят под вопрос базовый постулат теории концептуальной метафоры. В перцептивном портрете³ понятия *скука* доминирует метафора воинственного живого существа (*скука царствует, берет в полон, угнетает, мучит* и т.д.). Также значимыми оказываются метафоры контейнера (*томился в скуке*), объекта или вещи, которую можно делить, умножать, газообразной субстанции (*разгонять скуку*). Почти ничего из этого (за исключением газообразной субстанции, опускающейся на землю, в одном из описаний), не встречается в визуальных репрезентациях. Ключевой перцептивной характеристикой скуки в них оказывается серый цвет (в текстах НКРЯ цветовая характеристика тоже присутствует, но редко – на весь корпус только 20 вхождений). Также отметим значительный вес абстрактных изображений, делающих акцент как на бесформенности, аморфности скуки, так и на ее регулярности⁴. Такие изображения невозможны для концептуальных метафор, но они дают отчетливые перцептивные репрезентации абстрактных понятий.

Конкретные изображения также почти не пересекаются с концептуальными метафорами. Никто не изображает скуку в виде живого существа или груза на плечах, почти никто не изображает ее в виде газообразной среды. Основные способы представления – человек, испытывающий скуку, или ситуация (чаще всего, пейзаж), эту скуку вызывающая. Другими словами, между перцептивным портретом, представленным в виде концептуальных метафор, и перцептивными репрезентациями в виде рисунков почти нет пересечения. Это означает, что спектр перцептивных репрезентаций абстрактных понятий оказывается намного шире, чем совокупность связанных с понятием концептуальных метафор, и включает в себя регистры, для которых представление в виде концептуальных метафор, по крайней мере, не очевидно (бесформенные объекты или, наоборот, структуры с высокой степенью упорядоченности). Для того, чтобы описать все методологические следствия данного утверждения, потребовалась бы отдельная статья, однако на один методологический аспект следует обратить внимание.

Лакофф и Джонсон, говоря о представлении абстрактных понятий через телесный опыт, по умолчанию ставят знак равенства между концептуальной метафорой и *embodiment* (напр., [Lakoff, Johnson 1999: 3–7]). При этом авторами никак не оговаривается, что концептуальные метафоры, соответствующие какому-либо абстрактному понятию, встроены в систему языка в целом и существуют в рамках ограничений, которые налагаются на них этой системой на уровне синтаксиса, семантики и прагматики. Более конкретно, метафоры пути, контейнера, живого существа, груза, вещи, включенной в отношения собственности, купли и продажи предполагают взаимодействие с субъектом, подчеркивая таким образом антропоцентричность языковой системы, тогда как визуальные репрезентации, создаваемые авторами интервью, делали акцент на структуре объекта как самодостаточной реальности. Два отмеченных аспекта дополняют друг друга, и пренебрежение одним из них ведет к деформации реальной картины.

³ Перцептивным портретом понятия X называется упорядоченная совокупность концептуальных метафор, репрезентирующих это понятие. См. об этом [Глебкин и др. 2014].

⁴ Значительное число конкретных изображений, в частности, изображение скучающего человека, можно рассматривать как результат прайминга. Вопрос про рисунок шел пятым, перед этим происходила актуализация различных связанных со скукой контекстов, в частности, эксплицировались внешние признаки скучающего человека. Можно предположить, что без этого процент абстрактных изображений был бы еще выше.

Литература

Глебкин В.В. Скука // Культурология. Энциклопедия. В 2-х т. Т.2. М.: РОССПЭН, 2007. С. 493–494.

Глебкин В.В. Лексическая семантика: культурно-исторический подход. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2012. 272 с.

Глебкин В.В. Смена парадигм в лингвистической семантике: от изоляционизма к социокультурным моделям. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2014. 368 с.

Глебкин В.В. Скука // Культурология: дайджест. №1 (68). М.: ИНИОН, 2014а. С. 158–171.

Глебкин В.В. Категория скуки у Паскаля и Хайдеггера // Вопросы филологии. №1 (49), 2015. С. 34–45.

Глебкин В.В. Ацедия // Культурология: дайджест. №1 (72). М.: ИНИОН, 2015. С. 216–220.

Глебкин В.В., Аляпкина А.В., Беспалова Е.Н. Перцептивные портреты абстрактных понятий («счастье», свобода», «беда») // Вестник РГГУ. №8 (130). Серия «Филологические науки. Языкознание», 2014. С. 46–63.

Маханова Г. Е. Лингвистические средства объективации концепта «скука» в системе русского языка (на материале текстов Чехова). Диссертация... кандидата филологических наук. Брянск, 2016. 225 с.

Пеньковский А.Б. Исследования поэтического языка пушкинской эпохи. М.: Знак, 2012. 660 с.

Сороченко Е.Н. Концепт «скука» и его лингвистическое представление в текстах романов И.А. Гончарова: диссертация ... кандидата филологических наук. Ставрополь: Ставропольский государственный университет, 2003. 234 с.

Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Второе издание, исправленное и дополненное. По общим руководством академика Ю.Д. Апресяна. М.: Школа «Языки славянской культуры», 2003. 1488 с.

Bouches, M. (1973). *L'ennui de Sénèque à Moravia*. P.: Bordas, 207 p.

Johnson, M. (1987). *The Body in the Mind*. Chicago and London: The University of Chicago Press, XXXVIII, 233 p.

Jonard, N. (1998). *L'ennui dans la littérature européenne*. Paris: Honoré champion éditeur, 224 p.

Kessel, M. (2001). *Langeweile*. Göttingen: WallsteinVerlag, 399 p.

Kövecses, Z. (2005). *Metaphor in culture: universality and variation*. Cambridge; New York: Cambridge University Press.

Kövecses, Z. (2010). *Metaphor: a practical introduction*. Oxford: Oxford University Press.

Kövecses, Z. (2017). Levels of metaphor. *Cognitive linguistics*. Vol. 28 (2), 321–347.

Lakoff, G. (1987). *Women, Fire and Dangerous Things*. Chicago and London: The University of Chicago Press.

Lakoff G., Johnson M. (1980). *Metaphors we live by*. Chicago and London: The University of Chicago Press.

Lakoff, G., Johnson, M. (1999). *Philosophy in the flesh: the embodied mind and its challenge to western thought*. N.Y.: Basic books.

Peters, E. (1975). Notes toward an Archaeology of Boredom. Social research. Vol. 42, No.3, 493–511.

Raposa, M. (1999). Boredom and the religious imagination. Charlottesville: The University Press of Virginia.

Sagnes, G. (1969). L'Ennui dans la littérature française de Flaubert a Laforgue (1848 – 1884). P.: Libraire Armand Colin.

Spacks, P. (1995). Boredom: the literary history of a state of mind. Chicago: The University of Chicago Press.

CONCEPTUAL STRUCTURE OF THE LEXICAL COMPLEX 'SKUKA' IN A SERIES OF INTERVIEW WITH NATIVE SPEAKERS OF RUSSIAN

Vladimir V. Glebkin

associate professor of School of Advanced Studies in the Humanities RANEP
119311, Moscow, Vernadskogo av., 11, 364
gleb1514@gmail.com

This paper represents the results of a series of interviews with native speakers of Russian, tackling basic elements of the framework of the lexical complex “skuka” (boredom). Both external and internal characteristics of this emotion of state were explored during the interviews. The results of the experiment give some evidence to specify and problematize the corpora research data. In particular, this issue concerns perceptive representations of the complex. Visual images of boredom drawn by the interviews subjects differ radically, in some aspects, from the system of conceptual metaphors, which represents the concept of boredom in the contemporary language based on the corpora data.

Keywords: boredom, lexical complex, interview, conceptual metaphor, visual representation

References

Glebkin V.V. Skuka [Boredom]. Kul'turologija. Jenciklopedija [Cultural studies. Encyclopedia]. Vol.2. Moscow: ROSSPJeN, 2007, S. 493–494. (In Russian).

Glebkin V.V. Leksicheskaya semantika: kul'turno-istoricheskij podhod [Lexical semantics: cultural-historical approach]. Moscow: Centr gumanitarnyh iniciativ, 2012. 272 s. (In Russian).

Glebkin V.V. Smena paradigim v lingvisticheskoj semantike: ot izoljacionizma k sociokul'turnym modeljam [The paradigm change in linguistic semantics: from isolationism towards sociocultural models]. Moscow; Sankt-Petersburg: Centr gumanitarnyh iniciativ, 2014. 368 s. (In Russian).

Glebkin V.V. Skuka [Boredom]. Kul'turologija: dajdzhest. [Cultural studies. Digest]. №1 (68). Moscow: INION, 2014. S.158–171. (In Russian).

Glebkin V.V. Kategorija skuki u Paskalja I Hajdeggera [The concept of boredom at Pascal and Heidegger] Voprosy filologii [The problems of philology], 2015, No.1 (49). S. 34–45. (In Russian).

Glebkin V.V. Acedija [Acedia]. Kul'turologija: dajdzhest. [Cultural studies. Digest]. №1 (72). Moscow: INION, 2015. S. 216–220. (In Russian).

Glebkin V.V., Aljapkina A.V., Bepalova E.N. Perceptivnye portrety abstraktnyh ponjatij ("schast'e", svoboda", "beda") [Perceptual profiles of abstract concepts ('happiness', 'freedom', 'disaster')]. Vestnik RGGU [Bulletin of RSUH], 2014, № 8 (130). S. 46–63. (In Russian).

Mahanova G.E. Lingvisticheskie sredstva ob'ektivacii koncepta "skuka" v sisteme russkogo jazyka (na materiale tekstov Chehova) [Linguistic means of objectivation of concept 'skuka' in the Russian language system (based on Chekhov's texts)]. Dissertacija... kandidata filologicheskikh nauk [PhD dissertation]. Brjansk, 2016. 225 s. (In Russian).

Pen'kovskij A.B. Issledovanija pojeticheskogo jazyka pushkinskoj epohi [The Research of Poetical Language of the Epoch of Pushkin]. Moscow: Znack, 2012. 660 s. (In Russian).

Sorochenko E.N. Koncept "skuka" i ego lingvisticheskoe predstavlenie v tekstah romanov I.A. Goncharova [Concept 'skuka' and its linguistic representation in I.A. Goncharov's novels]. Dissertacija ... kandidata filologicheskikh nauk [PhD dissertation]. Stavropol': Stavropol'skij gosudarstvennyj universitet, 2003. 234 s. (In Russian).

Novyj ob'jasnitel'nyj slovar' sinonimov russkogo jazyka [New explanatory dictionary of Russian language synonyms]. Vtoroe izdanie, ispravlenno i dopolnennoe. Pod obshhim rukovodstvom akademika *Ju.D. Apresjana*. Moscow: Shkola "Jazyki slavjanskoj kul'tury", 2003. 1488 s. (In Russian).

Bouches, M. (1973). *L'ennui de Sénèque à Moravia*. P.: Bordas.

Johnson, M. (1987). *The Body in the Mind*. Chicago and London: The University of Chicago Press.

Jonard, N. (1998). *L'ennuidans la littérature européenne*. Paris: Honoré champion éditeur.

Kessel, M. (2001). *Langeweile*. Göttingen: Wallstein Verlag.

Kövecses, Z. (2005). *Metaphor in culture: universality and variation*. Cambridge; New York: Cambridge University Press.

Kövecses, Z. (2010). *Metaphor: a practical introduction*. Oxford: Oxford University Press.

Kövecses, Z. (2017). Levels of metaphor. *Cognitive linguistics*. Vol. 28 (2), 321–347.

Lakoff, G. (1987). *Women, Fire and Dangerous Things*. Chicago and London: The University of Chicago Press.

Lakoff, G., Johnson M. (1980). *Metaphors we live by*. Chicago and London: The University of Chicago Press.

Lakoff, G., Johnson, M. (1999). *Philosophy in the flesh: the embodied mind and its challenge to western thought*. N.Y.: Basic books.

Peters, E. (1975). Notes toward an Archaeology of Boredom. *Social research*. Vol. 42, No.3, 493–511.

Raposa, M. (1999). *Boredom and the religious imagination*. Charlottesville: The University Press of Virginia.

Sagnes, G. (1969). *L'Ennui dans la littérature française de Flaubert a Laforgue (1848 – 1884)*. P.: Libraire Armand Colin.

Spacks, P. (1995). *Boredom: the literary history of a state of mind*. Chicago: The University of Chicago Press.

УДК 81'23: 808, 81'42 / DOI 10.30982/2077-5911-2020-43-1-23-35

**ТЕКСТООБРАЗОВАНИЕ КАК
ОРИЕНТИРОВОЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ:
ОПЫТ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ**

Гольшклина Людмила Александровна

доцент кафедры филологии
факультета гуманитарного образования,
декан факультета повышения квалификации
Новосибирского государственного
технического университета
Россия, 630073, Новосибирск, пр. К. Маркса, 20
Ludmila200273@mail.ru, lag@fpk.nstu.ru

Статья посвящена осмыслению деятельностной природы текстообразования. Теоретико-методологической основой исследования выступает психологическая концепция ориентировочной деятельности, вводящая в сферу лингвистики такие понятия, как ориентировочная основа действия, а также автоматические и активные действия. В статье представлены поэтапное описание эксперимента, демонстрирующего понимание текстообразования как ориентировочной деятельности, и его результаты, осуществлена интерпретация полученных данных. Эксперимент реализует идею трансформации действия в деятельность путем изменения мотивации испытуемых. Методика эксперимента основана на замещении автоматических текстообразующих действий активными: испытуемые создают тексты согласно задаваемым ориентировкам, что имеет деятельностный характер. При этом на первом этапе эксперимента текстообразование осуществляется без задаваемой ориентировки, имеет статус действия. На втором этапе ориентировкой выступает коммуникативная цель, осмысляемая субъектом речи. На третьем этапе – образ адресата. Предлагаемые испытуемым стимулы выступают в качестве базовых составляющих модели коммуникативного контекста, трактуемой в качестве ориентировочной основы действия, определяющей образ типа текста в сознании продуцента. Результаты исследования свидетельствуют, что такая ориентировка, как коммуникативная цель, выступает катализатором выраженной диалогичности, информативности и аргументированности – свойств, характеризующих тексты риторического типа, нацеленные на персуазивный эффект в коммуникативной практике. Коммуникативная цель предстает как ведущая ориентировка, превращающая действие в деятельность. Ориентировка продуцента на образ адресата обнаруживает эгоцентрическую природу текстообразования, являющуюся следствием проявления в мыслеречевой деятельности субъективности как основополагающего свойства языка. Реализованная экспериментальная процедура может быть использована для развития методики планомерного формирования текстообразующей деятельности.

Ключевые слова: текстообразование, модель коммуникативного контекста, ориентировочная основа действия, мотив, автоматическое действие, активное действие, ориентировочная деятельность, коммуникативная цель, образ адресата

Введение

Цель настоящей статьи заключается в демонстрации результатов эксперимента, проводимого автором настоящей статьи в течение 2018–2019 гг. и направленного на изучение т. н. риторического текстообразования, представляющего собой поэтапный технологический процесс «переливания мысли в слово» (Л.С. Выготский), регулируемый коммуникативной ситуацией.

Осмысление текстообразования, его единиц и принципов, находящихся в исследовательском поле риторики и лингвистики текста, не мыслится сегодня без обращения к методологии психологии, в частности к теории планомерного (поэтапного) формирования умственных действий, где особое внимание уделяется феномену ориентировочной деятельности [Гальперин 1954, 1957, 1958, 2007; Запорожец 1960; Леонтьев 1997; Подольский 1979, 1987; Талызина 1975].

Сама концептуальная идея ориентировки как «заданного результата», «модели потребного будущего» (Н.А. Бернштейн), «образа результата» (А.А. Леонтьев), «ориентировочного образа действия» (П.Я. Гальперин) оказывается релевантной для риторической теории текстообразования, постулирующей осознанный технологический подход к построению текста, призванный обеспечить его эффективность в коммуникативной практике.

Описываемый эксперимент преследовал цель демонстрации деятельностной природы текстообразования путем актуализации ряда стратегических риторических ориентиров, или «ориентировочных раздражителей» (П.Я. Гальперин), организующих структуру коммуникативного акта.

Результаты эксперимента имеют предварительный характер и актуальны для дальнейшего выяснения механизмов текстообразования, в частности для выявления мотивационной основы речевого действия, для диагностирования активных и автоматических действий субъекта речи, их соотношения в практике текстовой деятельности, а также для обнаружения технологических коммуникативно-речевых сбоях при непонимании ориентировки того или иного уровня.

Теоретические основания эксперимента

Настоящее исследование инициировано концепцией П.Я. Гальперина об ориентировочной деятельности субъекта, которая трактуется как «средство приспособления к ситуациям, которые отличаются от условий работы механизмов, управляющих автоматическими реакциями. Все такие ситуации характеризуются одним общим признаком, точно указанным И.П. Павловым, признаком новизны. Этот признак, как своеобразный раздражитель, вызывает рассогласование с нервной моделью прошлого опыта, рассогласование выключает механизмы автоматического реагирования и включает механизмы деятельности по ориентировке в ситуации на основе ее психического отражения» [Гальперин 2007: 134].

Возможность проецирования психологической теории на текстообразование связано с переосмыслением таких понятий, как ориентировочная основа действия (далее ООД – Л. Г.), а также автоматические и активные действия.

Так, ООД – это «представления о том, на что следует ориентироваться, чтобы правильно выполнить действия» [Гальперин, Пантина 1957: 44]. Вслед за П.Я. Гальпериным, ООД понимается исследователями как «план, проект действия, которое составляется на первом этапе его формирования и в дальнейшем участвует в регуляции действий, определяя их качество» [Лидерс, Фролов 2012: 17].

В практике текстообразования в качестве ООД можно рассматривать такую регулирующую наши представления о тексте когнитивную структуру, как модель коммуникативного контекста (далее МКК – Л. Г.). Так, согласно Т. ван Дейку, чтобы построить текст, люди должны хранить в памяти МКК, содержащую информацию об участниках речевой коммуникации, их целях, о типе социальной ситуации, к которой должен быть приложен строящийся текст. При этом контекстная модель контролирует как стиль, так и содержание, определяет информацию о ситуации, которая может быть передана в тексте, и, наконец, указывает на то, какой тип текста должен быть построен [Дейк ван 2015: 170]. МКК представляет собой специфический тип ситуационной модели как структуры представления знаний, репрезентирующей коммуникативную ситуацию [Там же: 276], прототипическим основанием которой выступает коммуникативный акт, подробно описанный в различных концепциях моделирования коммуникации [Shannon 1948; Lasswell 1948; Якобсон 1985; Городецкий 1989].

По сути, МКК, трактуемая как ориентировочная основа, задающая схему объекта действия, воплощает представления об образе того текстотипа, который должен быть создан с учетом конститuentов коммуникативного акта: адресанта, его коммуникативной цели, адресата, обстоятельств общения, канала передачи информации и т. п.

Для выявления механизмов риторического текстообразования, постулирующего принципы осознанности и целенаправленности, а также диалогичности коммуникативного взаимодействия, в качестве ориентировок стратегического характера выдвигаются такие параметры, как коммуникативное целеполагание продуцента и моделируемый им образ адресата.

Кроме того, для практики текстообразования представляется релевантной идея выделения автоматических и активных действий. Так, если «действие опирается на готовые механизмы, включая и механизмы его регуляции, оно является автоматическим. Если же действие следует таким отношениям наличной ситуации, путем ориентировки в плане образа, то оно является активным» [Гальперин 2007: 124]. Здесь важно отметить, что «ориентировка в плане образа составляет условие не только активных реакций, но и увязки их с реакциями автоматическими или автоматизированными. <...> Автоматические механизмы включаются в состав активных целенаправленных действий там, где в их составе выделяются и узнаются знакомые части» [Там же: 126–127].

Концепция дифференциации действия коррелирует с психолингвистической теорией мотивации. Так, с общеметодологических позиций выделяют две группы мотивов общения: 1) лежащие за пределами общения, когда общение подчинено производственной в широком смысле деятельности и обладает статусом действия; 2) перешедшие на одну из целей общения, когда общение побуждается собственным мотивом и превращается в деятельность [Тарасов 2009: 144].

Таким образом, мотивы первой группы инициируют по преимуществу автоматические действия. Мотивы второй группы активируют образ результата действия, в частности образ определенного текстотипа в сознании субъекта текстообразования. Здесь активное действие может быть истолковано в качестве условия трансформации действия в деятельность.

Рассмотренные теоретические положения позволяют сформулировать **гипотезу**, которая верифицируется экспериментальной частью исследования: превращение действия в деятельность основывается на замещении автоматического действия активным путем осмысления субъектом речи базовых составляющих МКК, таких как коммуни-

кативная цель и образ адресата, используемых в качестве текстообразующих ориентировок стратегического уровня.

Описание эксперимента

Эксперимент состоял из 3 этапов и предполагал пошаговое осмысление испытуемыми последовательно задаваемых ориентировок текстообразования и их вербализацию.

Испытуемые – студенты-бакалавры факультета гуманитарного образования Новосибирского государственного технического университета (182 человека).

На первом этапе эксперимента испытуемым предлагалось в течение ограниченного времени (5 минут) создать текст на определенную, понятную всем тему («Новосибирск осенью/зимой/весной» – в зависимости от реального времени проведения эксперимента) без каких бы то ни было дополнительных установок со стороны инициатора эксперимента. Иначе говоря, задаваемая текстообразующая *ориентировка отсутствует*.

На втором этапе участникам задавался выбор коммуникативной цели (убеждающая, информационная, развлекательная, фатическая), согласно которой они моделировали новую версию текста на ту же тему в том же временном режиме. Ориентировка – *коммуникативная цель*.

На третьем этапе эксперимента текстообразующее задание реализовывалось на тех же условиях задачу вербализации образа адресата с сохранением уже осознанной коммуникативной цели. Задаваемая ориентировка – *адресат*.

Получено в течение 2018–2019 гг. 520 экспериментальных текстов, зафиксированных в письменной форме.

Обсуждение хода эксперимента

Первая попытка, связанная со сбором спонтанных текстов, демонстрирует включение у испытуемых автоматизированных механизмов текстообразования. Она оказывается подчиненной производственной, в нашем случае учебной, деятельности и обладает статусом действия вследствие ее внешней директивности, спонтанности в определении испытуемыми своего коммуникативного целеполагания, что сопряжено еще и с фактором временной ограниченности итерации текстообразования.

Анализ полученных результатов первого этапа текстообразования позволяет в качестве примера типовых текстов, созданных испытуемыми, привести следующие:

Зимы в Новосибирске очень холодные, снежные и долгие, а также очень красивые. Снег идет крупными хлопьями и покрывает весь город. Особенно красиво рано утром, когда в городе еще нет людей и машин¹ (экспериментальный текст 1 – далее ЭТ в порядке следования. – Л. Г.).

На улице становится теплее, начинает сходить снег, это значит, что в город пришла весна. Люди переодеваются в легкую одежду, снимают тяжелые шубы и сапоги, а вместе с ними и свое грустное настроение. Все больше горожан выходит на улицу. Можно заметить, что для всех это глоток свежего воздуха (ЭТ 2).

Более чем в 70 % полученных текстов испытуемые представляют объект в фокусе стандартного набора устойчиво связываемых с определенным временем года сезонных характеристик, прибегая к такому функционально-смысловому типу речи, как описание.

¹ Здесь и далее в приводимых экспериментальных текстах сохраняется орфография и пунктуация оригинала. – Л. Г.

Несмотря на навязанность участникам эксперимента речевого действия, некоторые испытуемые все же демонстрируют речетворческие потенции и идиостилевое своеобразие, например, используя прием аналогии:

Новосибирск весной похож на девушку, на очень капризную, но любимую... (ЭТ 3) или Весной Новосибирск становится похож на жизнь в России. Непредсказуемость, неадекватность преследует пешеходов на протяжении всего пути. Вот один день светит, на первый взгляд, летнее солнце, а на другой тебя с ног жестокие порывы зимнего ветра (ЭТ 4).

В 32 % полученных текстов мы отмечаем субъективацию повествования. Так, в ряде текстов обнаруживаем средства выражения субъективной эпистемической модальности, формирующие суждения с семантикой проблематической достоверности, свидетельствующие об экспликации точки зрения говорящего:

*Снег, дождь, ветер, наледь – это новосибирская весна! Столицу Сибири, **наверное**, очень любит самое холодное время года! Не хочет отпускать город в тепло (ЭТ 5); <...> в Новосибирске обновление жизни ощущается несколько по-другому – более торжественно и быстро. **Возможно**, это связано с ожиданием этого времени года, а, **возможно**, и с самим городом, который как будто оживает вместе с заснувшей природой (ЭТ 6); Весна, как **мне кажется**, для любого города – особое время (ЭТ 7).*

Кроме того, прибегают испытуемые и к ядерным средствам субъективации – к использованию т. н. я-/мы-высказываний, наделяющих тексты эгоцентричностью:

***Я люблю** весну, а Новосибирск весной тем более <...> (ЭТ 8); <...> **Мы** одни из первых встречаем морозы, переживаем сорокаградусную отметку на термометре и остаемся в любимом городе (ЭТ 9); <...> **Мы смотрим** на календари с чувством, что вот-вот нагрянет тепло, распустятся первые листья на деревьях, а за окном... сугробы. Это неплохо. За это **я и люблю** свой город (ЭТ 10).*

Вторая попытка текстообразования нацелена на активацию текстообразующих действий, а именно на самостоятельное осмысление субъектом речи коммуникативной цели текста – важнейшей составляющей МКК и, соответственно, ООД. Отметим, что по нашей просьбе все испытуемые в качестве предтекстового комментария письменно указывали коммуникативную цель конструируемого ими текста.

Следование такой ориентировке наделяет репрезентативную часть текстов эксплицитной диалогичностью, адресованностью, повышает уровень авторской модальности, усиливает информативно-содержательный потенциал текстов, что способствует в большинстве случаев и увеличению их объема:

Цель убеждающая.

Многие не любят осень, а осень в Новосибирске и вовсе кажется большинству его жителей абсолютно безрадостной и тоскливой. Это совсем не так. Я вам расскажу.

Сентябрь у нас очень красивый. Это буйство красок в парках, от еще неувядшего зеленого до начинающего проступать красного. Это время долгих прогулок в теплую погоду по центру города, от площади Ленина по оживленной Вокзальной магистрали.

А октябрь? Октябрь в нашем городе очень уютный. Становится холоднее, и все ждут снега, а когда он наконец выпадает, легкий, робкий, люди радуются и надеются, что он не растает. И все такое белое, нарядное... Ну разве это не красота? (ЭТ 11).

Коммуникативная цель как ориентировка в плане образа моделируемого текста выступает своего рода катализатором аргументированности текста. Так, эксплицируя убеждающую коммуникативную цель, некоторые испытуемые выстраивают текст по

дедуктивному принципу, актуальному для рассуждения: сначала вводится тезис, затем выстраивается система аргументов в поддержку истинности тезиса, делается вывод. Например:

Весна в Новосибирске – самое кошмарное из того, что могла придумать природа (тезис). Весь март идет снег, а на дорогах – грязь, которую никто не спешит убирать (аргумент 1). Апрель – пыльный, сухой и ветренный месяц, когда непонятно, как одеваться, отчего новосибирцы чаще болеют (аргумент 2). Май – настоящий ад для аллергиков (аргумент 3). Ничего хорошего в весне нет, в отличие, например, от лета (вывод) (ЭТ 12);

<...> Осень в Новосибирске – одно из лучших времен года (тезис). Во-первых, это неопишуемая красота природы, завораживающая пестрота деревьев в парках и на улицах (аргумент 1). Во-вторых, осень – это начало нового учебного года, нового цикла, который всегда встречают с торжеством (аргумент 2) (ЭТ 13).

Третья итерация текстообразования связана с активацией такой ориентировки, как образ адресата, призванной сформировать адресность текста с учетом сохранения уже осознанной на предыдущем этапе коммуникативной цели. Номинация адресата так же фиксировалась испытуемыми в виде предтекстового комментария. Так, в качестве адресатов чаще всего указывались: *друг/подруга, мама, бабушка, одногруппница, родственники* либо *гости/туристы* (иногда с указанием места жительства, например, *из Санкт-Петербурга* или *из Якутии*); реже – возрастные группы, например, *студенты, школьники* и *дошкольники*; дважды – *мэр Новосибирска*; единичные случаи – *Президент России*, а также *Стивен Кинг*:

Уважаемый Стивен Кинг, меня всегда поражало ваше мастерство анализировать человеческие страхи и грамотно описывать их в своих произведениях. Я приглашаю посетить вас Россию в середине весны. Приезжайте в Новосибирск и, я полагаю, вы найдете себе гору незабываемых ощущений, которые легко можно включить в вашу книгу без малейших преукрашений (ЭТ 14).

Ориентировка на образ адресата актуализировала в среде испытуемых жанры обращения (например, к мэру г. Новосибирска Анатолию Локтю, Президенту России или москвичам, которые жалуются на качество жизни) и приглашения (Стивена Кинга, родственников, друзей и т. п.), а также жанр письма, столь мало используемый сегодня молодежью в условиях тотальной гаджетизации. Именно этот комплексный по своей коммуникативной природе жанр продемонстрировал хотя и немногочисленные, но, тем не менее, наиболее удачные примеры текстообразования, характеризующиеся корректным соотношением заявляемой коммуникативной цели и типа адресата, оптимальным соотношением средств авторизации и адресации, информативностью.

Ориентировка на определенного адресата обусловила речетворческую интенцию некоторых испытуемых трансформировать стандартный монолог в диалог с имплицитной ответной реакцией. При этом мы наблюдаем усложнение синтаксической организации текстов, в ряде случаев – «подгонку» речевых средств под речемыслительные возможности воображаемого реципиента путем использования элементов просторечия и разговорной лексики, как например:

Адресат – дошкольники

А вы знаете, как прекрасен наш город весной? Возможно, немного холодно – в Москве-то поди уже и снег в марте растаял, а в Сочи так и загорать можно. Зато у

нас вон – капли звучат, птицы всякие. Слышали когда-нибудь? А прислушивались? А лужи-то у нас какие – прыгай по ним – сколько хочешь, аж корочка ледяная хрустит. В Москве-то такого уж давно нет. А мы-то ведь счастливы. Правда? (ЭТ 15).

Укажем, что в погоне за стимулируемой адресацией нередко снижается объем текста, его информативные качества.

Важно отметить, что ориентировка на образ адресата, как ни парадоксально, способствует росту субъективации повествования, усилению авторского «Я» в ряде текстов. Так, адресуя текст другу, испытуемый практически забывает о нем как о субъекте взаимодействия, минимизируя средства адресации и наделяя текст выраженной эгоцентричностью:

Я была на днях на концерте Би-2! Ты представить не можешь, как это круто! До концерта я всю весну ходила подавленная, наверное, у меня была весенняя хандра, но как-только я посетила концерт, почувствовала весну и ее запах. Да-да, именно запах, запах нового и прекрасного. Видимо, все дело в восприятии (ЭТ 16).

Более того, мы фиксируем и случаи полного игнорирования адресата, как например, в смоделированной ситуации общения дочери с родителями:

Я наконец-то выздоровела и скоро начну тренировки на улице. В Новосибирске достаточно тепло, асфальт появляется из-под снега. Мы открыли дачный сезон: я ездила с бабушкой на дачу и помогала ей делать уборку после зимы. Пришлось навести порядок еще и на грядках. Весной хочется много гулять, но я уже начала готовиться к сессии. На майские праздники обязательно приеду в гости (ЭТ 17).

Здесь мы отмечаем уход испытуемых от заявленной темы, переключение продуцента на эгоцентрическое повествование, нивелирование интеракции.

Систематизируем сделанные в ходе эксперимента наблюдения и представим его результаты.

Результаты эксперимента

Этап I (задаваемая ориентировка отсутствует, действия автоматические):

- доминирование типовых текстов, содержащих стандартное, основанное на устойчиво воспроизводимых характеристиках, описание объекта, а именно определенного времени года, – в более чем 70 % от общего количества полученных реакций;

- частичная субъективация повествования: экспликация авторского «Я/Мы» и средств выражения эпистемической модальности – 32 %.

Этап II (задаваемая ориентировка – коммуникативная цель, действия активные, трансформирующиеся в деятельность):

- наблюдение в текстах всплеска диалогичности, адресованности (преимущественно в убеждении) – 42 %;

- усиление информативности и аргументативности текстов, как следствие – увеличение их объема.

Этап III (задаваемая ориентировка – адресат, действия активные, трансформирующиеся в деятельность):

- оформление текстов в виде жанров письма, обращения, приглашения, при этом жанр письма – наиболее продуктивный для полноценного воплощения заданной ориентировки;

- доминирование авторизации при ожидаемой согласно ориентировке адресации – 28 %;

- наблюдение случаев структурной трансформации монолога в имплицитный диалог;

- снижение информативности в погоне за адресацией, что нередко сопряжено и с сокращением объема текста;
- фиксация случаев ухода от заявленной темы текста, обусловленного увлеченностью воспроизведением собственного «Я» и центрацией автора.

Интерпретация полученных данных

Проведенный эксперимент верифицирует положение о том, что текст является источником информации о самом коммуникативном акте. Неслучайно Е.Ф. Тарасов, трактуя текст как превращенную форму реальной действительности, отмечает, что в тексте, помимо собственно передаваемого сообщения, есть информация, которая «закодирована в языковых знаках ... и ... позволяет косвенным образом на основе анализа текста получить сведения о самом коммуникативном акте и его элементах» [Тарасов 2009: 104]. Эта мысль обуславливает потребность теоретико-методологического развития такой области знания, как риторика декодирования, направленной на реконструкцию механизмов текстообразования в направлении «коммуникативный акт – МКК – образ типа текста – текстообразующий замысел».

Результаты эксперимента позволяют трактовать коммуникативный акт как условие превращения действия в деятельность, поскольку, являясь прототипическим основанием МКК, он включается в состав ООД, обеспечивающей построение необходимого продуценту типа текста.

Активация на втором этапе эксперимента такой ориентировки, как коммуникативная цель, продемонстрировала ее потенциал в качестве катализатора выраженной диалогичности, информативности и аргументированности. Указанные параметры в том или ином виде входят в систему типологических свойств т. н. риторического текста [Земская, Качесова, Панченко, Чувакин 2000; Голоднов 2010; Голышкина 2015], нацеленного на планомерное создание персуазивного эффекта, на акциональность и результативность в коммуникативной практике. Таким образом, ориентация на воплощение коммуникативной цели наделяет текст действенностью, подключая к автоматическим действиям продуцента действия активные. Соответственно, мы рассматриваем коммуникативную цель в качестве ведущего ориентира, запускающего механизм превращения действия в деятельность.

Третий этап эксперимента выявил определенные трудности актуализации в текстах образа адресата как заданной ориентировки. Такой результат мы объясняем как условия проведения эксперимента, так и самой природой текстообразования.

Во-первых, очевидно, что выделенный на создание текста лимит времени (5 минут) при усложнении текстообразующих задач не позволил испытуемым реализовать в полной мере установку на учет «фактора адресата» (Н.Д. Арутюнова), сделать тексты максимально адресными. Заданные временные рамки оказались малы. Это наблюдение свидетельствует о том, что сами по себе активные действия субъекта речи не допускают механистического продуцирования, требуют осознанного подхода без временной регламентации.

Во-вторых, наблюдаемые случаи подмены адресации авторизацией, рост субъективации повествования при реализации стратегии адресации подтверждают мысль об эгоцентричности текстообразования. Еще Э. Бенвенист, рассуждая о природе языка и коммуникации, отмечал, что «именно в языке и благодаря языку человек конституируется как *субъект*, ибо только язык придает реальность, *свою* реальность, которая есть

свойство *быть*, – понятию “Ego” – “мое я” (здесь и ниже курсив оригинала. – Л. Г.) [Бенвенист 2002: 293]». В свою очередь, по мнению ученого, «“субъективность” ... есть не что иное, как проявление в человеке фундаментального свойства языка. Тот есть “ego”, кто *говорит* “ego”» [Там же: 294].

Подобную оценку природе языка дает и И.А. Мельчук в работе «Язык: от смысла к тексту»: «Естественный язык очень “эгоцентричен” – в том смысле, что большое количество языковых знаков особым образом кодируют точку зрения “я” (т. е. Говорящего – того, кто произносит рассматриваемый текст в данном речевом акте); точка зрения адресата языком не кодируется практически никогда. Эта эгоцентричность проявляется самыми разнообразными способами и в словаре, и в грамматике» [Мельчук 2012: 23].

Таким образом, текстообразование, эксплуатируя естественный язык в качестве инструмента своей объективации, перенимает свойство языковой эгоцентричности. А говорящий, в свою очередь, определяет в коммуникации свое место на шкале демонстрации субъективности. Чем выше уровень коммуникативной компетентности субъекта речи, тем свободнее он курсирует по этой шкале, выбирая наиболее уместную в том или ином речевом акте позицию. Именно это положение актуализирует потребность оценки сформированности текстообразующих навыков продуцента, его владения своим языковым «Ego» как инструментом эффективного коммуникативного позиционирования.

Сделанные в ходе эксперимента наблюдения над мыслеречевым потенциалом испытуемых обуславливают необходимость различения в текстообразовании уровней ориентировки – стратегического, тактического и операционально-технического [Лидерс, Фролов 2012: 20–21]. Использование уровневого подхода, с нашей точки зрения, позволит корректно объяснять неоднократно наблюдаемые ситуации, когда продуцент формулирует коммуникативную цель, но способы и средства ее выражения ей не соответствуют. Или субъект речи осознает стратегию диалогичности, пытается прибегнуть к тактике адресации, но последовательной и планомерной реализации определенных средств воплощения тактики мы не наблюдаем, что свидетельствует об ориентировочных сбоях операционально-технического уровня.

Выводы

Представленное исследование демонстрирует практику переосмысления психологической теории планомерного (поэтапного) формирования умственных действий и ее методологическую проекцию на теорию текстообразования. Так, использование концепции ориентировочной деятельности позволяет ввести в исследовательский арсенал лингвистики такие понятия, как ООД, а также автоматические и активные действия.

Исследование базируется на понимании текстообразования как ориентировочной деятельности, где текстоформирующими стимулами, или «ориентировочными раздражителями», выступают компоненты МКК, которая рассматривается в качестве ООД.

Выдвижение в эксперименте в функции ориентировок риторического текстообразования таких составляющих МКК, как коммуникативная цель и образ адресата, обусловлено риторическими принципами осознанности, целенаправленности и диалогичности, воплощающими идеологию эффективного текста.

Проведенный эксперимент подтверждает сформулированную гипотезу о механизмах превращения действия в деятельность в части активации коммуникативной цели как ориентировки, следование которой формирует мотивацию текстообразования, в

той или иной степени регулирует качество текста, определяет информативные и аргументативные свойства текста, обеспечивающие его персуазивные возможности.

Ориентация продуцента на образ адресата обнаруживает эгоцентрическую природу текстообразования, являющуюся следствием проявления в мыслеречевой деятельности человека субъективности как основополагающего свойства языка.

Интерпретация результатов эксперимента свидетельствует о том, что задаваемые ориентировки в плане образа типа текста, такие как коммуникативная цель и образ адресата, относятся к ориентировкам стратегического уровня, что открывает перспективы исследования тактического и операционально-технического ориентировочных уровней, отвечающих за выбор конкретного речевого действия в актуальной коммуникативной ситуации, за адекватность способа его выполнения.

Реализованная в ходе эксперимента процедура превращения действия в деятельность путем поэтапного погружения ментального текстового конструкта в определенную коммуникативную ситуацию может быть использована для развития методики планомерного формирования текстообразующей деятельности.

Литература

- Бенвенист Э.* Общая лингвистика. 2-е изд. М.: Едиториал УРСС, 2002. 448 с.
- Гальперин П.Я.* Введение в психологию. 7-е изд. М.: КДУ, 2007. 336 с.
- Гальперин П.Я.* Опыт изучения формирования умственных действий // Доклады на совещании по вопросам психологии. 3–8 июля 1953 г. М.: Изд-во Академии педагогических наук РСФСР, 1954. С. 188–201.
- Гальперин П.Я.* Типы ориентировки и типы формирования действий и понятий // Доклады Академии педагогических наук РСФСР. 1958. № 2. С. 75–78.
- Гальперин П.Я.* Умственное действие как основа формирования мысли и образа // Вопросы психологии. 1957. № 6. С. 58–69.
- Гальперин П.Я., Пантина Н.С.* Зависимость двигательного навыка от типа ориентировки в задании // Доклады Академии педагогических наук РСФСР. 1957. № 2. С. 43–46.
- Голоднов А.В.* Аргументативная структура риторического (персуазивного) текста // Вестник Иркутского государственного университета. 2010. № 1 (9). С. 109–114.
- Гольшикина Л.А.* Система типологических свойств риторического текста // Мир русского слова. 2015. № 3. С. 31–37.
- Городецкий Б.Ю.* Компьютерная лингвистика: моделирование языкового общения // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 24. Компьютерная лингвистика. М.: Прогресс, 1989. С. 5–31.
- Дейк ван Т.А.* Язык. Познание. Коммуникация. 2-е изд. М.: ЛЕНАНД, 2015. 320 с.
- Запорожец А.В.* Развитие произвольных движений. М.: Изд-во Академии педагогических наук РСФСР, 1960. 431 с.
- Земская Ю.Н., Качесова И.Ю., Панченко Н.В., Чувакин А.А.* Основы общей риторики. Барнаул: Изд-во Алтайского университета, 2000. 110 с.
- Леонтьев А.А.* Психология общения. 2-е изд., испр. и доп. М.: Смысл, 1997. 365 с.
- Лидерс А.Г., Фролов Ю.И.* Развитие представлений об ориентировке и ориентировочной деятельности в концепции П.Я. Гальперина // Культурно-историческая психология. 2012. Т. 8. № 4. С. 13–27.
- Мельчук И.А.* Язык: от смысла к тексту. М.: Языки славянской культуры, 2012. 176 с.

Подольский А.И. Интеллект в системе ориентировочной деятельности // Психологические исследования интеллектуальной деятельности / Под ред. О.К. Тихомирова. М., 1979. С. 204–210.

Подольский А.И. Функциональное развитие познавательной деятельности в условиях ее планомерного формирования: дис. ... д-ра психол. наук: 19.00.07. М., 1987. 450 с.

Талызина Н.Ф. Управление процессом усвоения знаний. М.: Изд-во МГУ, 1975. 344 с.

Тарасов Е.Ф. К построению теории речевой коммуникации // Теоретические и прикладные проблемы речевого общения. М.: ЛИБРОКОМ, 2009. С. 5–147.

Якобсон Р.О. Речевая коммуникация; Язык в отношении к другим системам коммуникации // Избранные работы. М.: Прогресс, 1985. С. 319–330.

Lasswell, H.D. (1948). The Structure and Function of Communication in Society // The Communication of Ideas. New York: Harper and Brothers, Pp. 37–51.

Shannon, C.E. (1948). The Mathematical Theory of Communication // The Bell System Technical Journal. July, Vol. 27. No. 3. Pp. 379–423.

PRODUCING TEXTS AS ORIENTATION ACTIVITY: EXPERIMENTAL RESEARCH

Lyudmila A. Golyshkina

Associate Professor of the Philology Department
of the Faculty of Humanities,
Dean of the Continuing Education Faculty
Novosibirsk State Technical University
Russia, 630073, Novosibirsk, 20 pr. K. Marksa
Ludmila200273@mail.ru, lag@fpk.nstu.ru

The paper is devoted to the understanding of an activity-oriented character of text production. The theoretical and methodological basis of the study is a psychological concept of orientation activity, which introduces into linguistics such concepts as an orientation basis of actions as well as automatic and active actions. The paper presents a step-by-step description of the experiment that demonstrates producing texts as orientation activity, and its results and discussion. The experiment proves the idea of transforming action into activity by changing the motivation of its participants. The method is based on the replacement of automatic text-producing actions by active ones: the participants create texts according to the given orientations, which is activity-oriented. During the first stage of the experiment, texts are produced without any specified orientation, having the status of an action. During the second stage, the orientation is a communicative goal comprehended by the subject of speech. During the third stage that is an image of the addressee. The stimuli offered to the participants act as the basic components of a model of the communicative context interpreted as an orientation basis of actions determining the image of the text type in the mind of its producer. The results of the research show that such orientation as a communicative goal acts as a catalyst for expressing values of conversation, message and argumentation which characterize rhetorical texts aimed at producing a persuasive effect in communicative

practice. The communicative goal appears to be the leading orientation that turns action into activity. The orientation of the producer to the image of the addressee reveals the egocentric nature of the text production resulted from subjectivity in thoughts-to-speech activity as a fundamental property of the language. The implemented experimental procedure can be used to develop a method of systematic text producing activity.

Keywords: text production, model of communicative context, orientation basis of actions, motive, automatic action, active action, orientation activity, communicative goal, image of the addressee

References

Benvenist E. Obshchaya lingvistika [General Linguistics]. 2-e izd. Moscow: Editorial URSS, 2002. 448 s. (In Russian).

Gal'perin P.Ya. Vvedenie v psikhologiyu [Introduction to Psychology]. 7-e izd. Moscow: KDU, 2007. 336 s. (In Russian).

Gal'perin P.Ya. Opyt izucheniya formirovaniya umstvennykh deystviy [Experience in the study of the formation of mental actions]. Doklady na soveshchaniy po voprosam psikhologii [Psychology Meeting Reports]. 3–8 iyulya 1953. Moscow: Izd-vo Akademii pedagogicheskikh nauk RSFSR, 1954. S. 188–201. (In Russian).

Gal'perin P.Ya. Tipy orientirovki i tipy formirovaniya deystviy i ponyatiy [Types of orientation and types of formation of actions and concepts]. Doklady Akademii pedagogicheskikh nauk RSFSR [Reports of the Academy of Pedagogical Sciences of the RSFSR], 1958, no. 2. S. 75–78. (In Russian).

Gal'perin P.Ya. Umstvennoe deystvie kak osnova formirovaniya mysli i obraza [Mental action as the basis for the formation of thought and image]. Voprosy psikhologii [Psychology Issues], 1957, no. 6. S. 58–69. (In Russian).

Gal'perin P.Ya., Pantina N.S. Zavisimost' dvigatel'nogo navyka ot tipa orientirovki v zadaniy [The dependence of motor skill on the type of orientation in the task]. Doklady Akademii pedagogicheskikh nauk RSFSR [Reports of the Academy of Pedagogical Sciences of the RSFSR], 1957, no. 2. S. 43–46. (In Russian).

Golodnov A.V. Argumentativnaya struktura ritoricheskogo (persuazivnogo) teksta [Argumentative structure of rhetorical (persuasive) text]. Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the Irkutsk State University], 2010, no. 1 (9). S. 109–114. (In Russian).

Golyshkina L.A. Sistema tipologicheskikh svoystv ritoricheskogo teksta [System of the typological features of the rhetorical text]. Mir russkogo slova [World of Russian Word], 2015, no. 3. S. 31–37. (In Russian).

Gorodetskiy B.Yu. Komp'yuternaya lingvistika: modelirovanie yazykovogo obshcheniya [Computer Linguistics: Modeling Language Communication]. Novoe v zarubezhnoy lingvistike. Vyp. 24. Komp'yuternaya lingvistika [New in foreign linguistics. Vol. 24. Computer linguistics]. Moscow: Progress, 1989. S. 5–31. (In Russian).

Deykvan T.A. Yazyk. Poznanie. Kommunikatsiya [Language. Cognition. Communication]. 2-e izd. Moscow: LENAND, 2015. 320 s. (In Russian).

Zaporozhets A.V. Razvitie proizvol'nykh dvizheniy [The development of voluntary movements]. Moscow: Izd-vo Akademii pedagogicheskikh nauk RSFSR, 1960. 431 s. (In Russian).

Zemskaya Yu.N., Kachesova I.Yu., Panchenko N.V., Chuvakin A.A. Osnovy obshchey ritoriki [Basics of general rhetoric]. Barnaul: Izd-vo Altayskogo universiteta, 2000. 110 s. (In Russian).

Leont'ev A.A. Psikhologiya obshcheniya [Communication psychology]. 2-e izd., ispr. i dop. Moscow: Smysl, 1997. 365 s. (In Russian).

Liders A.G., Frolov Yu.I. Razvitie predstavleniy ob orientirovke i orientirovochnoy deyatel'nosti v kontseptsii P.Ya. Gal'perina [The development of ideas about orientation and orientation activity in the concept of P.Ya. Halperin]. Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya [Cultural-historical psychology], 2012, vol. 8, no. 4. S. 13–27. (In Russian).

Mel'chuk I.A. Yazyk: ot smysla k tekstu [Language: from meaning to text]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2012. 176 s. (In Russian).

Podol'skiy A.I. Intellect v sisteme orientirovochnoy deyatel'nosti [Intelligence in the system of orientation activity]. Psikhologicheskie issledovaniya intellektual'noy deyatel'nosti [Psychological studies of intellectual activity]. Pod red. O.K. Tikhomirova. Moscow, 1979. S. 204–210. (In Russian).

Podol'skiy A.I. Funktsional'noe razvitie poznavatel'noy deyatel'nosti v usloviyakh ee planomernogo formirovaniya [Functional development of cognitive activity in the conditions of its systematic formation]: dis. ... d-ra psikhol. nauk: 19.00.07. Moscow, 1987. 450 s. (In Russian).

Talyzina N.F. Upravlenie protsessom usvoeniya znaniy [Knowledge Management]. Moscow: Izd-vo MGU, 1975. 344 s.

Tarasov E.F. K postroeniyu teorii rechevoy kommunikatsii [On the construction of the theory of speech communication]. Teoreticheskie i prikladnye problemy rechevogo obshcheniya [Theoretical and applied problems of speech communication]. Moscow: LIBROKOM, 2009. S. 5–147. (In Russian).

Yakobson R.O. Rehevaya kommunikatsiya; Yazyk v otnoshenii k drugim sistemam kommunikatsii [Speech communication; Language in relation to other communication systems]. Izbrannye raboty [Selected works]. Moscow: Progress, 1985. S. 319–330. (In Russian).

Lasswell, H.D. (1948). The Structure and Function of Communication in Society // The Communication of Ideas. New York: Harper and Brothers, 1948, pp. 37–51.

Shannon, C.E. (1948). The Mathematical Theory of Communication // The Bell System Technical Journal. July, 1948, vol. 27, no. 3, pp. 379–423.

УДК 81'23 / DOI 10.30982/2077-5911-2020-43-1-36-53

НИКНЕЙМЫ ИГРОКОВ DOTA 2 И ПСИХИЧЕСКИЕ ГРАНИЦЫ ЯЗЫКА В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Климова Маргарита Андреевна

Кандидат филологических наук,
преподаватель департамента прикладной лингвистики
и иностранных языков
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»
603155, Нижний Новгород, ул. Б. Печерская, д. 25
mfokina@hse.ru

В фокусе данного исследования находится проблема глобализационного влияния на психические границы языка в этноязыковом сознании русскоязычных геймеров. Объектом исследования выбраны никнеймы в популярной онлайн-игре Dota 2, предполагающей межкультурную коммуникацию за счет распространенности в разных странах. В качестве предмета изучения выступил выбор языка и алфавита для никнейма как обязательный компонент виртуального псевдонима, информативный с точки зрения этнокультурной идентичности и языковой лояльности носителя. Работа направлена на социопсихолингвистическую диагностику границ языка в этноязыковом сознании игроков Dota 2 на основе выбора языка и алфавита для ника и метаязыковой рефлексии создания и восприятия никнейма, выявленных с помощью онлайн-опроса и эксперимента. Результаты исследования свидетельствуют о превосходстве английского языка и в количественном, и в качественном аспекте. Последний проявляется в функциональном доминировании и положительной оценке англоязычных никнеймов, а также в квалификации в качестве англоязычных спорных случаев. Экспансия английского языка не приводит к усилению языковой лояльности в отношении русского: несмотря на принятие языкового разнообразия в никнеймах, русскоязычные виртуальные псевдонимы, в отличие от англоязычных, становятся объектами отрицательной оценки игроков. Отдельные наблюдения тем не менее не могут быть однозначно отнесены на счет смещения и ослабления психических границ языка в этноязыковом сознании русскоязычных геймеров и нуждаются в более подробном рассмотрении. В частности, дальнейшего исследования требуют проблема неразличения респондентами понятий языка и алфавита, распространенное неприятие транслитерации в никнеймах и декларируемое отрицательное отношение к отступлению от правильного написания никнеймов.

Ключевые слова: никнеймы, компьютерные игры, глобализация, психические границы языка, этноязыковое сознание, этнопсихолингвистика, социопсихолингвистика, метаязыковая рефлексия

Социальные и психологические факторы влияния глобализации на границы языка в этноязыковом сознании

Данное исследование посвящено проблеме границ языка в этноязыковом сознании. Опираясь на определение языкового сознания как совокупности структур сознания, в

формировании которых были использованы социальные знания, связанные с языковыми знаками [Тарасов 1988], Н.В. Уфимцева рассматривает языковое сознание как отображение этносоциокультурной реальности, как средство познания своей и чужой культуры [Уфимцева 2003]. И.В. Привалова использует понятие национально-культурного (этнолингвокультурного) сознания, образы которого оформляются с помощью специфических языковых маркеров лингвокультурного, лингвоструктурного и лингвоэкологического класса [Привалова 2003]. Этнокультурная маркированность имен собственных рассмотрена Т.П. Романовой, выявившей российский этнокультурный маркер, входящий в коннотативный компонент рекламного имени [Романова 2013]. При сопоставлении смежных терминов “языковое сознание”, “этноязыковое сознание” и “этнокультурное сознание” И.И. Валуйцевой и Г.Т. Хухуни выявлены отдельные отличия между обозначаемыми ими понятиями: в частности, этноязыковое сознание может трактоваться как включающее, в отличие от собственно языкового, “неосознанное знание” [Валуйцева, Хухуни 2012: 96]. Данное обстоятельство является решающим в пользу выбора термина “этноязыковое сознание” для использования в настоящем исследовании.

Этноязыковое сознание является предметом этнопсихолингвистики, развивающейся в рамках отечественной психолингвистики и исходящей из положения о том, что “на восприятие чужой культуры всегда накладываются знания, полученные в процессе социализации в родной культуре” [Уфимцева 2006: 99]. Важность фактора социализации подчеркивается и представителями другого современного направления – неопсихолингвистики: отправной точкой исследования является “человек в совокупности его индивидуально-психических характеристик, “врастающий” в свою культуру в процессе социализации”; актуальным является рассмотрение образа мира человека как члена социальной группы [Бубнова, Красных 2014: 132–134]. Необходимость учета психологических и социальных характеристик личности, а также социального контекста обусловила возникновение социопсихолингвистики. При этом, по словам Н.И. Мироновой, компонент “социо-” здесь следует понимать широко и включить в состав направления в том числе этнопсихолингвистику [Миронова 2014: 88]. Таким образом, комплексный подход к предмету исследования, учитывающий, помимо психологических, социальные аспекты проблемы, оказывается в русле современных направлений отечественной психолингвистики. О возможности применения интегрированного подхода к изучению этнокультурной специфики языкового сознания свидетельствует обзор А.А. Степановой, где рассматриваются как социолингвистические, так и психолингвистические работы, направленные на изучение этнической идентичности и языкового сознания носителей бурятского языка [Степанова 2016].

Понятие границ языка связано с проблемой глобализационного влияния на язык, которой посвящен ряд исследований А.В. Кирилиной и Е.С. Гриценко [Кирилина, Гриценко, Лалетина 2012; Кирилина 2013, 2015; Гриценко, Ненашева 2017]. В перечисленных и смежных работах обосновывается социопсихическое выражение глобализационного влияния на язык. К социально укорененным феноменам можно отнести следующие:

- усиление многоязычия, «переформатирование» языковых ситуаций [Кирилина 2011];
- неравноправный языковой контакт, сопровождающийся иноязычной / инокультурной (англо-американской) экспансией [Кирилина 2011];

- сокращение языка: вытеснение языков с высоким коммуникативным статусом из ряда важных общественных сфер коммуникации – науки, бизнеса и др. [Кирилина 2015: 78; Кирилина 2013], усеченное использование языка [Blommaert 2010];

- использование англицизмов для передачи социокультурных смыслов и конструирования профессиональной идентичности в русскоязычном коммуникативном пространстве [Гриценко, Ненашева 2017];

- рост социального престижа английского языка, ассоциируемого с передовыми тенденциями и успехом [Кирилина 2013];

- формирование “облегченной” идентичности – гибкой, наднациональной, способной жить в условиях любого большого города и пользующейся английским языком [Кирилина, Гриценко, Лалетина 2012].

Психическое выражение глобализационного влияния на язык имеет следующие проявления:

- массовая “колонизация” языкового сознания русскоязычных коммуникантов англицизмами, англизация как профессиональных языков, так и повседневной речи [Власенко 2007];

- обширная и разнообразная концептуализация прагматики иностранного языка в обыденном сознании [Павлюк 2008];

- рост стихийной, “народной” рефлексии о языке как свидетельство осознания угроз его жизнеспособности носителями [Кирилина 2013];

- нарушение психических границ языка и сближение языков в результате наивного (непрофессионального) перевода [Кирилина 2011].

Понятие психической границы языка, введенное в научный оборот А.В. Кирилиной, отражает “готовность/ неготовность к поддержанию и воспроизводству различий между родным языком и языком, осуществляющим экспансию” [Кирилина 2011: 38]. Предметом данного исследования являются психические границы языка в этноязыковом сознании русскоязычных геймеров, объективированные через их никнеймы в Dota 2 и отраженные в метаязыковой рефлексии.

Никнейм как социально и психически детерминированный динамический объект

В фокусе исследования находится никнейм в игре Dota 2, рассматриваемый как социально и психически детерминированный динамический объект, информативный с точки зрения глобализационного влияния на психические границы языка.

Способности никнеймов выражать идентичность посвящен ряд зарубежных исследований [Murphy 2004; Hassa 2012; Kelley 2012; Aldrin 2019]. В отечественных работах подобная способность связывается с широким диапазоном функций, среди которых выделяются идентификация, самоидентификация и самопрезентация [Казяба 2016]. С.И. Гарагуля предлагает выделить в особый вид антропонимическую идентичность как психологическое соотнесение себя со своим именем, основанное на языковой и культурной идентичности [Гарагуля 2007]. Изучение никнеймов с точки зрения выражения этнокультурной идентичности связано с рядом ограничений. Во-первых, никнейм может выражать не реальную, а изобретенную, виртуальную идентичность, в связи с чем Т.В. Аникиной введен синонимичный термин “псевдопрозвище” [Аникина 2010]; М.В. Голомидова отмечает, что никнеймы создаются с исходной установкой “быть кем-то другим” в сети [Голомидова 2005: 21]. В зарубежных исследованиях

вопрос о соотношении онлайн- и оффлайн-идентичности признается дискуссионным [Humphrey 2009; Gatson 2011]. Во-вторых, перечисленные функции электронных псевдонимов не являются универсальными, так как семантически опустошенные никнеймы (например, *123456* или *qwerty*) выполняют сугубо техническую функцию [Соков 2013]. Таким образом, речь идет лишь о возможности выражения этнокультурной идентичности (реальной или виртуальной) через внутреннюю форму никнейма. Однако данные ограничения могут быть во многом нивелированы за счет перемещения фокуса анализа на выбор языка и алфавита – таким образом в поле исследования попадает абсолютное большинство ников за редким исключением в виде интернет-псевдонимов, представленных только цифрами и международными символами.

Вопрос о языке и алфавите никнейма в электронной коммуникации является малоизученным. Т.В. Хвесько и В.Д. Мажникова отмечают, что “воздействие ника на иностранном языке (преимущественно на английском) намного сильнее, чем на русском” [Хвесько, Мажникова 2013: 68], однако данное наблюдение не подтверждено эмпирическими данными. Г.Н. Алиева и Дж.Т. Авчиева делают вывод об обостренном самоощущении этноса, отраженном в никнеймах жителей полиэтничного региона (Махачкалы) в качестве информации об этнической принадлежности номинанта [Алиева, Авчиева 2011]. В работе, продолжающей данное исследование, отмечается тенденция к транслитерации никнеймов на миноритарных языках России на русский язык [Алиева, Касумова, Курбанова 2018]. Подобные наблюдения свидетельствуют о проблемном характере выбора языка и алфавита для никнейма, их способности выражать этнокультурный компонент. В настоящем исследовании данный вопрос рассматривается с точки зрения степени языковой лояльности, отраженной в языке и алфавите виртуального псевдонима.

Dota 2 – компьютерная игра жанра *multiplayer online battlearena*, в которой две команды по 5 человек сражаются друг с другом в режиме реального времени. Команды могут формироваться самими игроками либо, если пользователь хочет играть один, подбираться случайным образом из числа игроков, находящихся онлайн. Игра объединяет людей со всего мира и обладает значительной популярностью. За июль 2019 года в Dota 2 играли более 10 миллионов уникальных пользователей, игра также вошла в пятерку самых популярных по количеству просмотров на платформе Twitch, по данным The Esports Observer за первое полугодие 2019. Будучи способом занять досуг для игроков-любителей, Dota 2 является и профессиональной киберспортивной дисциплиной, по которой ежегодно организуются крупные международные турниры (призовой фонд самого масштабного соревнования в 2019 году составил более 33 миллионов долларов). Вокруг игры формируется и активно развивается сообщество [Boguslavskaya et al. 2018], объединяющее спорт, медиа и интернет-коммуникацию.

Таким образом, ключевыми предпосылками выбора предмета исследования выступили следующие соображения. Никнейм как результат самономинации способен передавать информацию об этнокультурной идентичности и языковой лояльности носителя не только через внутреннюю форму, но и через выбор языка и алфавита. Будучи всемирно популярной командной игрой, Dota 2 предполагает межкультурную коммуникацию, что делает актуальным вопрос о языке и алфавите для никнейма. Кроме того, несмотря на то, что для сообщества Dota 2 характерна антропонимическая диглоссия (термин И.В. Крюковой [Крюкова 2016]), то есть параллельное использование никнеймов и официальных антропонимов, виртуальным псевдонимам в игровом сообще-

стве свойственна обширная сфера функционирования, не ограничивающаяся взаимодействием в процессе игры. Это особенно характерно для профессиональных игроков Dota 2, чьи никнеймы используются на международных киберспортивных турнирах и в медиакоммуникации сообщества болельщиков и журналистов. Итак, по значимости никнеймы Dota 2 соотносятся с прозвищами в спорте, в ряде случаев способными заменять имена спортсменов во всех типах коммуникации [Galkowski 2018: 197]. Однако интернет как первичная среда бытования наделяет никнеймы признаком, отличным от прозвищ в традиционном спорте, – неограниченной способностью к изменению. Изменчивость, в свою очередь, сближает рассматриваемые никнеймы с динамическими интернет-объектами, признаваемыми А.В. Кирилиной и Л.М. Терентием информативными с точки зрения социальной диагностики [Кирилина, Терентий 2016]. Данное исследование направлено на социопсихолингвистическую диагностику границ языка в этноязыковом сознании игроков Dota 2, явленных через выбор языка и алфавита для никнейма и рефлексию такого выбора.

Методы и процедура исследования

Для достижения цели исследования были использованы методы анонимного онлайн-опроса и эксперимента. Респондентам предлагалось сообщить свой никнейм и возраст, а затем в ходе эксперимента определить алфавит и язык своего ника. Опрос включал следующие вопросы:

- 1) Почему Вы выбрали такой язык и алфавит для ника?
- 2) В Вашем нике есть отступления от правильного написания слов? Если да, почему?
 - 3) Вызывают ли у Вас какую-либо реакцию ники других игроков:
да, в основном положительную
да, в основном отрицательную
нет, не вызывают
- 4) Пожалуйста, продолжите фразу, выбрав один или несколько вариантов: «Мне больше всего нравятся ники...»
 - смешные
 - понятные
 - необычные
 - короткие
 - написанные без ошибок
 - на русском языке
 - на английском языке
 - другое:...
- 5) Пожалуйста, продолжите фразу, выбрав один или несколько вариантов: «Меня больше всего раздражают ники...»
 - непонятные / бессмысленные
 - содержащие мат
 - написанные с ошибками
 - длинные
 - на русском языке
 - на английском языке
 - другое:...

Вопросы и задания были составлены таким образом, что выбор языка и алфавита оценивался в двух ракурсах – производства и восприятия ника. В вопросах были также учтены такие параметры, как наличие ошибок и мата, чувствительность к которым может сигнализировать об отношении к языку.

Результаты эксперимента и опроса были подвергнуты количественной оценке и качественной интерпретации.

Результаты и обсуждение

Вопрос 1

В эксперименте и опросе приняло участие 288 русскоязычных игроков Dota 2. Результаты определения языка и алфавита собственного никнейма с распределением по возрастным категориям представлены в таблице 1.

Таблица № 1

Распределение результатов эксперимента по возрастным категориям

возрастная категория	русский язык+кириллица	русский язык+латиница	английский язык+кириллица	английский язык+латиница	другие языки и алфавиты	всего респондентов в данной возрастной категории
до 12 лет	3	1	0	0	0	4
13 - 15 лет	5	1	0	7	0	13
16 - 17 лет	6	1	1	19	4	31
18 - 23 года	20	9	3	92	19	143
24 года и старше	18	21	0	49	9	97
всего ответов данного типа	52	33	4	167	32	288

Как видно из таблицы, ответы распределены неравномерно и с точки зрения выбора языка и алфавита, и в аспекте возрастных характеристик самих респондентов. Половина ответов принадлежит игрокам 18 - 23 лет, в то время как количество геймеров до 15 лет не предлагает статистически значимых результатов анализа. Оформление никнейма на английском языке кириллическими буквами оказалось наименее популярным вариантом, тогда как комбинацию английского языка и латиницы выбрали более половины респондентов.

Результаты однозначно свидетельствуют о предпочтении английского языка и латиницы среди всех возрастных категорий игроков. Вместе с тем низкая популярность “смешанных” вариантов (оформление никнейма с помощью нехарактерного для языка алфавита) может быть вызвана нежеланием нарушать психические границы языка. Однозначный вывод об отрицательном глобализационном влиянии не позволяет сделать и интерес, проявленный игроками к разнообразию языков. Помимо русского

и английского языка, при самономинании геймерами использованы японский, украинский, хорватский, суахили, французский, чешский, латинский, китайский, немецкий, польский, казахский, а также искусственные языки – эльфийский и leet.

При интерпретации полученных результатов необходимо учитывать затруднения, возникшие у респондентов при квалификации собственного никнейма с точки зрения языка и алфавита. В ответах респондентов встречались как очевидные ошибки (квалификация никнеймов *Catnoire* и *Legendinteam – lose* как русскоязычных, никнеймов *Yahor* и *Maxiwa*, образованных от русскоязычных имени и прозвища, как англоязычных из-за использованного алфавита), так и дискуссионные случаи, требующие подробного рассмотрения. Во-первых, проблемы при квалификации возникали в случае использования нескольких языков и / или алфавитов в никнейме. Респонденты либо осознавали комбинацию (*И на русском, и на английском, английскими буквами; английское слово на англ, русские на русском*), либо упоминали в своем ответе только английский язык, хотя никнейм содержал элементы другого языка – русского (*padshiyouroboros*) и японского (*Akumahere*). Во-вторых, игроки зачастую рассматривали как англоязычный никнейм, образованный от прецедентного имени наднационального характера, лингвокультурой-источником которого, однако, не выступает англо-американская культура: *Ares, Leviathan, Chunga_changa, Kanbe Kotori, misamisa*. Показательным является пример никнейма *Asmund*, автор которого определил язык виртуального псевдонима как английский, несмотря на источник мотивирующего имени: *Взял ник из какой-то старой книги, которую читал когда-то в детстве, в которой рассказывается об викинге по имени Асмунд, который оказался в Южной Америке, и про его жизнь там. Пытался найти эту книгу, но так и не смог. Я примерно помню, что книга вроде советская, хотя это не точно*. В-третьих, в абсолютном большинстве случаев словотворчества, то есть изобретения семантически опустошенных никнеймов без внутренней формы, авторами не только используется латиница, но и указывается английский язык для подобных новообразований: *Vaglevor, MJYEBА, Quill, SvaNn, Immerlane, LANZY*. Примечательно, что английский язык указывается даже в случае, если сам автор ассоциирует фонетический облик изобретенного слова с другим языком. Например, игрок с ником *Sotiniuvi* отмечает: *Просто нравится восточная тематика и тд, звучит как то по японски*.¹ Перечисленные случаи предпочтения в сторону английского языка связаны с преобладанием латиницы над кириллицей и объясняются неразличением понятий языка и алфавита в языковом сознании, которое прослеживается и в объяснении выбора того или иного языка и алфавита для ника.

Ниже в порядке убывания распространенности приведены причины выбора английского языка и латиницы для никнейма, указанные игроками:

- ориентация на язык и алфавит источника никнейма (*Язык и алфавит оригинала, смысл каверкать; Оригинал на английском, решил не отходить от канона*);
- субъективное предпочтение (*лав англишь соу матч; Все норм ники на англише*);
- визуальное и звуковое эстетическое превосходство латиницы и английского языка (*Английский красивее русского и выглядит приятнее; Английский как по мне звучит более интересно в плане ников. Русский не так ровно ложиться на фэнтези имена и обозначения. Например «пожератель» не так классно звучит как английский «Devourer»*);

¹ В ответах респондентов сохранена авторская грамматика, орфография и пунктуация.

- возможность прочесть и понять никнейм для игроков из других стран (*Чтобы иностранцы смогли прочитать его; Английский язык понятен большому числу людей, большинство русскоговорящих игроков так же понимают его*);

- распространенность английского языка во всем мире (не только в игровой сфере) (*Потому что английский топ 1 язык мира и его знают почти все; выбрал самый распространенный язык*);

- отрицательная оценка русского языка и кириллицы (*Мне не нравится русскоязычное написание для использования ников; На русском слишком длинно; на русском бы это звучало крайне ущемительно; кириллица не оч*);

- отсутствие возможности написать ник кириллицей в других компьютерных играх (*во многих играх нельзя сделать ник на русском; Русский ник разрешен почти только в Стиме, а англ везде*);

- более высокий воздействующий потенциал по сравнению с русским языком и кириллицей (*На английском выглядит куда устрашающее нежели на русском; Солиднее; выглядит внушительней*);

- ориентация на общение в англоязычном интернете (*потому что я открыт для всех серверов; Играю в англоговорящем секторе*);

- удобство (*Было удобнее работать с английским*);

- отрицательное отношение зарубежных игроков к русскоговорящим и вызванная этим необходимость конспиративной функции (*Играл в основном на Европе, там плохо относятся к ру игрокам; Чтобы никто не знал что я русскоязычный; Ну чтоб русофобии не было в мою сторону*);

- эффект отчуждения, вызванный непривычностью английского языка и латиницы (*Английский звучит (или просто кажется таковым) более внушительным, таинственным, необычным. Есть некоторый эффект отчуждения – язык не родной, алфавит не родной, текст на английском уже самим фактом существования не в родном языке производит определенное впечатление*).

Причинами выбора русского языка и кириллического алфавита выступили следующие факторы, указанные в порядке убывания популярности в ответах игроков:

- ориентация на язык и алфавит источника никнейма (*Потому что это слова из русского языка; Потому что это цитата из русской локализации мультфильма*);

- субъективное предпочтение (*Мне так больше нравится*);

- этнокультурная идентичность автора (*потому что я русский; я славянин*);

- доступность никнейма в аспекте прочтения и понимания (*Чтобы все поняли; Узнаваем и легко читаем; Что бы было понятно что значит мой ник*);

- родной язык (*Это мой родной язык и я его знаю*);

- особый эстетический и выразительный потенциал (*Звучит так в развалочку; запоминается. Кириллица очень броская; Более точно передает замысел*);

- возможность вызвать негативную реакцию у нерусскоговорящих игроков (*Если попадешься с европейцами, они будут гореть, только потому что ты – русский; Кириллица для лучшего восприятия фразы русскоговорящими и для устрашения иностранцев*);

- удобство (*Так удобнее*).

Таким образом, некоторые причины характерны для обоих языков и алфавитов, вместе с тем в ответах игроков, выбравших английский язык и латиницу, присутствуют специфические причины, связанные с социальными (распространенность и междуна-

родный статус английского языка, его конспиративная функция, ориентация на англоязычную коммуникацию) и психическими (новизна восприятия ника на иностранном языке, обусловленная “эффектом отчуждения”) факторами глобализации.

Вопрос 2

Респондентам предлагалось оценить свой никнейм с точки зрения наличия или отсутствия отступлений от правильного написания и указать причины эрративов.

Примечательно, что абсолютное большинство респондентов считает, что в их никнеймах отсутствуют орфографические ошибки: подобный ответ дали 84% игроков, выбравших английский язык и латиницу для ника, 69-75% геймеров, выбравших русский язык, и 65% респондентов, выбравших другие языки. Разница в доле отрицательных ответов может объясняться как ослаблением психических границ и критического восприятия употребления языка в этноязыковом сознании авторов англоязычных ников под влиянием глобализации, так и расхождениями в понимании феномена отступления от правильного написания. К спорным случаям в аспекте правильности / неправильности написания в результате анализа ответов респондентов можно отнести следующие:

- замена букв на цифры (*Inv4510n; n1ght*);
- отсутствие пробелов между словами (*Каляврывается*);
- изменение регистра отдельных букв (*СвиноБанда; ИгуанаДон; SverhRazum*) или унификация регистра для всего слова (*STARDOM; psychosis*);
- запись буквы с помощью комбинации символов (*КoJl0BpaT; ТемHblu*);
- удвоение, утроение и т.д. букв (*Goldfffire; AveRRRin*).

Как видно из примеров, подобные варианты написания могут быть выбраны независимо от языка и алфавита. То обстоятельство, что такое оформление никнейма зачастую не считается нарушением, свидетельствует об ослаблении психических границ языка в этноязыковом сознании части респондентов. В ряде случаев перечисленные случаи попадали в диффузную зону: были высказаны сомнения в отношении их квалификации (*Ну типо я А на 4 заменил, это считается отступлением?*). Интересно, однако, что в отношении транслитерации как весьма распространенного явления подобных сомнений не возникло, при этом транслитерация была причислена к отступлениям от правильного написания только одним респондентом.

Игроки, допустившие намеренные нарушения в правильном написании никнеймов, привели следующие основания в своих ответах:

- усиление эстетического воздействия никнейма (*так лучше выглядит; Оффлэйнер – правильно. У меня через Е. Так милозвучнее и не так криво смотреться*);
- стремление к краткости (*просто лаконичнее*);
- привлечение внимания (*циферка для «необычности»*);
- эвфемизм (*Тип не мат*);
- незнание правильного написания (*В детстве была русская версия игры. Не знал, как пишется по-английски. Написал чисто на слух*);
- необходимость изобретения уникального ника (*правильные заняты были*).

Итак, нарушения в написании никнеймов могут быть вызваны как объективными причинами, так и соображениями графической игры, однако зачастую отступления от исходного написания виртуального псевдонима не осознаются как таковые, что свидетельствует об ослаблении психических границ языка (как русского, так и английского) в языковом сознании геймеров.

Вопросы 3 - 5

Завершающий блок вопросов был нацелен на выявление отношения респондентов к языку никнейма и наличия отступлений от нормы в аспекте восприятия виртуальных псевдонимов других игроков. В таблице 2 представлены результаты подсчета ответов на вопрос 3.

Таблица № 2

Результаты подсчета ответов на вопрос 3

реакция респондента на никнеймы других игроков	русский язык+кириллица	русский язык+латиница	английский язык+латиница	другие языки и алфавиты
в основном отрицательная (%)	10	15	14	15
в основном положительная (%)	61	36	43	38
нейтральная	29	49	43	47

Таким образом, в ответах преобладает указание на положительную реакцию, сопоставимой популярностью пользуется нейтральная реакция. Однако необходимо отметить некоторую погрешность в ответах респондентов, заявивших о нейтральной реакции на никнеймы других игроков, так как лишь от 10 до 20% из них подтвердили свою нейтральную позицию в дальнейших вопросах (*Не раздражают совсем; Без разницы; Мне всё равно; да все равно, кто как хочет так и делает*).

В вопросы 4 и 5, наряду с нейтральными вариантами ответа (смешные, понятные, бессмысленные и т.д.), были добавлены характеристики никнейма, актуальные в аспекте исследования. У респондентов была возможность выбрать неограниченное количество ответов и предлагать свои. Распределения ответов, предложенных в качестве причин положительной реакции в вопросе 4, представлено в таблице 3.

Таблица № 3

Результаты подсчета ответов на вопрос 4

факторы положительной реакции на никнеймы других игроков	русский язык+кириллица	русский язык+латиница	английский язык+латиница	другие языки и алфавиты
никнеймы на английском языке	3	8	50	10
никнеймы на русском языке	9	3	3	0
никнеймы на русском языке и никнеймы на английском языке	3	0	12	0
никнеймы без ошибок	6	8	43	4

Очевидное предпочтение оказано никнеймам на английском языке, что особенно примечательно в случае обладателей ников на других языках и русскоязычных никнеймов на латинице. Среди геймеров, выбравших традиционный для языка ника алфавит для его оформления, есть респонденты, определившие русский и английский языки как привлекательные в одинаковой степени, что может объясняться отсутствием ощущения угрозы психическим границам языка в этноязыковом сознании тех, кто сам не нарушает подобные границы. Тем не менее никнеймы на английском языке, резко преобладающие над никами на русском языке среди одиночных ответов носителей англоязычных ников, свидетельствуют о неравноправном языковом контакте в восприятии данной группы респондентов.

Помимо выбора из предложенных вариантов ответа, респонденты могли предложить собственные свойства никнеймов, обуславливающие положительную реакцию. Важное место среди них занимают содержательные черты виртуальных псевдонимов (*таинственные, со смыслом, с отсылками, глубокие; связанные с мемами; креативные, с идеей, с какой-то интересной ассоциацией*). Среди характеристик, связанных с языковым оформлением, можно отметить следующие: звучность (*красиво звучащие*), отсутствие препятствий с прочтением и написанием (*лишь бы были читабельны/писательны*), в отдельных случаях - выбор для никнейма японского языка или ник на русском языке у нерусскоязычного игрока (*На русском языке, которые носят носители английского/другого языка*).

Несмотря на то, что отрицательная реакция как вариант ответа на вопрос 3 выбиралась игроками в несколько раз реже, чем положительная и нейтральная, при возможности выбора неограниченного количества ответов в вопросах 4 и 5 геймеры в среднем перечислили больше факторов отрицательной, чем причин положительной реакции, а также предложили больше новых уникальных факторов негативного отношения. Распределения ответов, предложенных в качестве причин отрицательной реакции в вопросе 5, представлено в таблице 4.

Таблица № 4

Результаты подсчета ответов на вопрос 5

факторы отрицательной реакции на никнеймы других игроков	русский язык+кириллица	русский язык+латиница	английский язык+латиница	другие языки и алфавиты
никнеймы, содержащие мат	17	13	75	12
никнеймы, написанные с ошибками	11	12	68	12
никнеймы на русском языке	0	7	34	6
никнеймы на английском языке	7	1	0	0

Обсценная лексика и ошибки в написании вызывают сопоставимо высокий уровень негативной реакции у всех респондентов, независимо от языка и алфавита их собственного ника. В то же время английский язык почти не вызывает отрицательного отношения, что может объясняться высокой популярностью и, как следствие, привычностью таких ников. Никнеймы на русском языке, напротив, стабильно вызывают негативную реакцию, в том числе у игроков, выбравших латиницу для оформления русскоязычных ников. Такой парадокс может быть вызван отмеченными ранее затруднениями в различении языка и алфавита, в связи с чем негативная реакция может объясняться выбором кириллицы. Интересно, что игроки, выбравшие языки, отличные от русского и английского, принимают английский язык для никнейма и относятся нетерпимо к русскоязычным виртуальным псевдонимам.

Из предложенных респондентами факторов отрицательной реакции можно заключить, что наиболее значимым из них является отсутствие оригинальности. Осуждаются никнеймы, обладающие следующим параметрами: *банальные, популярные; «модные» ники, которые каждый второй ставит; из масс культуры; со старыми шутками \ мемами неактуальными; скучные(smok1; spat; Leonid 97rus; бесят которые застряли в 2007-2009 типа как pro100)*. Критическое отношение могут вызывать и виртуальные псевдонимы, образованные от прецедентных имен: *содержащие имена знаменитостей/персонажей; плагиат ников других более успешных игроков; восхваляющие личностей, приводящих сообщество к упадку*. С содержательной точки зрения неприемлемыми оказываются никнеймы, имеющие потенциально оскорбительный характер (*оскорбляющие кого-то типа «смерть хохлам»*). В языковом выражении никнейма факторами, вызывающими негативную реакцию, выступают сложность для восприятия (*нечитабельные или сложночитаемые*) и нарушение эстетических норм (*содержащие сортирный и пошлый юмор; «грязные» ники вроде «отрыжка пуджа»; эстетически уродливые, которые неприятны глазу, уху и мозгу (достаточно одного)*). Относительно графического оформления никнеймов у респондентов возникло большое количество претензий к виртуальным псевдонимам, использующим цифры и другие небуквенные символы (*содержащие много цифр; написанные с использованием P@3NB1}} символов; со спец символами; с кучей бессмысленных символов (/ - \$ и т.д.); бесит когда ты не можешь найти/назвать человека из-за того, что его ник это ♪♫Ooq; вырвиглазные ники с использованием ъ ѓ п е ж э э́ ф и подобного*) и языки, вызывающие затруднения для прочтения ввиду своей графической системы – арабский, китайский, японский (*ники состоящие из китайских слов/букв; арабские (или какие там) справа налево; иероглифы; ники на японском/китайском/арабском на ру сервере или на eu сервере. Особенно арабские ники. Они по дурацки выглядят из-за особенностей написания*). Таким образом, неприятие отдельных языков и алфавитов оказывается вызванным утилитарными соображениями – удобством восприятия и использования. Негативное отношение к транслитерации, напротив, не находит однозначного объяснения в ответах респондентов (*написанные на транслите; написанные не тем алфавитом*), будучи зачастую связанным с индивидуальными эстетическими предпочтениями: *написанные корявым, прямо-таки колхозным транслитом. Например, отдельные гегемоны имя Хулио могут записывать как Хулио и считать, что это действительно транслит*.

Выводы

Настоящее исследование исходило из положения о том, что никнейм игрока Dota 2 способен передавать информацию об этнокультурной идентичности и языковой лояльности носителя через выбор языка и алфавита. Данный способ выражения этнокультурной идентичности имеет преимущества над внутренней формой виртуального псевдонима, так как, в отличие от нее, является обязательным компонентом никнейма. Психические границы языка в этноязыковом сознании геймеров были рассмотрены на основе не только выбора ими языка и алфавита для никнейма, но и метаязыковой рефлексии этого выбора.

Результаты эксперимента и опроса свидетельствуют о противоречивых тенденциях в этноязыковом сознании русскоязычных геймеров в эпоху глобализации. С одной стороны, свою роль играет социопсихическое влияние глобализации. Об экспансии английского языка говорит его количественное преобладание в оформлении никнеймов. В обосновании функционального доминирования английского языка респондентами использовались указания на социопсихические факторы глобализации (распространенность и международный статус английского языка, воздействующий потенциал ника на иностранном языке). Вторжение английского в психические границы русского языка проявляется в положительной оценке англоязычных ников и сопутствующей ей отрицательной реакции на русский язык и в аспекте создания, и с точки зрения восприятия никнейма, а также в квалификации в качестве англоязычных виртуальных псевдонимов, совмещающих два языка, образованных от прецедентных имен не англо-американского происхождения или не соотносимых с существующими словами при условии их записи латиницей. Важное наблюдение, сделанное в ходе исследования, касается неразличения респондентами понятий языка и алфавита и следующей из него неразрывной связи языковой и графической экспансии.

С другой стороны, не все явления могут быть однозначно отнесены к глобализационному влиянию. В частности, можно отметить распространенное неприятие транслитерации как оформления никнейма с помощью алфавита, нехарактерного для данного языка, и разнообразие языков, избираемых для виртуальных псевдонимов (более 10 языков, помимо русского и английского). Согласно ответам обладателей русскоязычных никнеймов, русский язык способен выполнять функцию выражения этнокультурной идентичности. Однако вместе с тем в ответах присутствуют и свидетельства “облегченной” идентичности, настроенной на англоязычную коммуникацию в межкультурном игровом пространстве, и фиксируется отрицательное отношение иностранных игроков к русскоязычным никам. Данные обстоятельства не позволяют сделать вывод об устойчивом престиже русского языка в межкультурной коммуникации, в отличие от английского языка. О некоторых охранительных тенденциях в отношении языковой нормы говорит распространенная негативная реакция респондентов на отступления от правильного написания как в собственных никнеймах, так и в виртуальных псевдонимах других игроков, что особенно характерно для носителей англоязычных ников. Тем не менее, вопросы вызывает как сама размытость понятия отступления от правильного написания, так и мотивация декларируемой приверженности грамотности. Возможно, последняя призвана укрепить в этноязыковом сознании геймеров психические границы русского языка, нарушенные вторжением английского. Разумеется, данная гипотеза нуждается в проверке в ходе дальнейших исследований.

Таким образом, этноязыковое сознание игроков Dota 2 испытывает значительное влияние глобализации, характерное для современной социокультурной среды и усиленное особенностями коммуникации в игровом сообществе. Указанные противоположные тенденции не могут быть признаны равноправными: итоги исследования скорее свидетельствуют о смещении и ослаблении психических границ языка, при которых экспансия английского языка не приводит к усилению языковой лояльности в отношении русского.

Литература

Алиева Г.Н., Авчиева Д.Т. Структурно-семантическая классификация никнеймов в русской лексике полиэтнического города // Научное мнение. 2011. № 7. С. 13–16.

Алиева Г.Н., Касумова А.Ш., Курбанова О.В. Этническая составляющая в никнеймах миноритарного Интернета // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 5–1 (83). С. 51–54.

Аникина Т.В. Имя собственное в Интернет-коммуникации // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2010. Т. 75. № 2. С. 71–76.

Бубнова И.А., Красных В.В. Неопсихоллингвистика: аргументы в защиту национально-культурного своеобразия // Вопросы психоллингвистики. 2014. № 21. С. 128–135.

Валуйцева И.И., Хухуни Г.Т. Этноязыковое сознание: единство и противоречие // Вопросы психоллингвистики. 2012. № 16. С. 92–97.

Власенко С.В. Массовая «колонизация» англицизмами языкового сознания русскоговорящих как проблема когнитивной фильтрации // Вопросы психоллингвистики. 2007. № 6. С. 81–90.

Гарагуля С.И. Имя личное как знак идентичности индивида // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2007. № 4–2. С. 108–114.

Голомидова М.В. Русская антропонимическая система на рубеже веков // Вопросы ономастики. 2005. № 2. С. 11–22.

Гриценко Е.С., Ненашева Т.А. Индексальный потенциал английского языка в русскоязычном коммуникативном пространстве // Вопросы психоллингвистики. 2017. № 3 (33). С. 32–48.

Казяба В.В. Именная транспозиция в сфере никнеймов немецкоязычных интернет-пользователей // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Общественные и гуманитарные науки. 2016. № 1 (154). С. 43–48.

Кирилина А.В., Гриценко Е.С., Лалетина А.О. Глобализация в аспекте лингвистики // Вопросы психоллингвистики. 2012. № 15. С. 18–37.

Кирилина А.В. Лингвофилософская рефлексия в эпоху глобализации // Вопросы психоллингвистики. 2013. № 18. С. 36–45.

Кирилина А.В. Перевод и языковое сознание в динамической синхронии: психические границы языка (на материале русского языка Москвы) // Вопросы психоллингвистики. 2011. № 13. С. 30–39.

Кирилина А.В. Сходства в развитии коммуникативно мощных европейских языков в эпоху глобализации // Вопросы психоллингвистики. 2015. № 24. С. 77–89.

Кирилина А.В., Терентий Л.М. Опыт лингвистической диагностики межнациональной напряженности в интернет-дискурсе // Вопросы психоллингвистики. 2016. № 1. С. 130–139.

- Крюкова И.В.* Антропонимическая диглоссия в малых социальных группах // Неофилология. 2016. № 2. С. 10–15.
- Миронова Н.И.* Социопсихоллингвистика: объект и предмет науки // Вопросы психоллингвистики. 2014. № 20. С. 81–89.
- Павлюк Л.В.* Лингвистическое знание в обыденном сознании // Вопросы психоллингвистики. 2008. № 7. С. 36–39.
- Привалова И.В.* Построение типологии национально-маркированных языковых единиц // Вопросы психоллингвистики. 2003. № 1. С. 95–101.
- Романова Т.П.* “Русское поле” в рекламной номинации // Вопросы ономастики. 2013. № 2. С. 164–173.
- Соков А.А.* Функционально-стилевые особенности никонимов в виртуальном дискурсе // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2013. № 4. С. 69–72.
- Степанова А.А.* Этническая идентичность и языковое сознание носителей бурятского языка: социо-и психоллингвистические исследования // Вопросы психоллингвистики. 2016. № 4 (30). С. 206–213.
- Тарасов Е.Ф.* Методологические проблемы языкового сознания // Тезисы IX Всесоюзного симпозиума по психоллингвистике и теории коммуникации. 1988. С. 176–177.
- Уфимцева Н.В.* Этнопсихоллингвистика: вчера и сегодня // Вопросы психоллингвистики. 2006. № 4. С. 92–100.
- Уфимцева Н.В.* Языковое сознание как отображение этносоциокультурной реальности // Вопросы психоллингвистики. 2003. № 1. С. 102–110.
- Хвесько Т.В., Мажникова В.Д.* Имянаречение в сетевом дискурсе // Вопросы когнитивной лингвистики. 2013. № 3 (36). С. 67–69.
- Aldrin, E.* (2019). Naming, Identity, and Social Positioning in Teenagers’ Everyday Mobile Phone Interaction. *Names*, 67(1), 30–39.
- Blommaert, J.A.* (2010). *The Sociolinguistics of Globalization*. Cambridge University Press, NY.
- Boguslavskaya, V., Budnik, E., Azizulova, A., & Sharakhina, L.V.* (2018). Cybersport Community: Social Structures Transformation as a Basis for Intercultural Dialogue. *International Conference on Internet Science*. Springer, Cham, 300–311.
- Galkowski, A.* (2018). L’onymie sportive et la zone de transition entre les nomspropres et les nomscommuns dans le langage du sport. *Voprosy onomastiki*, 15(3), 190–201.
- Gatson, S.N.* (2011). Self-Naming Practices on the Internet: Identity, Authenticity, and Community. *Cultural Studies <=> Critical Methodologies*, 11, 224–235.
- Hassa, S.* (2012). Projecting, Exposing, Revealing Self in the Digital World: Usernames as a Social Practice in a Moroccan Chatroom. *Names*, 60(4), 201–209.
- Humphrey, C.* (2009). The Mask and the Face: Imagination and Social Life in Russian Chat Rooms and Beyond. *Ethnos*, 74(1), 31–50.
- Kelley, J.B.* (2012). Gay Naming in Online Gaming. *Names*, 60(4), 193–200.
- Murphy, Sh.C.* (2004). Live in Your World, Play in Ours: The Spaces of Video Game Identity. *Journal of Visual Culture*, 3(2), 223–238.

NICKNAMES OF DOTA 2 PLAYERS AND MENTAL LANGUAGE BOUNDARIES IN THE AGE OF GLOBALIZATION

Margarita A. Klimova

Candidate of Philology,

Department of Applied Linguistics and Foreign Languages

National Research University Higher School of Economics

25/12, Bolshaya Pecherskaya str., 603005, Nizhniy Novgorod, Russia

mfokina@hse.ru

The study deals with the problem of the impact of globalization on the mental language boundaries in the ethno-lingual consciousness of Russian-speaking gamers. Their nicknames in Dota 2 were chosen as the object of the research due to the worldwide popularity of the given online game presupposing intercultural communication. The choice of language and graphic system for the nicknames was considered the subject of research because of being both obligatory and informative in terms of the ethnocultural identity and language loyalty of the bearer. The paper is thus aimed at the sociopsycholinguistic diagnosis of language boundaries in the ethno-lingual consciousness of Dota 2 players. The choice of language and graphic system and the metalanguage reflection directed at the creation and perception of a nickname were analysed through an online survey and experiment. The results testify to the superior status of the English language both in the quantitative and qualitative respect, which is reflected in the functional dominance and positive evaluation gained by English nicknames as well as in characterising dubious cases as English. The expansion of English does not lead to the increase in the loyalty level towards Russian: virtual pseudonyms in Russian, unlike those in English, have been found to cause negative reaction of the respondents. Certain findings, however, are unlikely to be attributed solely to the weakening and displacement of the mental language boundaries. Those that require further research concern lack of differentiation between the concepts of language and graphic system, the widespread rejection of transliteration in nicknames and the negative attitude to spelling deviations declared by the respondents.

Keywords: nicknames, videogames, globalization, mental language boundaries, ethno-lingual consciousness, ethnopsycholinguistics, sociopsycholinguistics, metalanguage reflection

References

Alieva G.N., Avchieva D.T. Strukturno-semanticheskaya klassifikaciya nikneimov v russkoi leksike polietnicheskogo goroda [Structural and semantic classification of nicknames in the Russian vocabulary of a polyethnic city]. *Nauchnoe mnenie [The Scientific Opinion]*, 2011, no. 7. S. 13–16. (In Russian).

Alieva G.N., Kasumova A.Sh., Kurbanova O.V. Etnicheskaya sostavlyayuschaya v nikneimakh minoritarnogo Interneta [Ethnic component in nicknames of the minority Internet]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice]*, 2018, no. 5–1 (83). S. 51–54. (In Russian).

Anikina T.V. Imya sobstvennoe v Internet-kommunikacii [Proper name in Internet-communication]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 1: Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury [Izvestia Ural Federal University Journal. Series 1. Issues in Education, Science and Culture]*, 2010, vol. 75., no. 2. S. 71–76. (In Russian).

Bubnova I.A., Krasnykh V.V. Neopsikholingvistika: argumenty v zaschitu nacional'no-kul'turnogo svoeobraziya [Neo-psycholinguistics: arguments in defence of ethnocultural peculiarities]. *Voprosy psikholingvistiki [Journal of Psycholinguistics]*. 2014, no. 21. S. 128–135. (In Russian).

Valuiceva I.I., Khukhuni G.T. Etnoyazykovoe soznanie: edinstvo i protivorechie [Ethnolinguistic consciousness: unity and contradiction]. *Voprosy psikholingvistiki* [Journal of Psycholinguistics], 2012, no. 16. S. 92–97. (In Russian).

Vlasenko S.V. Massovaya «kolonizatsiya» anglicizmami yazykovogo soznaniya russkogovoryaschikh kak problema kognitivnoi fil'tracii [Massive colonisation of Russian language consciousness by English borrowings as a problem of cognitive filtration]. *Voprosy psikholingvistiki* [Journal of Psycholinguistics], 2007, no. 6. S. 81–90. (In Russian).

Garagulya S.I. Imya lichnoe kak znak identichnosti individa [Personal name as a sign of identity of individual]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya. Vostokovedenie. Zhurnalistika* [Vestnik of Saint Petersburg University. Series 9. Philology. Asian Studies. Journalism], 2007, no. 4–2. S. 108–114. (In Russian).

Golomidova M.V. Russkaya antroponimicheskaya Sistema na rubezhe vekov [Russian anthroponymical system at the turn of the century]. *Voprosy onomastiki* [Problems of Onomastics], 2005, no. 2. S. 11–22. (In Russian).

Gricenko E.S., Nenasheva T.A. Indeksal'nyi potencial angliiskogo yazyka v russkoyazychnom kommunikativnom prostranstve [Indexical potential of English in Russian-based communication]. *Voprosy psikholingvistiki* [Journal of Psycholinguistics], 2017, no. 3 (33). S. 32–48. (In Russian).

Kazyaba V.V. Imennaya transpozitsiya v sfere nikneimov nemeckoyazychnykh internet-pol'zovatelei [Nominal transposition of nicknames employed by German-speaking Internet users]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta. Obschestvennye i gumanitarnye nauki* [Proceedings of Petrozavodsk State University. Social Sciences and Humanities], 2016, no. 1 (154). S. 43–48. (In Russian).

Kirilina A.V., Gricenko E.S., Laletina A.O. Globalizatsiya v aspekte lingvistiki [Linguistic aspects of globalization]. *Voprosy psikholingvistiki* [Journal of Psycholinguistics], 2012, no. 15. S. 18–37. (In Russian).

Kirilina A.V. Lingvofilosofskaya refleksiya v epokhu globalizatsii [The linguophilosophical reflection at the age of globalization]. *Voprosy psikholingvistiki* [Journal of Psycholinguistics], 2013, no. 18. S. 36–45. (In Russian).

Kirilina A.V. Perevod i yazykovoe soznanie v dinamicheskoi sinkhronii: psikhicheskie granicy yazyka (na materiale russkogo yazyka Moskvy) [Translation / interpretation and the language consciousness in the dynamic synchrony: the mental boundaries of the languages (on the material of Russian in Moscow)]. *Voprosy psikholingvistiki* [Journal of Psycholinguistics], 2011, no. 13. S. 30–39. (In Russian).

Kirilina A.V. Skhodstva v razvitii kommunikativno moschnykh evropeiskikh yazykov v epokhu globalizatsii [Similarities in the development of communicatively powerful European languages in the age of globalization]. *Voprosy psikholingvistiki* [Journal of Psycholinguistics], 2015, no. 24. S. 77–89. (In Russian).

Kirilina A.V., Terentii L.M. Opyt lingvisticheskoi diagnostiki mezhnatsional'noi napryazhennosti v internet-diskurse [Linguistic analyses of interethnic tensions in Internet discourse]. *Voprosy psikholingvistiki* [Journal of Psycholinguistics], 2016, no. 1. S. 130–139. (In Russian).

Kryukova I.V. Antroponimicheskaya diglossiya v malykh social'nykh gruppakh [Anthroponymic diglossia in small social groups]. *Neofilologiya* [Neophilology], 2016, no. 2. S. 10–15. (In Russian).

Mironova N.I. Sociopsikholingvistika: ob'ekt I predmet nauki [Sociopsycholinguistics: the object and the subject of science]. *Voprosy psikholingvistiki* [Journal of Psycholinguistics], 2014, no. 20. S. 81–89. (In Russian).

Pavlyuk L.V. Lingvisticheskoe znanie v obydennom soznanii [Linguistic knowledge in everyday consciousness]. *Voprosy psikholingvistiki* [Journal of Psycholinguistics], 2008, no. 7. S. 36–39. (In Russian).

Privalova I.V. Postroenie tipologii nacional'no-markirovannykh yazykovykh edinic [Building a typology of nationally-marked language items]. *Voprosy psikholingvistiki* [Journal of Psycholinguistics], 2003, no. 1. S. 95–101. (In Russian).

Romanova T.P. “Russkoe pole” v reklamnoi nominacii [“Russian field” in advertising naming]. *Voprosy onomastiki* [Problems of Onomastics], 2013, no. 2. S. 164–173. (In Russian).

Sokov A.A. Funkcional'no-stilevye osobennosti nikonimov v virtual'nom diskurse [Functional and style peculiarities of nicknames in the virtual discourse]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University], 2013, no. 4. S. 69–72. (In Russian).

Stepanova A.A. Etnicheskaya identichnost' i yazykovoe soznanie nositelei buryatskogo yazyka: socio- i psikholingvisticheskie issledovaniya [Ethnic identity and language consciousness of Buryats: sociolinguistic and psycholinguistic studies]. *Voprosy psikholingvistiki* [Journal of Psycholinguistics], 2016, no. 4 (30). S. 206–213. (In Russian).

Tarasov E.F. Metodologicheskie problemy yazykovogo soznaniya [Methodological problems of language consciousness]. *Tezisy IX Vsesoyuznogo simpoziuma po psikholingvistike i teorii kommunikacii* [Proceedings of IX All-union symposium on psycholinguistics and theory of communication], 1988. S. 176–177. (In Russian).

Ufimtseva N.V. Etnopsikholingvistika: vchera i segodnya [Ethnopsycholinguistics: yesterday and today]. *Voprosy psikholingvistiki* [Journal of Psycholinguistics], 2006, no. 4. S. 92–100. (In Russian).

Ufimtseva N.V. Yazykovoe soznanie kak otobrazhenie etnosociokul'turnoi real'nosti [Language consciousness as a reflection of ethnosociocultural reality]. *Voprosy psikholingvistiki* [Journal of Psycholinguistics], 2003, no. 1. S. 102–110. (In Russian).

Khves'ko T.V., Mazhnikova V.D. Imyanarechenie v setevom diskurse [Nomination in network discourse]. *Voprosy kognitivnoi lingvistiki* [Issues of Cognitive Linguistics], 2013, no. 3 (36). S. 67–69. (In Russian).

Aldrin, E. (2019). Naming, Identity, and Social Positioning in Teenagers' Everyday Mobile Phone Interaction. *Names*, 67(1), 30–39.

Blommaert, J.A. (2010). *The Sociolinguistics of Globalization*. Cambridge University Press, NY.

Boguslavskaya, V., Budnik, E., Azizulova, A., & Sharakhina, L.V. (2018). Cybersport Community: Social Structures Transformation as a Basis for Intercultural Dialogue. *International Conference on Internet Science*. Springer, Cham. P. 300–311.

Galkowski, A. (2018). L'onymie sportive et la zone de transition entre les nomspropres et les nomscommuns dans le langage du sport. *Voprosy onomastiki*. 15(3). P. 190–201.

Gatson, S.N. (2011). Self-Naming Practices on the Internet: Identity, Authenticity, and Community. *Cultural Studies <=> Critical Methodologies*. 11. P. 224–235.

Hassa, S. (2012). Projecting, Exposing, Revealing Self in the Digital World: Usernames as a Social Practice in a Moroccan Chatroom. *Names*. 60(4). P. 201–209.

Humphrey, C. (2009). The Mask and the Face: Imagination and Social Life in Russian Chat Rooms and Beyond. *ethnos*. 74(1). P. 31–50.

Kelley, J.B. (2012). Gay Naming in Online Gaming. *Names*. 60(4). P. 193–200.

Murphy, Sh.C. (2004). Live in Your World, Play in Ours: The Spaces of Video Game Identity. *Journal of Visual Culture*. 3(2). P. 223–238.

УДК 81'23(050) / DOI 10.30982/2077-5911-2020-43-1-54-63

СТРУКТУРА И СОДЕРЖАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ

Мыскин Сергей Владимирович

доктор филологических наук,
кандидат психологических наук, доцент,
профессор Московского городского
педагогического университета,
129226, Российская Федерация, г. Москва,
2-й Сельскохозяйственный проезд, 4.
myskinsv@mgpu.ru

В статье рассмотрены психолингвистические аспекты структуры и содержания профессионального общения. Методологической основой анализа исследуемой проблемы послужили общепсихологическая теория деятельности и теория речевой деятельности. Автором проведен теоретический анализ процесса формирования общей цели совместной профессиональной деятельности в ходе общения на разных динамических этапах развития социально-психологических отношений работников. Выделены два ключевых психолингвистических аспекта профессионального общения. Во-первых, существуют специфические особенности речевой деятельности, обуславливающие взаимопереходы индивидуальной цели деятельности и общей цели совместной профессиональной деятельности. Во-вторых, существуют особенности производства и восприятия профессиональных текстов, обусловленные структурой социальных отношений субъектов совместной профессиональной деятельности.

Ключевые слова: совместная профессиональная деятельность, профессиональное общение, общая цель, профессиональный текст, структура социальных отношений, структура профессионального общения, модель коммуникации, коллектив, содержание общения, речевая деятельность

Введение

Междисциплинарный характер проблемы совместной профессиональной деятельности делает актуальным исследование данного феномена на стыке различных наук. Необходимость осуществления психолингвистического анализа обусловлена тем фактом, что совместная деятельность не может реализовываться без общения субъектов. Е.Ф. Тарасов отмечает по этому поводу: «...совместная деятельность включает в себя общение сотрудничающих коммуникантов, обслуживаемое языковыми и неязыковыми знаками» [Тарасов 2018: 12]. В современных условиях трудовая активность работников характеризуется увеличением объема и форм речевых сообщений. Данное обстоятельство указывает на существование особенностей производства и восприятия речи в условиях совместной профессиональной деятельности. В связи с этим выявление структурных и содержательных особенностей профессионального общения в условиях совместной профессиональной деятельности является актуальным.

При последующем психолингвистическом анализе будем руководствоваться базовыми положениями общепсихологической теории деятельности [А.Н. Леонтьев 1977] и теории речевой деятельности [А.А. Леонтьев 1969].

Традиционные взгляды на структуру совместной профессиональной деятельности позволяют выделить в ней общую для всех субъектов цель. Так, Б.Ф. Ломов утверждает: «Фактором, объединяющим людей в совместной деятельности, и направляющим ее,

является общая цель» [Ломов 1984: 232]. Цель представляет собой структурированный образ результата деятельности, сформированный в ходе экстраполяции преобразований объекта окружающей действительности. В совместной деятельности общая цель может быть представлена только в знаковой форме. Например, в форме вербальных описаний совокупности действий всех участников, существенных признаков предмета деятельности и т.п. Ведь для того, чтобы цель стала достоянием всех субъектов коллективного труда, прежде всего необходимо овнешнить образ индивидуального сознания субъекта-инициатора идеи (мысли) посредством знака, чаще всего языкового. Знаковое овнешнение реализуется в ходе профессионального общения с партнерами по совместной деятельности, причем как в устной, так и в письменной форме. В связи с этим целесообразно рассмотреть структуру профессионального общения.

Структура профессионального общения

Анализ структуры профессионального общения возможно осуществить с опорой на типы общения, выделенные А.А. Леонтьевым: социально-ориентированное, предметно-ориентированное и личностно-ориентированное [Леонтьев 1996]. Реализуя социально-ориентированное общение, субъект выступает как представитель социальной группы. Основная задача, которую он решает, это социальная задача. «Он либо побуждает слушателей к непосредственной социальной активности, либо объединяет их вокруг социально значимой идеи, формирует или изменяет их убеждения, систему ценностей, социальные установки и т.п., либо обеспечивает “фон” для такого социального воздействия, сообщая социально-значимую информацию и т.п.» [Там же: 17]. Данная типологическая характеристика указывает на необходимость учитывать социальную (организационную) соподчиненность коммуникантов при анализе профессионального общения. Структура социальных отношений в организации имеет свою иерархию, объективно закрепленную в социальных ролях (статусах). Социальный статус нормативно задает формы и содержание профессионального общения. Следовательно, в качестве структурного элемента профессионального общения можно выделить такие речевые действия работников, которые направлены на организацию (подготовку) общения субъектов, как носителей определенных социальных (организационных) статусов. К подобным речевым действиям относятся, например, предварительная запись на прием, объявление о совещании с перечислением обсуждаемых тем, различные речевые ритуалы, фокусирующие внимание на статусе коммуниканта («*Обращаюсь к Вам как к основателю данной организации*», «*Вы всегда были внимательны к мнению своих подчиненных. Можем мы обсудить...?*») и т. п.).

Предметно-ориентированное общение воспроизводит производственные отношения, возникающие при коллективном взаимодействии в процессе труда. Другими словами, в данном типе общения вербализируются специализированные трудовые действия субъектов совместной профессиональной деятельности посредством специального языка [Мыскин 2019]. Это следующий элемент структуры профессионального общения.

В личностно-ориентированном общении происходит взаимодействие людей как личностей, индивидуальностей, то есть в таком общении воспроизводятся психологические отношения. Применительно к профессиональному общению суть индивидуально психологического аспекта раскрывается в явлении мотивации. Помимо согласованного результата совместной профессиональной деятельности (общностью сознания) субъекты должны обладать схожей мотивацией, «причем не только предметной, но и социально-психологической, т. е. побуждением реализовывать деятельность

совместно с данным партнером (-ами)» [Там же: 27]. В профессиональной ситуации субъект-организатор совместной деятельности посредством речи воздействует на мотивационную сферу личности партнера. Причем содержание осуществляемых речевых действий соответствует собственному актуальному психологическому состоянию актора. Формирование единого психологического состояния (мотивации) у партнеров по совместной деятельности обеспечивает «интегральность, т. е. взаимное проникновение и даже стирание различий и субординаций» [Руденский 1999: 18], а также обоюдную понятность, предсказуемость, управляемость субъектов в ходе коллективного труда. Таким образом, третьим элементом структуры профессионального общения можно определить речевое воздействие на партнера по совместной деятельности.

Итак, структура профессионального общения включает: 1) речевые действия по организации профессионального общения субъектов совместной деятельности; 2) вербализацию специализированных трудовых действий субъектов совместной профессиональной деятельности посредством специального языка; 3) речевое воздействие на партнера (-ов) совместной профессиональной деятельности. Чередование обозначенных типов речевых действий обеспечивает формулирование и понимание общей цели всеми участниками совместной деятельности.

Содержание профессионального общения

Принятые в проводимом исследовании методологические основания, делают возможным анализ совместной профессиональной деятельности лишь посредством методологии индивидуальной деятельности [А.Н. Леонтьев 1977; Ломов 1984]. Это позволяет утверждать, что на протяжении всего времени каждый из субъектов совместной профессиональной деятельности выполняет ее как индивидуальную. При этом сформированная ранее общая цель совместной деятельности становится индивидуальной.

Следовательно, специфические особенности речевой деятельности, обуславливающие взаимопереходы индивидуальной цели деятельности в общую цель совместной профессиональной деятельности и обратно, можно обозначить как ключевой психолингвистический аспект рассматриваемой проблемы.

Совместная профессиональная деятельность реализуется в социальной группе, организации. При этом профессиональное общение может трактоваться как процесс организации совместной деятельности. А.А. Леонтьев, рассуждая об эволюции научных взглядов на речевую деятельность, отмечает, что «ее стали рассматривать под углом зрения общения, а само общение – не как передачу информации от одного индивида к другому, а как процесс внутренней саморегуляции социума (общества, социальной группы)» [Леонтьев 1977: 19]. Как было отмечено выше, структура любой социальной группы устроена иерархически. В иерархии отношений всегда выделяются субъект-организатор совместной деятельности (в трудовом коллективе это руководитель, в команде – лидер и т.д.) и субъект-исполнитель. Следовательно, полноценный психолингвистический анализ профессионального общения возможен лишь с учетом его социального аспекта. Отметим, что исследование носит психолингвистический характер, так как используется совокупно психологический и лингвистический понятийные аппараты.

Исследование особенностей профессионального общения в экспериментальных условиях

Структура и содержание социальных отношений трудовых коллективов подробно описана в рамках организационной психологии [Ньюстром и др. 2000], а также в рам-

ках теории коллектива [Донцов 1984; Петровский 1979]. Нами был проведен пилотный анализ признаков воспроизводства структуры социальных отношений в содержании профессионального общения.

Основной целью эксперимента являлось выявление взаимосвязи особенностей социальной структуры отношений членов группы с содержанием их речи. *Рабочая гипотеза* эксперимента: существует взаимосвязь особенностей социальной структуры отношений членов группы с содержанием их речи.

В экспериментальных мероприятиях приняли участие испытуемые со следующими характеристиками:

- а) возраст: от 20 лет до 35 лет;
- б) образование: высшее;
- в) профессиональная принадлежность: менеджеры, юристы, педагоги, психологи, инженеры, журналисты (профильное разнообразие обусловлено необходимостью избежать неконтролируемого влияния одной профессии на результаты);
- г) испытуемые были разделены на четыре группы (15, 16, 15 и 17 человек);
- д) испытуемые не имели опыта участия в подобных экспериментах.

Экспериментальные процедуры проводились в помещениях ГБУ «Кризисный центр помощи женщинам и детям» при Департаменте труда и социальной защиты населения города Москвы.

В экспериментальных условиях участникам была дана стандартная инструкция: смоделировать функционирование той или иной структуры социальных отношений. Нужно отметить, что мы намеренно опускаем описание организации психологической части эксперимента, так как наша исследовательская задача заключалась в установлении корреляционных связей между характеристиками моделируемой социальной структуры отношений (см. ниже) и речевой продукцией участников.

Методами эксперимента были наблюдение, деловая/ организационная игра, групп-анализ, содержательный анализ речи. Деловая игра, основной метод проводимого эксперимента, позволяет получить необходимый языковой материал для последующего анализа. Суть деловой игры состоит в том, что в ее основе «лежит проблемная ситуация, которая должна с высокой степенью реальности имитировать конкретные условия и динамику действий, обеспечивающих включение играющих в конкретную ситуацию и освоение ими профессиональных ролей» [Тутушкина и др. 1997: 281]. В процессе деловой игры моделирование профессиональной деятельности и профессионального общения максимально приближено к реалиям; поэтому фиксируемый в ходе выполнения упражнений языковой материал представляется валидным для выстраивания корреляционных связей с особенностями социальной упорядоченности групповых отношений.

Участникам были предложены несколько игровых сессий, каждая из которых имела самостоятельную игровую цель. Задания, которые выполняли члены группы, обеспечивали воссоздание следующих внутригрупповых отношений: авторитарные (директивные), командные (конструктивные), либеральные (хаотичные). Подробные сценарии игровых упражнений и кейсов, используемых в данном экспериментальном исследовании, подробно описаны в соответствующей литературе [см.: Зельдович 2011].

Участники имитировали совместную профессиональную деятельность, распределяя функциональные роли в соответствии с поставленной игровой целью: создать проект, выполнить четкое построение, сплотить команду и др. В ходе эксперимента фиксировались устная речь участников, а затем осуществлялся экспертный анализ вза-

имосвязи содержания общения с особенностями сложившейся в ходе игры структуры отношений. На заключительном этапе эксперимента проводился сопоставительный анализ выявленных особенностей структуры отношений с существующими теоретическими моделями общения.

Приведем некоторые обобщенные результаты экспериментального исследования [более подробно о методах экспериментального исследования см. Мыскин 2015 и в последующих публикациях автора].

В первой игровой сессии моделирование социально-психологической структуры группы включало такую организацию общения, при которой динамика внутригрупповых отношений проходила три этапа: диффузный (малоразвитый), ассоциативный и собственно коллектив. По Петровскому, на каждом из этапов взаимоотношения отличаются характерными признаками [Петровский 1979]. В таблице № 1 представлен сравнительный анализ психологических признаков, характерных каждому из этапов развития групповых отношений, с их речевыми коррелятами.

Таблица № 1

Сравнительный анализ психологических признаков, характерных каждому из этапов развития групповых отношений, с их речевыми коррелятами

Этап развития групповых отношений	Психологические признаки групповых отношений	Речевые и неречевые корреляты
Диффузный	Основу отношений составляют преимущественно личные симпатии и антипатии, т. е. эмоциональные связи.	Шутливые высказывания в отношении задания и партнеров. Описание комичных ситуаций, связанных с участием в задании, его результатами. Громкий смех. Напряженное молчание перед началом выполнения задания.
Ассоциативный	Отношения опосредуются лично значимым для каждого содержанием коллективной деятельности.	Описание индивидуальной профессиональной деятельности, аргументация конкурентных преимуществ, контраргументация критических замечаний по поводу эффективности и адекватности описанной индивидуальной профессиональной деятельности.
Коллектив	Отношения основываются на принятии всеми членами группы единых целей групповой деятельности, формируется общность сознания.	Участники описывают общую цель деятельности, приводят обосновывают результативность индивидуального профессионального вклада в достижение общей цели деятельности.

Как видно из приведенной таблицы, существует соответствие социально-психологических состояний групповых отношений участников их речевым высказываниям.

На следующей игровой сессии участники моделировали «жестко» регламентированную профессиональную деятельность, присущую профессиям с повышенной ответственностью (например, военные, летчики, операторы атомных станций и пр.). Подобные виды профессиональной деятельности могут быть реализованы лишь в условиях строгой групповой иерархии, вертикальной подчиненности. Общение в таких социальных профессиональных организациях реализуется в максимальном соответствии с инструкциями, описывающими данную профессиональную деятельность. При этом содержание сообщений, которыми обмениваются коммуниканты, заранее известно. Применительно к социальным структурам со строгой вертикалью власти наиболее адекватной моделью общения выступает модель коммуникации К. Шеннона и У. Уивера. Именно данная модель описывает общение в коммуникативных сетях, где содержание сообщений заранее известно. Важной особенностью сообщений, функционирующих в социальных структурах со строгой вертикальной подчиненностью, выступает *степень информативности*, зависящей от вероятности появления этих сообщений. Суть коммуникативной модели К. Шеннона и У. Уивера скрывается в процессах кодирования/декодирования, т.е. преобразовании информации в сигналы кода, что обеспечивает ее «трансляцию» от говорящего к слушающему [Shannon, Weaver 1949]. Обязательным и необходимым условием реализации общения по модели коммуникации К. Шеннона и У. Уивера становится достижение четких представлений коллектива о единстве целей, типичности мышления, идентичности языковых знаний и существовании общего кода [Жинкин 1982; Мыскин 2013].

Анализ общения участников в процессе выполнения ими экспериментальных заданий показал (по модели коммуникации К. Шеннона и У. Уивера), что употребление в речи уточняющих вопросов, просьб с разъяснением, включение специальных терминов из других профессий, блокирует эффективное (по времени и качеству) достижение игровой цели. В то же время, однозначное восприятие устных сообщений от лидера группы, его четких команд, исключение их обсуждения, обеспечивало быстрое достижение результата. Однако попытка выполнения творческого задания в условиях строгой вертикальной подчиненности участников общения с использованием информационно-кодовой модели приводит обычно к тому, что цель игрового задания не бывает достигнута вовсе.

Были проанализированы также взаимосвязь особенностей социальной организации и содержания профессионального общения с использованием модели коммуникации Г.П. Грайса [Грайс 1985] и транзакционного анализа Э. Берна [Берн 2008]. Во всех случаях было выявлено соответствие структурных особенностей групповой организации и содержания профессионального общения.

Приведенный краткий обзор результатов экспериментального исследования позволяет сделать вывод о том, что модели общения, выражающие особенности речевой деятельности коммуникантов, воспроизводят структуру социальных отношений субъектов совместной профессиональной деятельности.

В последующих экспериментальных исследованиях взаимообусловленности содержания профессионального общения особенностями социальной структуры предполагается изучить влияние паралингвистических характеристик профессиональной речи на формирование системы социальных отношений. Например, эмоциональную окраску речи субъектов профессионального общения. Методологической основой дан-

ного исследования может выступить концептуальный аппарат языка эмоций, сформулированный в теоретическом подходе В.П. Морозова [Морозов 2017].

Функционирование профессиональных текстов

Далее, раскрывая содержательные аспекты профессионального общения, отметим, что регуляция совместной профессиональной деятельности происходит в ходе общения посредством актуальных профессиональных текстов. Причем можно выделить как минимум два вида профессиональных текстов. Значения первых объемлют общественно выработанные способы и операции с предметами культуры. Второй вид профессиональных текстов характеризует социальные нормы поведения на рабочем месте. Каждой ступени иерархии социальных отношений соответствует определенное соотношение обозначенных видов профессиональных текстов. Чем выше социальная позиция работника, тем больше текстов (в количественном плане), а также их разнообразие, функционирующих в его речевой деятельности. И наоборот. Чем ниже статус, тем меньше текстов производится в общении. Например, для организации работы средней общеобразовательной школы директор оперирует такими профессиональными текстами, как технико-эксплуатационные инструкции, описания функциональных обязанностей, должностные инструкции, трудовые контракты (договоры), правила внутреннего распорядка и трудового поведения и т.п. Кроме того, в следующих коммуникативных ситуациях: рабочие совещания и доклады, приказы, интернет переписка и почтовая корреспонденция, презентации и видеоматериалы, консультации и телефонные переговоры и др. – руководитель употребляет общепрофильную, профильную, непрофильную профессиональную лексику. Знание и владение содержанием различных видов профессиональной деятельности выступает обязательным и необходимым условием организации совместной деятельности полипрофильного трудового коллектива. В свою очередь, рядовой сотрудник владеет текстами, касающимися лишь его профильной профессиональной деятельности.

Не менее важную роль играет структура социальных отношений при формулировании смыслов в ходе восприятия профессиональных текстов субъектами совместной деятельности. А.Н. Леонтьев пишет по этому поводу, что объективность образа, его осмысленность и категориальность «включает совокупную общественную практику, идеализированную в системе значений» и воспринимается индивидом «как то, что лежит за обликом вещей – в познанных объективных связях предметного мира, в различных системах, в которых они только и существуют, только и раскрывают свои свойства» [А.Н. Леонтьев 1983: 251–261]. Следовательно, понимание, осмысление того или иного профессионального текста обусловлено осознанием места работника в системе социальных (организационных) отношений. Например, устав организации будет формировать различные смыслы у руководителя и рядового специалиста несмотря на то, что данный профессиональный текст регулирует деятельность обоих.

Выводы

Проведенный анализ позволяет сформулировать следующие выводы:

1. Структура профессионального общения включает: речевые действия по организации профессионального общения субъектов совместной деятельности; вербализацию специализированных трудовых действий субъектов совместной профессиональной деятельности посредством специального языка; речевое воздействие на партнера (-ов) совместной профессиональной деятельности.

2. Чередование выделенных типов речевых действий обеспечивает формулирование и понимание общей цели всеми участниками совместной деятельности.

3. Существуют устойчивые взаимосвязи особенностей структуры социальной организации и содержания профессионального общения.

4. Особенности производства и восприятия профессиональных текстов, функционирующих в профессиональном общении, обусловлены структурой социальных отношений субъектов совместной профессиональной деятельности.

Литература

Берн Э. Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры. М.: Эксмо-Пресс, 2008. 576 с.

Грайс Г.П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16: Лингвистическая прагматика. М.: Прогресс, 1985. С. 217-237.

Донцов А.И. Психология коллектива: методологические проблемы исследования. М.: Изд-во МГУ, 1984. 208 с.

Жинкин Н.И. Речь как проводник информации. М.: Наука, 1982. 156 с.

Зельдович Б.З. Деловые игры в управлении полиграфическими и издательскими процессами / Б.З. Зельдович; Моск. гос. ун-т печати им. Ивана Федорова. М.: МГУП им. Ивана Федорова, 2011. 232 с.

Леонтьев А.А. Язык, речь, речевая деятельность. М.: Просвещение, 1969. 214 с.

Леонтьев А.А. Педагогическое общение / под ред. М. К. Кабардова. 2-е изд. перераб. и дополн. М. Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 1996. 96 с.

Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. М.: Смысл, 1997. 287 с.

Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. Изд-е 2-е. М.: Политиздат, 1977. 304 с.

Леонтьев А.Н. Избранные психологические труды: в 2-х т. М.: Периодика, 1983. Т. 1. 452 с.

Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984. 448 с.

Морозов В.П. Язык эмоций и эмоциональный слух. Избранные труды. М.: ИПРАН, 2017.

Мыскин С.В. Психолингвистические аспекты профессионального общения // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. Волгоград: ВолГУ, 2013. № 2(18). С. 199-206.

Мыскин С.В. Введение в теорию профессионального языкового сознания. Монография. М.: ООО «Сам Полиграфист», 2015. 331 с.

Мыскин С.В. Организационно-психологический анализ профессионального сознания работников современных трудовых коллективов // Организационная психолингвистика. [Электронный ресурс]: электрон. науч. журнал / гл. ред. С.В. Мыскин. Вып. №1 (1). М.: ООО «Агентство социально-гуманитарных технологий», 2018. № 1(1). С. 2.

Мыскин С.В. Психологический анализ общения в совместной профессиональной деятельности / Материалы Международной научно-практической конференции студентов, магистрантов, аспирантов, молодых ученых и их наставников «Психология, образование: актуальные и приоритетные направления исследований», 29 апреля 2019 г., г. Тверь. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2019. С. 25-29.

Ньюстром Д.В., Дэвис К. Организационное поведение: поведение человека на рабочем месте; пер. с англ. ред. Ю.Н. Каптуревского. СПб.: Питер, 2000. 448 с.

Петровский А.В. Психологическая теория коллектива. М.: Педагогика, 1979. 240 с.

Руденский Е.В. Социальная психология. Курс лекций. М.: ИНФРА-М; Новосибирск: НГАЭиУ, «Сибирское соглашение», 1999. 224 с.

Тарасов Е.Ф. К построению теории организационной психолингвистики // Организационная психолингвистика [Электронный ресурс]: электрон. науч. журнал / гл. ред. С.В. Мыскин. Вып. №1 (1). М.: ООО «Агентство социально-гуманитарных технологий», 2018. С. 11-20.

Тутушкина М.И. и др. Практическая психология для преподавателей. М.: Информационно-издательский дом «Филинь», 1997. 328 с.

Shannon C., Weaver W. The Mathematical Theory of Communication / C. Shannon, W. Weaver. Urbana: Univ. Illinois Press, 1949. 117 p.

STRUCTURE AND CONTENT OF PROFESSIONAL COMMUNICATION

Sergei V. Myskin

Doctor of Philology, Candidate of
Psychological Sciences, Associate Professor,
Professor at Moscow City Pedagogical University
4 Vtoroy Selskohoziaystvenny proezd, Moscow, Russia
myskinsv@mgpu.ru

The article deals with psycholinguistic aspects of the structure and content of professional communication. The activity theory and the theory of speech activity made up the methodological basis of the problem analysis. The author conducted a theoretical analysis of the process forming a common goal of joint professional activity during communication at different dynamic stages of development of social and psychological relations of employees. Two key psycholinguistic aspects of professional communication are highlighted. Firstly, there are specific features of speech activity that cause mutual transitions of the individual goal of activity and the General goal of joint professional activity. Secondly, there are features of production and perception of professional texts, due to the structure of social relations of subjects of joint professional activity.

Keywords: joint professional activity, professional communication, purpose, professional text, structure of social relations, structure of professional communication, communication model, team, communication content, speech activity

References

Bern E. Iгры, v kotorye igrayut lyudi. Lyudi, kotorye igrayut v igrы [The Games people play. People who play games]. М.: Eksmo-Press, 2008. 576 s. (In Russian)

Grajs G.P. Logika i rechevoe obshchenie [Logic and speech communication] // Novoe v zarubezhnoy lingvistike. Vyp. 16: Lingvisticheskaya pragmatika [New in foreign linguistics. Vol. 16: Linguistic pragmatics]. М.: Progress, 1985. S. 217-237. (In Russian)

Dontsov A.I. Psihologiya kollektiva: metodologicheskie problemy issledovaniya [Psychology of collective: methodological problems of research]. М.: Izd-vo MGU, 1984. 208 s. (In Russian)

ZHinkin N.I. Rech' kak provodnik informacii [Speech as a conductor of information]. М.: Nauka, 1982. 156 s. (In Russian)

Zel'dovich B.Z. Delovye igrы v upravlenii poligraficheskimi i izdatel'skimi processami: ucheb. posobie [Business games in the management of printing and publishing processes: tutorial] / B.Z. Zel'dovich; Mosk. gos. un-t pechati im. Ivana Fedorova. М.: MGUP im. Ivana Fedorova, 2011. 232 s.

Leont'ev A.A. YAzyk, rech', rechevaya deyatelnost' [Language, speech, speech activity].

- M.: Prosveshchenie, 1969. 214 s. (In Russian)
- Leont'ev A.A.* Pedagogicheskoe obshchenie [Pedagogical communication] / pod red. M. K. Kabardova. 2-e izd. pererab. I dopoln. M. Nal'chik: Izdatel'skij centr «El'-Fa», 1996. 96 s. (In Russian)
- Leont'ev A.A.* Osnovy psiholingvistiki [Fundamentals of psycholinguistics]. M.: Smysl, 1997. 287 s. (In Russian)
- Leont'ev A.N.* Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost' [Activity. Consciousness. Personality]. Izd-e 2-e. M.: Politizdat, 1977. 304 s. (In Russian)
- Leont'ev A.N.* Izbrannye psihologicheskie trudy: v 2-h t. [Selected psychological works: in 2 vols]. M.: Periodika, 1983. T. 1. 452 s. (In Russian)
- Lomov B.F.* Metodologicheskie i teoreticheskie problemy psihologii [Methodological and theoretical problems of psychology]. M.: Nauka, 1984. 448 s. (In Russian)
- Morozov V.P.* Yazyk, emocij i emocional'nyj sluh. Izbrannye Trudy [Language of emotions and emotional hearing. Selected works]. M.: IPRAN, 2017. (In Russian)
- Myskin S.V.* Psiholingvisticheskie aspekty professional'nogo obshcheniya [Psycholinguistic aspects of professional communication] // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: YAzykoznanie. Volgograd: VolGU, 2013. № 2(18). S. 199-206. (In Russian)
- Myskin S.V.* Vvedenie v teoriyu professional'nogo yazykovogo soznaniya [Introduction to the theory of professional language consciousness]. Monografiya [Monograph]. M.: OOO «Sam Poligrafist», 2015. 331 s. (In Russian)
- Myskin S.V.* Organizacionno-psihologicheskij analiz professional'nogo soznaniya rabotnikov sovremennyh trudovyh kollektivov [Organizational-psychological analysis of professional consciousness of workers of modern labor collectives] // Organizacionnaya psiholingvistika. M.: OOO «Agentstvo social'no-gumanitarnyh tekhnologij», 2018. № 1(1). S. 2. (In Russian)
- Myskin S.V.* Psihologicheskij analiz obshcheniya v sovmestnoj professional'noj deyatel'nosti [Psychological analysis of communication in joint professional activity] / Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii studentov, magistrantov, aspirantov, molodyh uchenyh i ih nastavnikov «Psihologiya, obrazovanie: aktual'nye i prioritetye napravleniya issledovanij», 29 aprelya 2019 g., g. Tver'. Tver': Tver. gos. un-t, 2019. S. 25-29. (In Russian)
- N'yustrom D.V., Devis K.* Organizacionnoe povedenie: povedenie cheloveka na rabochem meste [Organizational behavior: human behavior in the workplace]; per. s angl. red. YU.N. Kapturevskogo. SPb.: Piter, 2000. 448 s. (In Russian)
- Petrovskij A.V.* Psihologicheskaya teoriya kollektiva [Psychological theory of the collective]. M.: Pedagogika, 1979. 240 s. (In Russian)
- Rudenskij E.V.* Social'naya psihologiya. Kurs lekcij [Social psychology. Course of lectures]. M.: INFRA-M; Novosibirsk: NGAEiU, «Sibirskoe soglashenie», 1999. 224 s. (In Russian)
- Tarasov E.F.* K postroeniyu teorii organizacionnoj psiholingvistiki [To the construction of the theory of organizational psycholinguistics] // Organizacionnaya psiholingvistika [Elektronnyj resurs]: elektron. nauch. zhurnal / gl. red. S.V. Myskin. Vyp. №1 (1). M.: OOO «Agentstvo social'no-gumanitarnyh tekhnologij», 2018. S. 11-20. (In Russian)
- Tutushkina M.I. i dr.* Prakticheskaya psihologiya dlya prepodavatelej [Practical psychology for teachers]. M.: Informacionno-izdatel'skij dom «Filin'», 1997. 328 s. (In Russian)
- Shannon C., Weaver W.* (1949) The Mathematical Theory of Communication / C. Shannon, W. Weaver. Urbana: Univ. Illinois Press. 117 p.

УДК 81'2 / DOI 10.30982/2077-5911-2020-43-1-64-74

**ТЕМЫ РОЖДЕНИЯ И СМЕРТИ В РУССКИХ И АНГЛИЙСКИХ
ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ: МЕТАФОРА ПУТИ¹**

Орлова Ольга Сергеевна

Младший научный сотрудник, ФГБУН Институт языкознания РАН
125009, Москва, Б. Кисловский пер. д.1 стр. 1,
OrlovaOlgaS@list.ru

Статья посвящена рассмотрению фразеологизмов с семантикой рождения и смерти в русском и английском языках, связи фразеологизмов на темы рождения и смерти с табу, их эвфемистической функции и метафорическому «устройству», которое исследуется в когнитивно-лингвокультурологическом аспекте. Целью исследования является описание концептуализации рождения и смерти во фразеологии. Основное содержание работы составляет фреймовый анализ русских и английских фразеологизмов на темы рождения и смерти, в основе которых лежит метафора пути. Для наглядного представления механизма кодирования того или иного денотата используется формализация фрейма в виде таблицы. Значимость образа пути для метафорического описания темы рождения и смерти в русскоязычной и англоязычной культуре раскрывается в лингвокультурологическом комментарии. Проведённый анализ показал, что когнитивный подход позволяет выявить конституирующие признаки фразеологизмов, построенных на образе пути, а лингвокультурологический – объясняет причину использования в культуре данного образа при обращении к темам рождения и смерти. Посредством когнитивного и лингвокультурологического анализа раскрывается механизм кодирования денотатов в русских и английских фразеологизмах на тему рождения и смерти.

Ключевые слова: фразеологизм, идиома, эвфемизм, табу, эмоции, рождение, смерть, путь, метафора, когнитивно-лингвокультурологическое исследование, фреймовый анализ, лингвокультурологический комментарий

Введение

Фразеологизмы на темы рождения и смерти составляют особую группу устойчивых выражений, поскольку употребляются при затрагивании таких значимых событий, как появление на свет и уход из жизни. Темы рождения и смерти осознаются во взаимосвязи с различными эмоциями и сопровождаются разного рода переживаниями и страхами. (см., например, [Щукина 2017]). В древние времена то, чего человек страшился, окружалось защитными обрядами, ритуалами и различными запретами, что проявлялось в том числе и на уровне языка. Табу в речевой деятельности понимается как «запрет на прямое именование того или иного предмета, явления окружающей действительности» [Сеничкина 2017: 45]. Табуированию с далекой древности подлежали названия внушающих страх животных и явлений природы, болезней, злых духов, языческих богов, именование смерти, покойного, беременных и рожениц, считавшихся «полупокойницами», находящимися между жизнью и смертью [Кабакова 2009: 461], и различных пугающих предметов, явлений, действий, событий. Запрет на употребление

¹ Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда фундаментальных исследований (грант № 18-012-00736а) в Институте языкознания РАН.

каких-либо слов и выражений предполагает или умолчание, или употребление замененных, непрямых, номинаций. В дальнейшем, на почве табу в языке возникают эвфемизмы, понимаемые как «такие явления языка, которые, употребляясь вместо запрещенных, табуированных номинаций, разрешены нормами речевого поведения, социально приемлемы, конвенциональны» [Вильданова 2015: 13]. Так, о смерти говорили *вечный сон, вечный покой; eternal rest, eternal life* и др., а для непрямого именованья беременности употребляли *near her time, lie in; в тягости, на сносях, последние дни дохаживает* и др. Непрямые номинации объектов, подлежащих табуированию, вошли в язык и на долгое время закрепились в нём, превратившись в готовые лексические единицы или устойчивые выражения, воспроизводимые в нужный момент. Значительная часть возникших на почве табу эвфемизмов на темы рождения и смерти представляют собой не отдельные слова, а сверхсловные наименования, от словосочетаний до цельнопредикативных выражений. Многословные эвфемизмы благодаря своей многокомпонентной структуре, идиоматичности и устойчивости обнаруживают сходство с фразеологизмами [Ковшова 2019а: 40]. Во фразеологических словарях, как правило, приводятся такие выражения, которые даются с пометой *эвф./эвфем.*; см., например [АСРФ 2015; Ковшова 2019б]. Фразеологизмы-эвфемизмы представляют собой особый пласт единиц, которые табуируют те или иные сферы и обладают мелиоративной функцией при обсуждении деликатных тем. В отличие от лексических, то есть однословных, эвфемизмов, фразеологизмы-эвфемизмы, особенно идиомы, в большей степени способствуют иносказательному описанию запретных тем: благодаря многокомпонентной структуре и метафорическому «устройству», фразеологизмы-эвфемизмы обеспечивают семантическую неопределённость, обобщённую референцию.

Со сменой мифологического мышления на рационалистическое и утратой многих суеверий эвфемизмы стали употребляться с целью смягчения речи или сознательного вуалирования существа дела, фактически становясь заменой нежелательных для участников коммуникации слов и выражений. В настоящее время под эвфемизмами понимаются «разрешённые слова и выражения, которые употребляются вместо тех, которые запрещены или ограничены в употреблении этикетными, этическими, правовыми, идеологическими нормами и обычаями, принятыми в данном культурно-языковом сообществе» [Ковшова 2019а: 36].

Со временем как лексические эвфемизмы, так и сверхсловные эвфемистические наименования устаревают и выходят из употребления, а также, утратив семантическую неопределённость, производят комический эффект или превращаются в свою противоположность – дисфемизмы. Так, устарели и вышли из употребления английские эвфемизмы на тему рождения: *lined, great, the rabbit died* (дословный перевод: «кролик умер»)². Ограниченное употребление имеют русские эвфемизмы для обозначения беременности: *тяжёлая, в тягостях быть* (в сельской речи), *непраздная* (в религиозном дискурсе). Также устарели многие эвфемизмы на тему смерти, например:

² Фразеологизм-эвфемизм *the rabbit died* употреблялся для иносказательного обозначения беременности во времена, когда кролики активно использовались для проведения тестов на беременность. Согласно тесту, разработанному Морисом Фридманом и Максвеллом Лэпхэмом [Olszynko-Gryn 2014: 240], определить беременность у женщины можно было, введя её мочу крольчихе. Для подтверждения или опровержения факта беременности необходимо было вскрыть крольчиху через некоторое время после инъекции, чтобы исследовать её яичники, которые в случае беременности женщины должны были увеличиться. В результате таких манипуляций крольчихи умирали.

русское выражение *богова деланка*, употреблявшееся для иносказательного именованя кладбища; английское *put away* в значении ‘похоронить’; шотландское *win home* в значении ‘умереть’ и др.

В то время как одни эвфемизмы на темы рождения и смерти устаревают, возникают новые. Ср.: современное русское выражение *две полоски*, использующееся для непрямого обозначения беременности, и английское выражение *BD'ing (baby dancing)* для именованя процесса зачатия ребёнка; эти выражения активно используются на форумах беременных и молодых мам в сети интернет. Ср. т.ж. современные выражения на тему смерти: рус. *ритуальные товары*, использующееся для обозначения покупок, необходимых для организации похорон, на рынке ритуальных услуг; англ. *flatline*, употребляющееся в значении ‘умереть’ (изначально «flatline» – прямая линия на дисплее при отсутствии сердцебиения); *is not going to shop at Walmart anymore* вместо «умер» и др.

Фразеологизмы на темы рождения и смерти в русскоязычной и англоязычной культуре

Темы рождения и смерти во все времена требовали к себе пристального внимания – для того, чтобы проникнуть в тайну этих явлений, чтобы осознать их значимость в жизни человека и общества, чтобы определить их приоритетную значимость на ценностной шкале культуры. Вначале в табуистических целях, затем – в этических и этикетных, темы смерти и рождения кодируются в эвфемизмах, в том числе во фразеологии как русского, так и английского языков. Ср., например, эвфемизмы на тему рождения: рус. *нашли в капусте, аист принёс* (объяснения для ребенка); *найти в крапиве* (‘родить ребёнка вне брака’); *find a baby in a cabbage patch, the stork brought the baby home, find a baby in a parsley bed* (о девочке), *find a baby under the gooseberry bush* (о мальчике) и др. Ср. эвфемизмы на тему смерти: рус. *Бог по душу посылает, лечь под берёзки, дышать на ладан; join (or with) the angels, go to the mansions of rest, Asleep in the Arms of God* и др.

Фразеологизмы на темы рождения и смерти, благодаря многокомпонентному составу, обобщённому описанию денотата и тропической природе, являются подходящим материалом для смягчения и вуалирования; все фразеологизмы, особенно идиомы, на данные темы потенциально могут выступать в качестве эвфемизмов. Эвфемизмы всегда погружены в коммуникацию, определяющими факторами для их выбора и употребления являются коммуникативная ситуация и фактор адресата. Исключение могут составить фразеологизмы, которые за время своего существования в языке и речи приобрели ярко выраженные отрицательные коннотации (ср.: рус. *в подоле принесла, пузо на нос лезет*; англ. *food for worms* и др.). По наблюдениям, мелиоративными качествами в русской и английской культуре в меньшей степени обладают фразеологизмы-эвфемизмы, которые содержат в своём составе компоненты, являющиеся прямыми номинациями, относящимися к вуалируемой теме. Ср. фразеологизмы на тему смерти: рус. *Смерть в глазах, смерть путь кажет*; англ. *as dead as a doornail, as dead as a dodo* и др.; фразеологизмы на тему рождения: рус. *сделать ребёнка*; англ. *baby blocker* – ‘противозачаточное средство’ и др.

Тема рождения в русских и английских фразеологизмах (как общеизвестных, так и ограниченных бытованием) концептуализируется с помощью разных образов, которые можно «собрать» с помощью той или иной метафоры.

Так, в основе русских и английских выражений на тему беременности, разных по значению и образным «фокусировкам», издревле используются следующие метафоры: пищевая метафора (ср.: *have a bun in the oven* – ‘быть беременной’; *goroxu obъestься* – о беременности вне брака); фитоморфная метафора (ср.: *have a pea in the pod* – ‘быть беременной’; *deti vьazутся*); зооморфная метафора (ср.: *поймать воробышка* – ‘забеременеть’; *have a bat in the cave* – ‘быть беременной’³). Беременность во фразеологизмах часто обозначается с помощью уподобления данного состояния – ноши или тяжести (ср.: *be heavy with child*; *в тягости быть, на сносях, с грузом*), обыгрывается полнота беременной женщины (ср.: *горб спереду растёт, обручи спадывают, с кучечкой*; *in the increasing way, weary our apron high, wear the bustle wrong*⁴). Тема беременности концептуализируется с помощью образной «отсылки» к процессу зачатия ребёнка и его развитию в особом пространстве; ср. рус.: *оставить пуговицу, сделать брюхо, накачать пузырь*; англ. *up the spout, stung by a serpent, shot in the tail*. С описания внешности или физического состояния беременной женщины описание «переключается» на эмоциональное состояние и социально-статусную сферу: ожидание (ср.: *ждать ребёнка, ожидать прибавления в семействе*; *expecting a baby, expectant mother, anticipating birth*), новый социальный статус (ср.: *be in the club, join the club, in the (plum) pudding club*⁵). Прицельное внимание к беременности «снимается» косвенным описанием того особого положения, в котором находится женщина; ср.: рус. *в (деликатном, интересном, счастливом, таком) положении*; англ. *In a delicate (or certain or interesting) condition or state; a gleam (or twinkle) in someone’s eye, in the family way*. Есть также иносказательные номинации для женщины в процессе родов и в послеродовой период; ср.: англ. *be brought to bed; lady in the straw*⁶. Для описания беременности и рождения ребёнка в русских и английских фразеологизмах-эвфемизмах используются разные природные, сакральные, обыденные образы. Ср.: воля Божья (ср.: *Бог дал, дар Божий, от святого духа; a blessing from God*), воздействие природы (ср.: *ветром надуло, ветер под подол попал*), освобождение от чего-либо, что тяготит или связывает (ср.: *разрешиться от бремени, отдать живот, вот-вот мешок развяжется*), работа (ср.: *в труде; in labour*) и др. Беременность описывается как неожиданная находка или запланированное приобретение, появление чего-то нового. Ср.: *find a baby in a cabbage patch, find a baby in a parsley bed, find a baby under the gooseberry bush, the stork brought*

³ Фразеологизм *have a bat in the cave* изначально возник как не прямое именование, не имеющее отношения к теме беременности и рождения. Ср.: *bat in the cave* – «visible mucus in one's nostrils» [The Online Slang Dictionary]. Однако данный фразеологизм в настоящее время употребляется пользователями сети интернет и в значении ‘быть беременной’ [everymum.ie; babygaga.com]. Новое значение появилось, по-видимому, как образное сравнение ребёнка внутри матери, занимающего классическое положение (вниз головой), с летучей мышью, висящей вниз головой в пещере.

⁴ Фразеологизм *wear the bustle wrong* (дословно: не правильно носить турнюр) восходит к временам, когда в моде была такая часть женского туалета, как турнюр, которая представляла собой подушечку, крепившуюся сзади под платьем, чтобы женский силуэт выглядел нарочито пышнее. Если турнюр закрепить под платьем спереди, то пышнее будет казаться живот женщины, то есть она будет выглядеть так, словно беременна.

⁵ Дословно: быть в клубе (сливового) пудинга. Сливовый (т.ж. изюмный) пудинг – традиционное рождественское блюдо в Средневековой Англии.

⁶ Фразеологизм *lady in the straw* (дословно: леди на соломе) употреблялся для непрямого именованья роженицы, вероятно, благодаря использованию во время родов и в послеродовой период соломенных матрасов, которые на это время использовались вместо более комфортных матрасов, чтобы те не оказались испорчены.

the baby home, buy a baby in a shop, download a baby; в капусте нашли, найти в крапиве, найти за углом, аист принёс, купили в магазине, скачали в интернете.

В целом, появление ребёнка и в русской, и в английской культуре осознаётся как радость, счастье, что эксплицируется в прямом значении отдельных лексем в составе коллокаций; ср.: *радостное событие, счастливое событие; happy event, blessed event.*

В силу древнейшего табу, смерть в общезыковых и менее распространённых фразеологизмах русского и английского языков часто персонифицируется (ср.: *Загиб Иваныч (Петров), Иван Гробов*) или предстаёт в образах мифических существ (ср.: *смерть с косой; the Grim Reaper*). И для русскоязычной, и для англоязычной культур характерно метафорическое обозначение смерти как сна, отдыха, покоя (ср.: *вечный сон, вечный покой; eternal rest, asleep in the Arms of God, be at peace*), представление её как отделение души от тела (ср.: *отдал Богу душу, испустил дух, дух вон; give up the ghost (or breath or soul or spirit)*), конца, завершения чего-либо (ср.: *кончен бал, отряхнуться от житья; end of ball, hand in your dinner pail*). Смерть во фразеологизмах также описывается как исчезновение или похищение умершего неведомой силой (ср.: *Бог прибрал, леший забрал*); предстаёт как утрата для живущих (ср.: *потерять близкого человека; lose someone*) и приобретение для умирающих (ср.: *обрести покой, buy the farm*), безвыходная ситуация (ср.: *кому-либо крышка, go bung*). По метонимии смерть описывается в присущем этому событию природном, акциональном и артефактивном «контекстах». Из опыта и по наблюдениям известно, что явление смерти связано с гробом, могилой, кладбищем, землёй и живущими в ней организмами. Ср.: *одной ногой в могиле, в гроб глядеть, землёй пахнет; have one foot in the grave, six feet under; to bite the dust / the ground / the sand; food for worms*. В этот контекст вплетаются образы растительного мира. Ср.: *лечь под берёзки, в рощу пойти; to push up the daisies*.

Подробно остановимся на русских и английских фразеологизмах-эвфемизмах с семантикой смерти и рождения, в основе внутренней формы которых лежит метафора движения, пути.

Смерть в русской и английской фразеологии изображается как переход из одного пространства в другое (*ойти в мир иной; go to another world / the undiscovered country*), воссоединение с близкими и создателем (*отправился к праотцам; meet your maker*) и даже брак (*сосватать осинку, Ванька Ёлкин посватался; собирается замуж* – об умирающей женщине) и др. В иносказательном обозначении смерти отражаются реалии погребального обряда (*лечь под образа, руки сложить*) и телесные знаки (*протянуть ноги, turn up your toes, go home feet first*). Часто смерть во фразеологизмах русскоязычной и англоязычной культур уподобляется пути, путешествию (*на гору собирается, пойти в землю, отправился на небеса, проводить в последний путь, уйти из жизни; shuffle off this mortal coil, go to a better land/life/place/world, go to the Great Adventure, go to Jordan's banks, go to the mansions of rest*).

Также в русских и английских фразеологизмах-эвфемизмах в образах движения, пути описывается тема рождения; например, это образ выхода из какого-либо пространства (ср.: *вывести на свет Божий, выйти на Русь*); образ пути, путешествия (ср.: *в Москву, в Ригу съездила, с Москвы приехала, съездить под лавку, дитя дороги не найдёт; have a baby on the way, in the family way*).

Как видим, для описания и рождения, и смерти одной из базовых, ключевых метафор является метафора передвижения, которая используется как для субъекта описания – человека (*выйти на Русь* – ‘родиться’; *go to another world* – ‘умереть’), так и

для «наблюдателя» явления рождения или смерти (*вывести на свет Божий* – ‘родить ребёнка’; *see someone to their final journey* – ‘похоронить’). Различные образные «конфигурации» данной базовой метафоры в большинстве приведённых выше примеров фразеологизмов-эвфемизмов, так или иначе, исходят из идеи передвижения (перемещения), которая выступает прототипом для фразеологических образов как рождения, так и смерти.

Когнитивно-лингвокультурологическое исследование фразеологизмов на темы рождения и смерти, в основе которых лежит метафора пути

В основе фразеологизмов-эвфемизмов на темы рождения и смерти лежит принцип не прямой номинации, под которым понимается преднамеренно иносказательное обозначение объекта, как правило, реализующееся с помощью метафоры. Ср.: *meet your maker*; *писать к родителям*; *in the family way* и др. Образы, лежащие в основе фразеологизмов-эвфемизмов русскоязычной и англоязычной культур на темы рождения и смерти, отражают культурные особенности народа, которые «прочитываются» в культуре. Роль фразеологизмов в кодировании тех или иных знаний человека обуславливает перевод их исследования в русло когнитивной лингвистики и лингвокультурологии.

Показать метафорическое устройство фразеологизмов-эвфемизмов и объяснить использование тех или иных образов, лежащих в основе кодирования денотата, позволяет анализ в когнитивно-лингвокультурологическом ключе. Обращение к когнитивной структуре фразеологизма-эвфемизма посредством фреймового анализа раскрывает «механизм» его формирования с помощью метафоры и показывает, на основании каких признаков происходит «вуалирование» денотата и осуществляется эвфемизация, а применение лингвокультурологического подхода позволяет указать на причины использования образов, на которых построена метафора, лежащая в основе фразеологизма-эвфемизма. Основание для применения когнитивно-лингвокультурологического подхода к исследованию фразеологизмов даёт их метафорическое «устройство», содержащее культурно-значимую информацию.

Объединяющей для обозначения рождения и смерти в фразеологизмах-эвфемизмах становится метафора пути, путешествия. Важно подчеркнуть, что эта метафора, представленная в общезыковых единицах, онтологизируется в целом ряде диалектных и социально маркированных фразеологизмов. Ср.: рус. *в Москву, в Ригу съездила, с Москвы приехала* – родила ребёнка, *съездить под лавку* – родить девочку, *дитя дороги не найдёт* – о трудных родах; англ. *on the way* – о ещё нерождённом ребёнке, который готовится появиться на свет; *собираться под берёзки, поехать в могилёвскую губернию, отправиться в последний путь; go to the land of the heart's desire, go west* – ‘умереть’ и др. Рассмотрим метафорическое устройство фразеологизмов на тему рождения на примере фразеологизма-эвфемизма *дитя дороги не найдёт*.

Когнитивную структуру «устройства» метафоры составляют: исходная понятийная область-источник; область-приемник; типовой сценарий, который отражает характерные для данной сферы последовательности ситуаций; понятийные компоненты, которые создают основу для уподобления; фреймы как структура представления стереотипных ситуаций, выделенные в них данные о существенном, типичном и возможном для такого представления; типовые слоты, элементы ситуации, конкретизация фрейма [Ковшова, Орлова 2018: 46]. Представление фреймового анализа в таблице наглядно продемонстрирует метафорическую основу фразеологизмов и их конституирующие признаки [см. тж. Орлова 2019].

Таблица № 1

Фреймовый анализ фразеологизма-эвфемизма *дитя дороги не найдёт*

	<i>Дитя дороги не найдёт</i>	=	Трудные роды
	Область-источник	Конституирующие признаки	Область-приемник
Типовые сценарии	Антропная, дорожная, путевая	Антропная	Антропная, физиологическая
	Трудный путь	Трудности	Трудные роды
Фрейм / фрагмент	Путешественник затерялся в пути	Препятствие	Ребёнок рождается с особыми трудностями
Признаки типовых ситуаций:	Путешественник	Человек	Ребёнок
	Путь, дорога	Длительный процесс	Процесс родов
Слоты	Движение путешественника по дороге	Движение	Движение ребёнка
Конкретизация фрейма	Пункт назначения	Цель	Появление на свет
Элементы ситуации	Достижение пункта назначения	Достижение цели	Рождение ребёнка
	Трудности в пути	Трудности	Трудности в родах

Дополним фреймовое описание лингвокультурологическим комментарием, что позволит показать, как формируются знаки с насыщенной культурной коннотацией. Во фразеологизме-эвфемизме *дитя дороги не найдёт* ребёнок в трудных родах уподобляется путешественнику, затерявшемуся в дороге, в пути. Сам процесс родов метафорически обозначается с помощью пути, а осложнения с помощью препятствий, с которыми сталкивается путешественник, идущий по этому пути. Процесс рождения ребёнка в народной культуре «воспринимается как физическое прохождение через препятствия» [Седакова 2009: 358], которые символически преодолеваются различными магическими действиями [там же].

Путь в традиционной культуре служит синонимом судьбы (ср.: *жизненный путь*) [Седакова 2009: 357], а рождение человека представляется «началом его движения по дороге жизни» [там же: 358]. Фразеологизмы, в основе которых лежит метафора пути, как в русском, так и в английском языке употребляются не только при обращении к темам рождения и смерти, но и используются для обозначения позиции человека на его жизненном пути. Ср.: *наставить на путь истинный, встать на правильный путь, пойти по кривой дорожке, way of life, the only way to go, choose a wrong / right way* и др.

Норма правильного жизненного пути определяется прохождением таких этапов, как вступление в брак, появление детей и «своя» смерть в старости [Седакова 2009: 359]. Смерть и погребение связаны с тремя аспектами пути: «конец земного пути, начало нового пути и путь с “этого” света на “тот”» [там же: 359]. На завершающем этапе земного пути, прощаясь с умершим, как правило, употребляют такие фразеологизмы-эвфемизмы, как *отправиться в последний путь*, *проводить в последний путь*.

Схожие эвфемизмы существуют и в англоязычной культуре. Ср.: *go the way of all flesh*, *(see someone to their) final journey*, *(see someone on) their way*. Для примера рассмотрим метафорическое устройство фразеологизма-эвфемизма на тему смерти *go the way of all flesh*. Фреймовое описание представим в таблице, чтобы наглядно показать этапы «монтажа» и «демонтажа» метафоры, лежащей в основе фразеологизма, и его конституирующие признаки.

Таблица № 2

Фреймовый анализ фразеологизма-эвфемизма *go the way of all flesh*

	<i>go the way of all flesh</i> ⁷	=	Умереть
	Область-источник	Конституирующие признаки	Область-приемник
	Дорожная, путевая	X	Физиологическая, духовно-бытийная
Типовые сценарии	Путь человека	Человек, который больше не вернётся	Жизнь и смерть человека
Фрейм / фрагмент	Человек идёт по дороге, проделывает свой путь	Человек, движение	Человек рождается, живёт и умирает
Признаки типовых ситуаций:	Человек	Человек	Человек
	Начало дороги / пути	Начало	Рождение человека
Слоты	Дорога, путь	Пространство	Жизнь человека
Конкретизация фрейма	Движение человека по дороге / в пути	Время	Движение человека по жизни
Элементы ситуации	Конец дороги / пути	Конец	Окончание человеческой жизни, смерть

С помощью лингвокультурологического комментария опишем, каким образом на конституирующие признаки фразеологизма наслаиваются культурные компоненты. Во фразеологизме-эвфемизме *go the way of all flesh* человеческая жизнь уподобляется пути, дороге, которые имеют начало, середину и конец. Начало дороги / пути – рождение человека, середина – основная часть. Конец дороги / пути обозначает окончание жизни и смерть человека. Идея пути в англоязычной и русскоязычной культурах лежит в основе

⁷ *go the way of all flesh* – фразеологизм библейского происхождения (рус. «отправиться в путь всего земного»). Дословный перевод: «пойти по пути всей плоти».

представления о смерти и похоронах. В культуре это находит своё отражение в похоронных ритуалах, которые, по сути, представляют собой проводы умершего человека, а на уровне языка выражается в существовании различных английских, а также русских фразеологизмов. Ср.: *go to Eternal rest, heavenly rest, well-earned rest; gone to glory; put someone out of the way; see someone on their way; ходить кругом могилы; убрать кого-либо с дороги; проводить в последний путь* и др. Выражение *go the way of all flesh* (рус. «отправиться в путь всего земного») возникло в результате неточности при переводе латинского текста Библии, в котором вместо *universae terrae – of all the earth* был использован оборот *universe carnis – of all flesh* [Ammer 2013:186]. *Flesh* – означает плоть, и следовательно, относится к обозначению человека (или животного). То, что существует во плоти, имеет свой конец, умирает, пройдя свой жизненный, земной путь.

Проведённый анализ показывает, что метафорическое «устройство» фразеологизмов на темы рождения и смерти раскрывается с помощью когнитивно-лингвокультурологического исследования. Когнитивный подход выявляет конституирующие признаки фразеологизмов, а лингвокультурологический комментарий объясняет использование тех или иных образов в их создании.

Выводы

Подводя итоги, отметим, что первые фразеологизмы на темы рождения и смерти, вероятно, возникли как эвфемизмы на почве табу. В основе фразеологизмов на темы рождения и смерти, как правило, лежит метафора. Благодаря присущей фразеологизмам семантической неопределённости и их метафорическому характеру, они потенциально могут выступать в качестве эвфемизмов. Фразеологизмы на темы рождения и смерти часто употребляются с эвфемистической целью, так как представляют собой не прямые номинации, использующиеся при затрагивании тем, требующих смягчения и вуалирования, непрямого указания на обозначаемые предметы, явления, события. Фразеологизмы насыщены культурной коннотацией и прочитываются с опорой на знание культуры. Обращение к когнитивной структуре фразеологизма с помощью фреймового анализа раскрывает «механизм» его формирования посредством метафоры и показывает, на основании каких признаков происходит «вуалирование» денотата, а применение лингвокультурологического подхода позволяет указать на причины использования образов, на которых построена метафора, лежащая в основе фразеологизма.

Литература

АСРФ – Академический словарь русской фразеологии / Под ред. А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского. 2-е изд., испр. и доп. М.: ЛЕКСРУС, 2015. 1168 с.

Вильданова Г.А. Эвфемия и принцип вежливости в современном английском языке: гендерный аспект. М.-Берлин: Директ-Медиа, 2015. 162 с.

Кабакова Г.И. Роды // Славянские древности. Этнолингвистический словарь в 5 т. Т. 4. М.: Международные отношения, 2009. С. 450–452.

Ковшова М.Л. Эвфемизмы и фразеологизмы: устойчивые структуры в аспекте эвфемизации // Вестник Московского государственного областного университета, сер. «Русская филология». 2019а. № 4. С. 35–48.

Ковшова М.Л. Словарь собственных имен в русских загадках, пословицах, поговорах и идиомах. М.: ЛЕНАНД. 2019б. 352 с.

Ковшова М.Л., Орлова О.С. Загадки о рождении: опыт когнитивно-лингвокультурологического исследования // Когнитивные исследования языка. 2018. № 35. С.44–51.

Орлова О.С. Когнитивно-лингвокультурологическое исследование эвфемизмов на тему рождения // Когнитивные исследования языка. 2019. № 36. С. 403–413.

Сеничкина Е.П. Эвфемизмы русского языка: спецкурс. М.: Флинта, 2017. 122 с.

Седакова И.А. Путь // Славянские древности. Этнолингвистический словарь в 5 т. Т. 4. М.: Международные отношения, 2009. С. 357–360.

Шукина М.А. Рождение и смерть как элементы экзистенциального опыта личности // Психологический журнал. 2017. т. 38, № 4. С. 41–52.

Ammer, C. (2013). The American Heritage dictionary of idioms. Boston, New York: Houghton Mifflin Harcourt.

Olszynko-Gryn, J. (2014) The demand for pregnancy testing: The Aschheim–Zondek reaction, diagnostic versatility, and laboratory services in 1930s Britain. In: Studies in History and Philosophy of Biological and Biomedical Sciences. № 47. P. 233–247.

The Online Slang Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <http://onlineslangdictionary.com/meaning-definition-of/bat-in-the-cave> (дата обращения: 25.08.2019).

Форум EveryMum [Электронный ресурс]. URL: <https://www.everymum.ie/my-life/relatable/what-are-the-weirdest-terms-for-being-pregnant/> (дата обращения: 25.08.2019).

Форум BabyGaga [Электронный ресурс]. URL: <https://www.babygaga.com/13-weird-and-cheeky-terms-for-pregnancy/> (дата обращения: 25.08.2019).

THE TOPICS OF BIRTH AND DEATH IN RUSSIAN AND ENGLISH PHRASEOLOGICAL UNITS. THE METAPHOR OF WAY

Olga S. Orlova

Junior research scientist, Institute of Linguistics
Russian Academy of Sciences
125009, Moscow, Bolshoy Kislovsky Lane, 1, bld. 1
OrlovaOlgaS@list.ru

The article deals with Russian and English phraseological units related to the topics of birth and death, the connection of phraseological units under review with the notion of taboo, their euphemistic function and metaphorical “structure” which is analyzed from cognitive-linguocultural perspective. The primary goal of the article is to illustrate the conceptualisation of birth and death in phraseological units. The main body of the article contains a frame analysis of Russian and English phraseological units related to the topics of birth and death, which are based on the image of *way*. A formal representation of the frame analysis in a table is used to demonstrate the mechanism of coding of a particular denotation. The significance of the image of *way* for the metaphorical description of the topic of birth and death in Russian-speaking and English-speaking cultures is shown by means of the linguocultural comment. The analysis conducted shows that the cognitive approach enables us to see the constitutive elements of the phraseological units analyzed, whereas the linguocultural approach explains why the image given is used in phraseological units related to the topics of birth and death. The combination of cognitive and linguocultural approaches results in a successful description of the mechanism of the coding of a given denotation in phraseological units under consideration.

Keywords: phraseological unit, idiom, euphemism, taboo, emotions, birth, death, way, metaphor, cognitive-linguocultural research, frame analysis, linguocultural comment

References

ASRF [ADRPPh] – Akademicheskij slovar' russkoj frazeologii [Academic Dictionary of Russian Phraseology] / Pod red. A.N. Baranova i D.O. Dobrovolskogo [editors: A.N. Baranov, D.O. Dobrovolskiy]. 2-e izd., ispr. I dop. [2nd edition, revised and corrected]. Moscow: LEKSRUS, 2015. 1168 s. (In Russian).

Vil'danova G.A. Evfemiya i printsip vezhlivosti v sovremennom anglijskom yazyke: gendernyj aspekt [Euphemism and politeness in modern English: gender aspect]. Moscow, Berlin: Direkt-Media, 2015. 162 s. (In Russian).

Kabakova G.I. Rody [Childbirth] // Slavyanskije drevnosti. Etnolingvisticheskij slovar' v 5 t. T. 4 [Slavic Ancientries. Ethnolinguistic Dictionary in 5 volumes. Vol. 4]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2009. S. 450–452. (In Russian).

Kovshova M.L. Evfemizmy i frazeologizmy: ustojchivye struktury v aspekte ehvfemizatsii [Euphemisms and phraseological units: frozen structures from the standpoint of euphemisation] // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta, ser. «Russkaya filologiya» [Bulletin of the MSRU. Series: Russian philology]. 2019. № 4. S. 35–48. (In Russian).

Kovshova M.L., Orlova O.S. Zagadki o rozhdenii: opyt kognitivno-lingvokul'turologicheskogo issledovaniya [Riddles about Birth: An Experience of Cognitive-Linguocultural Research] // Kognitivnye issledovaniya yazyka [Cognitive Studies of Language]. 2018. no. 35. S.44–51. (In Russian).

Orlova O.S. Kognitivno-lingvokul'turologicheskoe issledovanie ehvfemizmov na temu rozhdeniya [Euphemisms about Birth: Cognitive-Linguoculturological Research] // Kognitivnye issledovaniya yazyka [Cognitive Studies of Language]. 2019. no. 36. S. 403–413. (In Russian).

Senichkina E.P. Evfemizmy russkogo yazyka: spetskurs [Euphemisms in the Russian language: special course]. Moscow: Flinta, 2017. 122 s. (In Russian).

Sedakova I.A. Put' [Way] // Slavyanskije drevnosti. Etnolingvisticheskij slovar' v 5 t. T. 4. [Slavic Ancientries. Ethnolinguistic Dictionary in 5 volumes. Vol. 4]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2009. S. 357–360. (In Russian).

Schukina M.A. Rozhdenie i smert' kak elementy ekzistentsial'nogo opyta lichnosti [Birth and death as elements of person's existential experience] // Psichologicheskij zhurnal [Psychological Journal]. 2017. t. 38, № 4. S. 41–52. (In Russian).

Ammer, C. (2013). The American Heritage dictionary of idioms. Boston, New York: Houghton Mifflin Harcourt.

Olszynko-Gryn, J. (2014). The demand for pregnancy testing: The Aschheim–Zondek reaction, diagnostic versatility, and laboratory services in 1930s Britain. In: Studies in History and Philosophy of Biological and Biomedical Sciences. №. 47. P. 233–247.

The Online Slang Dictionary. [Electronic source]. URL: <http://onlineslangdictionary.com/meaning-definition-of/bat-in-the-cave> (retrieval date: 25.08.2019).

Forum Every Mum [Electronic source]. URL: <https://www.everymum.ie/my-life/relatable/what-are-the-weirdest-terms-for-being-pregnant/> (retrieval date: 25.08.2019).

Forum Baby Gaga. [Electronic source]. URL: <https://www.babygaga.com/13-weird-and-cheeky-terms-for-pregnancy/> (retrieval date: 25.08.2019).

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт языкознания Российской академии наук и
Российский университет дружбы народов
29–30 мая 2020 г. проводят
Международную конференцию «Жизнь языка в культуре и социуме-8».

Основная проблематика

- Языковое и неязыковое сознание: проблемы онтологии и гносеологии
- Онтологические и гносеологические аспекты формирования профессионального образа мира
- Динамика и вариативность языковой картины мира (обыденного языкового сознания) современных носителей русского языка/культуры
- Конфликтотенные элементы современной языковой картины мира
- Психолингвистический анализ медиаконтента в мультимодальном аспекте.
- Детская речь и онтогенетический аспект формирования профанного (обыденного) образа мира
- Речевое общение: проблемы анализа
- Би-, поли-, транслингвизм: теоретический анализ и практика
- Текст, претекст, интертекст, гипертекст: проблемы анализа
- Ценности современной России в психолингвистических исследованиях

Приветствуется организация круглых столов и мастер-классов. Соответствующие заявки принимаются до 1 апреля 2020 года. Круглый стол будет включен в программу конференции при условии участия в нем не менее пяти человек.

Условия участия в конференции

До 1 апреля 2020 г. в оргкомитет необходимо предоставить заявку на участие в конференции (см. форму участника ниже) и материалы для публикации (тезисы) по адресу zhizn-jazyka@yandex.ru;

Убедительная просьба посылать заявку и тезисы двумя отдельными файлами в одном письме (Иванов_заявка, Иванов_тезисы) на два электронных адреса сразу, указав в теме сообщения свою фамилию «Иванов».

Тел. для справок: +7 (495) 690-14-64 (отдел психолингвистики ИЯз РАН).

Сборник материалов планируется издать к началу конференции. Рассылка печатной версии сборника не предусмотрена: заочные участники получают pdf-версию сборника по электронной почте после проведения конференции.

УДК 81'233 / DOI 10.30982/2077-5911-2020-43-1-76-83

ЭТАЛОНЫ СРАВНЕНИЯ И ТОЧКИ ОТСЧЁТА В ОНТОГЕНЕЗЕ¹

Пузанова Юлия Сергеевна

Кандидат филол. наук, руководитель методического отдела,
Российский государственный педагогический университет
имени А.И. Герцена,
191186, Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д.48
j.puzanova@gmail.com

Статья посвящена психолингвистическому исследованию освоения детьми эталонов сравнения и точек отсчёта прилагательных с градуальной семантикой. Исследование отвечает на вопрос, является ли однозначной оценка детьми и взрослыми прилагательных с абсолютной градационной шкалой. Описывается экспериментальное исследование, в котором испытуемым было предложено задание с ограниченным выбором. Анализ результатов, полученных в ходе тестирования, показал, что и дети, и взрослые последовательно определяли каждый объект как *чистый* или *грязный*. Это подтверждает предположение, что для исследуемых прилагательных эталон сравнения является максимально эксплицитно выраженным, а градационная шкала представлена единственной степенью, позволяющей однозначно определить каждый объект.

Ключевые слова: градуальная семантика, категория качества, категория количества, качественные прилагательные, онтогенез речи, экспериментальное исследование

Введение

Формирование лексического значения слова и связей единиц лексикона ребенка обеспечивается развитием сложного речемыслительного механизма. Общеизвестной закономерностью является тот факт, что прилагательные появляются в речи детей позже чем, существительные и глаголы [Цейтлин 1996: 5]. Процесс освоения семантики прилагательных сложнее процесса освоения семантики существительных, но, тем не менее, уже в возрасте около 2-х лет дети начинают использовать некоторые градуируемые прилагательные, а к 3-м годам используют такие градуируемые прилагательные как *большой / маленький, длинный / короткий, высокий / низкий, легкий / тяжелый, пустой / полный и др.* Овладение семантикой слов родного языка ребёнком – это динамический процесс, непосредственно связанный с освоением предметной и языковой действительности.

Достаточно раннее освоение этих единиц объясняется особенностями восприятия и концептуальной обработки воспринятого опыта, немалую роль для которого играет их «эмпиричная» природа — сферой референции таких прилагательных являются объекты реальной действительности, окружающей ребенка. Объекты, характеристики которых ребенок может вычленил в результате предметной деятельности. Значение прилагательного в каждом случае формируется на базе существующих в нашем сознании нормативных представлений о различных классах объектов.

¹ Исследование выполнено на средства гранта РФФИ №18-012-00650А «Семантические категории в грамматическом строе русского языка»

Абсолютно актуальной представляется идея, высказанная С.Д. Кацнельсоном, стремившимся охарактеризовать базисные, универсальные значения, которые совпадают в грамматических классах всех языков: «Базисными для атрибутивных слов являются чувственно воспринимаемые признаки предметов, обладающие относительной устойчивостью, – качественные и количественные признаки» [Кацнельсон 1972: 175]. Выделение базисных признаков атрибутивных слов, предложенное С.Д. Кацнельсоном, соотносится с выделением семантических категорий и функционально-семантических полей качественности и количественности. Данные категории взаимосвязаны и образуют область пересечения, которой является категория градуальности, базирующаяся на выделении в языке градационных отношений, описывающих изменение проявления признака, а именно, его градацию. Это изменение может быть представлено в виде шкалы как системы элементов, принятых для оценки или измерения каких-либо величин. Операции оценки и сравнения являются неразделимыми в прагматическом плане – для того, чтобы определить что-то как чистое, нам необходимо оценить это по параметру чистоты, далее сравнить с эталоном, определив в соответствии с которым положение на шкале, наконец, можно назвать объект чистым.

Эталон сравнения непосредственно связан с типом градационной шкалы, формируемой качественными прилагательными [Kennedy&McNally 2005: 345–381]. Для прилагательных с открытым типом шкалы (например, *большой – маленький*) эталон сравнения «относительный», он зависит от контекста (то есть от класса объектов, к которым относится прилагательное) и находится в середине градационной шкалы. Для прилагательных с полностью или частично закрытым типом градационной шкалы (таких как *чистый – грязный*) эталон сравнения «абсолютный»², и, напротив, не зависит от контекста: прилагательное характеризует либо максимальное проявление качества (*чистый*), либо ненулевое проявление качества (*грязный*), что относит эталон сравнения к конечным точкам градационной шкалы.

Существующие в западной литературе исследования градуируемых прилагательных с относительной градационной шкалой показывают, что англоговорящие дети в возрасте уже 4-х лет способны использовать разные эталоны сравнения для позитивно маркированных и негативно маркированных членов антонимических пар наравне со взрослыми [Barner&Snedeker 2008: 594–608]. Так, авторы провели экспериментальное исследование для пары *высокий / низкий*, предложив участникам 8 неизвестных объектов высотой от 2,5 см до 20,3 см, условно назвав их несуществующим в английском языке словом «rimwit». Испытуемых спрашивали, какие из объектов они назвали бы высокими, а какие – низкими. Результаты показали, что средняя минимальная высота объектов, которые были названы высокими, и средняя максимальная высота объектов, названных короткими, значительно отличалась как в группе детей, так и в группе взрослых.

В похожем исследовании, проведенном с голландскими детьми [Tribushinina 2012: 210–212], участникам предлагали оценить 7 известных объектов, отличающихся по

² Необходимо отметить, что в отечественной литературе в отношении размерных прилагательных встречается несколько иное понимание эталонов: в противоположность обычному для объектов класса «относительному» эталону выделяют эталон антропоцентрический, то есть за «абсолютный» эталон принимается размер человека [Урысон 2006, 715–716]. Поскольку мы рассматриваем более широкий круг прилагательных, для нас актуальным является не антропоцентрический аспект, а «абсолютный» эталон, не нуждающийся в соотношении с классом однородных объектов.

размеру: в одной серии их спросили, какие объекты они считают большими, а в другой – какие объекты они считают маленькими. Результаты показали, что дети в возрасте 4-х лет устанавливают границу между большими и маленькими объектами ровно в середине шкалы, а начиная с 5-ти лет эта граница становится более размытой.

Исследования этапов овладения семантикой слов родного языка ребёнком проливает свет не только на процесс освоения языка ребёнком, но и предоставляет ценные данные для решения вопросов семантической теории. Полученные данные подтверждают, что в случае относительного эталона существует участок градационной шкалы, где объекты не могут быть оценены однозначно – названы большими или маленькими, высокими или низкими. Но существует ли тогда однозначная оценка прилагательных с абсолютным эталоном сравнения?

Наше предыдущее исследование освоения детьми семантики качественных прилагательных было посвящено интерпретации детьми относительных и абсолютных градационных шкал прилагательных (*большой, длинный, грязный, полный*) [Пузанова 2018: 115–125]. Результаты показали, что дети в возрасте 3-х лет уже чувствуют различия подклассов градуируемых прилагательных, дифференцируют относительный и абсолютный эталоны сравнения, а также отличают максимальный и минимальный эталоны. Мы обнаружили, что ответы даже самых младших детей близки к ответам взрослых, а также, что и те, и другие пользуются разными стратегиями при оценке прилагательных с открытыми и закрытыми градационными шкалами.

Настоящее исследование посвящено поиску ответа на вопрос, является ли однозначной оценка детьми и взрослыми прилагательных с абсолютной градационной шкалой. Для однозначной оценки этих прилагательных должна реализовываться стратегия опоры на крайнюю точку шкалы, пары антонимов должны иметь один и тот же стандарт сравнения, а значит все объекты в предлагаемом контексте должны быть отнесены либо к положительному, либо к отрицательному полюсу.

Метод

Испытуемые: в эксперименте приняли участие 22 ребёнка (9 девочек и 13 мальчиков в возрасте от 4;0 до 4;9, медиана 4;5). Все дети посещают группы общеразвивающей направленности в дошкольном образовательном учреждении. В качестве контрольной группы были протестированы 17 взрослых (15 женщин и 2 мужчин) без лингвистического образования.

Процедура: эксперимент проводился в две сессии, между которыми было около 12 дней перерыва, для того чтобы минимизировать влияние стимулов первой сессии на ответы во второй сессии. В первой сессии мы тестировали прилагательное положительного полюса *чистый*, во второй сессии – прилагательное отрицательного полюса *грязный*. Визуальный контекст и порядок предъявления был идентичен в обеих сессиях, что позволило нам напрямую сопоставить результаты стандартов сравнения для положительного и отрицательного члена антонимической пары.

Тест проводился индивидуально с каждым ребёнком в тихом и знакомом помещении детского сада (взрослых тестировали также индивидуально, в помещениях без отвлекающих факторов). Испытуемые сидели рядом с экспериментатором на полу или за большим столом, вмещающим все картинки одновременно.

В начале каждой серии эксперимента испытуемым представляли персонажа (куклу на руку) и говорили, что персонаж хочет поиграть с ребёнком в игру с карточками.

Персонажу и ребенку давали кубик, который они должны были бросать, не показывая друг другу результат броска. Бросок кубика персонажем соответствовал тестовым стимулам, а бросок кубика испытуемым соответствовал заданиям-филлерам. Такая процедура была выбрана для вовлечения детей в игровую ситуацию. На кубиках испытуемых был изображены либо квадрат, либо круг, либо точка красного цвета, либо точка зелёного цвета. Когда наступала очередь испытуемых, они бросали кубики, в то время как экспериментатор раскладывал перед ними картинки. Если на кубике выпал, например, красный цвет, испытуемые должны были попросить персонажа дать им все красные объекты и т.д. Когда наступала очередь персонажа, он бросал кубик и озвучивал испытуемому тестовое задание, и здесь задача испытуемых заключалась в выборе тех объектов, которые, по их мнению, соответствуют запросу персонажа.

Экспериментальный метод: было использовано задание с ограниченным выбором (Ambridge, Ben&Rowland, Caroline 2013, 154–155), в котором испытуемым предлагалось выбрать ответ из нескольких альтернативных стимулов. Объекты предъявлялись в случайном порядке, чтобы предотвратить влияние порядка предъявления на их суждения. В отличие от наших предыдущих экспериментов, испытуемых не просили оценить каждый стимул по отдельности: «Этот XY?» (где Y – объект, а X – стимульное прилагательное, например, «Этот кубик большой?»), а спрашивали сразу о множестве элементов: «Пожалуйста, дай мне XY» (где X – стимульное прилагательное в форме множественного числа, а Y – объект в форме множественного числа, например, «Дай мне, пожалуйста, чистые носочки»). Мы использовали такой вопрос, поскольку предыдущие эксперименты показали, что вопросы к каждому стимулу оказались достаточно утомительными для детей, учитывая, что другие пробы эксперимента включали более 8 объектов.

Были протестированы два абсолютных градуируемых прилагательных: прилагательное *чистый*, предполагающее максимальный абсолютный эталон, и прилагательное *грязный*, предполагающее минимальный абсолютный эталон. Для каждого прилагательного было сделано по две пробы.

Материалами для эксперимента послужили картинки (15*15 см), на каждой из которых был изображен один объект. В каждой из четырёх проб испытуемые видели восемь картинок с носками или с варежками. Качество, называемое прилагательным, было проявлено у объектов в разной степени, то есть от самых грязных к чистым (см. рис. 1).

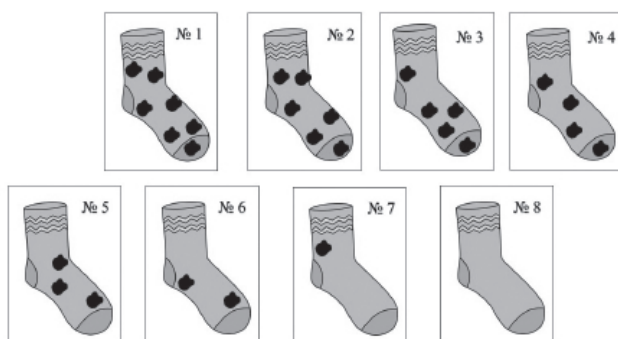

Рис. 1. Пример стимульного материала

Важно отметить, что для прилагательных *чистый* и *грязный* был использован один и тот же визуальный инпут. Это позволило нам исследовать, интерпретируют ли испытуемые положительный и отрицательный члены антонимической пары как полные противоположности. В то же время они могли интерпретировать некоторые объекты как не выражающие ни свойства, называемые положительным антонимом, ни свойства, называемые отрицательным антонимом, то есть охарактеризовать часть объектов ни чистыми, ни грязными.

Поскольку данный эксперимент являлся частью более масштабного исследования и количество проб значительно превышало описанные здесь, в эксперимент было включено восемь заданий-филлеров, задачей которых было разделение проб и увеличение расстояния между одинаковыми визуальными контекстами, чтобы минимизировать влияние первого представления. Каждое задание-филлер представляло собой восемь карточек (15*15 см) с изображением предметов (мячики, кубики, яблоки и книги). В каждом задании-филлере испытуемым предъявлялись объекты из двух категорий, отличающиеся по форме (круглые и квадратные) и по цвету (красные и зелёные). Задания-филлеры соответствовали очереди участников задавать вопрос, похожий на вопрос экспериментатора («Дай мне, пожалуйста, красные мячи»).

Для ознакомления с заданием основному эксперименту предшествовали три пробы, в которых не было прилагательных («Дай мне носочки»). Чтобы познакомить участников с объектами и их названиями, экспериментатор показывал отдельные картинки и просил испытуемого назвать их. Целью пробы было также показать испытуемым, что они могут выбирать столько объектов, сколько они хотят. Выбор только одного объекта засчитывался как адекватный, хотя в вербальном стимуле существительное стояло во множественном числе. Если испытуемые отмечали, что запросу соответствует только один объект, экспериментатор объяснял, что вопрос персонажа звучит одинаково, независимо от числа подходящих объектов. Если испытуемые забывали выбрать нужный объект, экспериментатор указывал на это участнику.

Результаты

Анализ полученных данных основывался на выборе испытуемых, а именно объектах, которые они отнесли к грязным или чистым. Для каждой группы данные были проанализированы с точки зрения процента выбора объектов в двух пробах для каждого прилагательного. Этот анализ позволил определить расположение эталона сравнения на градационной шкале для прилагательных *чистый* и *грязный*. Расширяя предыдущие исследования, мы также проанализировали индивидуальный выбор испытуемых. На индивидуальном уровне стандарт сравнения был закодирован как своеобразная разделительная точка. Для прилагательного *чистый* это был самый грязный из объектов, который был отнесен к чистым (вместе с чистыми объектами); а для прилагательного *грязный* – самый чистый объект из отнесенных к грязным (вместе со всеми более грязными объектами). Например, если испытуемый выбрал картинки № 1, 2, 3, 4, 5, 6 и 7, тогда разделительной точкой является картинка № 7 (см. рис. 1). По тому же принципу для прилагательного *чистый* разделительной точкой градационной шкалы является картинка № 8, на которой нет ни одного пятна.

Путём прямого сравнения разделительных точек для прилагательных положительного и отрицательного полюса мы смогли оценить, воспринимаются ли они детьми как абсолютные противоположности или же существует некоторое количество объектов,

которые не определяются ни тем, ни другим прилагательным. Поскольку статистически значимое отличие между разделительными точками в двух сессиях для каждого прилагательного обнаружено не было, данные обеих сессий были проанализированы вместе.

Всего было проанализировано 44 ответа для каждого прилагательного в группе 4-хлетних детей (2 сессии * 22 участника) и 34 ответа для каждого прилагательного в группе взрослых (2 сессии * 17 участников).

На просьбу показать *чистый* объект все респонденты (дети и взрослые) указывали на объект №8, на котором нет ни одного пятна (см. рис. 1). Эти данные подтверждают, что эталоном сравнения для прилагательного *чистый* и для детей, и для взрослых является максимальная степень проявления признака. Для прилагательного *грязный* анализ данных показал, что каждый объект, на котором было хотя бы одно пятно был определен как грязный. Далее был осуществлен индивидуальный анализ ответов с целью выяснить, относят ли респонденты все объекты к одному из полюсов шкалы или же существуют объекты, которые оказываются не определены. Все ответы взрослых и 86,4% ответов детей не показали отличия между разделительными точками для каждого из прилагательных. Это свидетельствует о том, что и дети, и взрослые последовательно определяли каждый объект как чистый или грязный.

Обсуждение

В соответствии с семантической теорией градуируемые прилагательные могут быть относительными и абсолютными. Эти две группы отличаются расположением эталона на градационной шкале: для абсолютных градуируемых прилагательных эталон находится на крайней точке, а для относительных – в середине шкалы. Кроме того, данные группы отличаются тем, насколько семантика прилагательных зависит от контекста.

Предыдущие исследования освоения детьми семантики градуируемых прилагательных также подтверждали идею о том, что в предикативной позиции относительные градуируемые прилагательные являются неопределенными в семантическом плане, в то время как абсолютные градуируемые прилагательные имеют точное определение. Однако наши предыдущие исследования показали, что интерпретация некоторых абсолютных градуируемых прилагательных (таких как *полный* в значении «не пустой») отличалась от предполагаемой.

Данные, полученные в настоящем исследовании, позволили дополнить и расширить предыдущее исследование градационных шкал прилагательных: результаты показывают, что абсолютные прилагательные с частично закрытой шкалой (*чистый / грязный*) интерпретируются и детьми, и взрослыми как семантически однозначные. В отличие от эталона сравнения относительных градуируемых прилагательных, эталон сравнения абсолютных градуируемых прилагательных является эксплицитно выраженным, а градационная шкала представлена единственной степенью («то, что не является чистым, является грязным»).

Сравнение позитивного и негативного прилагательных подтвердило наше предположение об ориентации на абсолютный эталон сравнения, а также показало, что интерпретация этих прилагательных всегда является определенной: даже для ребёнка четырёх лет *чистый* – это то же самое, что *не грязный*.

Выводы

В семантической теории утверждается, что эталоны сравнения градуируемых прилагательных могут быть абсолютными и относительными, отличия заключаются в расположении эталона на градационной шкале (конечные точки шкалы – для абсолютного эталона и средняя часть шкалы – для относительного), а также чувствительности к контексту. Кроме того, не раз отмечалось, что градуируемые прилагательные с относительным эталоном в отличие от градуируемых прилагательных с абсолютным эталоном являются неоднозначными в предикативной функции. Предыдущие экспериментальные исследования со взрослыми и детьми, посвященные тестированию интерпретации семантики градуируемых прилагательных, частично подтвердили данные теоретические положения.

Данные, полученные в результате нашего исследования онтогенеза речи могут сделать вклад в общее изучение семантики прилагательных. Мы утверждаем, что базовая интерпретация максимального и минимального эталонов градуируемых прилагательных не является в языке однозначной. А принимая во внимание результаты предыдущих исследований разных языков, различия между абсолютными и относительными эталонами градуируемых прилагательных наблюдаются в разных языках.

Литература

- Кацнельсон С.Д.* Типология языка и речевое мышление. Л.: Наука, 1972. 213 с.
- Пузанова Ю.С.* Насколько велик «большой»: к вопросу об освоении детьми градационных шкал качественных прилагательных // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2018. № 189. С. 115–125.
- Сепир Э.* Градуирование: семантическое исследование // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1985. Вып. 16. Лингвистическая прагматика / сост. и вступ. ст. Н. Д. Арутюновой и Е.В. Падучевой; общ. ред. Е. В. Падучевой. С. 43–78.
- Урысон Е.В.* Семантика величины // Языковая картина мира и системная лексикография / отв. ред. Ю.Д. Апресян. М.: Яз. славян. культур, 2006. С. 713–758.
- Цейтлин С.Н.* Язык и ребенок. Лингвистика детской речи: учеб. пособие. М.: Владос, 2000. 240 с.
- Ambridge, B., & Rowland, C. F.* (2013). Experimental methods in studying child language acquisition. *Wiley Interdisciplinary Reviews: Cognitive Science*, 4(2), p.149–168.
- Barner, D., & Snedeker, J.* (2008). Compositionality and Statistics in Adjective Acquisition: 4-Year-Olds Interpret Tall and Short Based on the Size Distributions of Novel Noun Referents. *Child Development*, 79(3), p. 594–608.
- Kennedy, C., & McNally, L.* (2005). Scale Structure, Degree Modification, and the Semantics of Gradable Predicates. *Language*, 81(2), p. 345–381.
- Tribushinina, E.* (2012). Adjective Semantics, World Knowledge and Visual Context: Comprehension of Size Terms by 2- to 7-Year-Old Dutch-Speaking Children. *Journal of Psycholinguistic Research*, 42(3), p. 205–225.

ACQUISITION OF COMPARISON STANDARDS AND REFERENCE POINTS

Julia S. Puzanova

Head of the Methodology Department
Private Educational Organization “AVENIR”
194356, St. Petersburg, ul. Koryakova, 18, lit. A
j.puzanova@gmail.com

The article is devoted to a psycholinguistic study on how children do acquire standards of comparison and reference points of adjectives with degree semantics. The study answers the question about ambiguousness of the assessment of adjectives with an absolute graduation scale by children and adults. An experimental study using a task with a limited choice is described. An analysis of the results obtained during the testing showed that both children and adults sequentially determined each object as clean or dirty. This confirms the assumption that at least for the studied adjectives the comparison standard is most explicitly expressed, and the gradation scale is represented by a single degree, which makes it possible to uniquely identify each object.

Keywords: degree semantics, quality semantics, quantity semantics, qualitative adjectives, language acquisition, experimental research

References

- Katsnel'son S.D.* Tipologiyay azyka i rechevoye myshleniye [Typology of language and verbal thinking]. L.: Nauka, 1972. 213 s. (In Russian).
- Puzanova Y.S.* Naskol'ko velik «bol'shoy»: k voprosu ob osvoyenii det'mi gradatsionnykh shkal kachestvennykh prilagatel'nykh [How big is “big”: on the question of mastering graduation scales of high-quality adjectives by children] // *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena* [Herzen State Pedagogical University Bulletin]. 2018. № 189. S. 115–125. (In Russian).
- Sepir E.* Graduivaniye: semanticheskoye issledovaniye [Gradation: Semantic Research] // *Novoye v zarubezhnoy lingvistike* [New in the Foreign Linguistics]. M., 1985. Vyp. 16. *Lingvisticheskaya pragmatika* [Linguistic pragmatics] / sost. i vstup. st. N.D. Arutyunovoyi Ye.V. Paduchevoy; obshch. red. Ye.V. Paduchevoy. S. 43–78. (In Russian).
- Uryson Ye.V.* Semantika velichiny [Semantics of Size] // *Yazykovaya kartina mira i sistemnaya leksikografiya* [Linguistic picture of the world and systemic lexicography] / otv. red. YU. D. Apresyan. M.: YAz. slavyan. kul'tur, 2006. S. 713–758. (In Russian).
- Tseytlin S.N.* Yazyk i rebenok. Lingvistika detskoy rechi: ucheb. posobiye [Language and a Child. Linguistics of children's speech: tutorial]. M.: Vldos, 2000. 240 s. (In Russian).
- Ambridge, B., & Rowland, C.F.* (2013). Experimental methods in studying child language acquisition. *Wiley Interdisciplinary Reviews: Cognitive Science*, 4(2), p. 149–168.
- Barner, D., & Snedeker, J.* (2008). Compositionality and Statistics in Adjective Acquisition: 4-Year-Olds Interpret Tall and Short Based on the Size Distributions of Novel Noun Referents. *Child Development*, 79(3), p. 594–608.
- Kennedy, C., & McNally, L.* (2005). Scale Structure, Degree Modification, and the Semantics of Gradable Predicates. *Language*, 81(2), p. 345–381.
- Tribushinina, E.* (2012). Adjective Semantics, World Knowledge and Visual Context: Comprehension of Size Terms by 2- to 7-Year-Old Dutch-Speaking Children. *Journal of Psycholinguistic Research*, 42(3), p. 205–225.

УДК 159.922 / DOI 10.30982/2077-5911-2020-43-1-84-97

**ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ КОНЦЕПТОВ
«ОПАСНОСТЬ» И «БЕЗОПАСНОСТЬ» В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ
СТУДЕНТОВ**

Тылец Валерий Геннадьевич

доктор психологических наук, профессор,
заведующий международной кафедрой «Ватель-РМАТ»
Российской международной академии туризма,
105613, Россия, г. Москва, Измайловское шоссе, 71/4, стр.5;
профессор кафедры психологии и педагогической антропологии
Московского государственного лингвистического университета,
119034, Россия, г. Москва, ул. Остоженка 38
tyletsvalery@yandex.ru

Краснянская Татьяна Максимовна

доктор психологических наук, профессор кафедры социальной и
этнической психологии Московского гуманитарного университета,
111395, Россия, г. Москва, ул. Юности, 5
ktm8@yandex.ru

В статье представлены результаты изучения концептов «опасность» и «безопасность» в языковом сознании студентов. Методами исследования выступили ассоциативный эксперимент, психолингвистическое моделирование, метод непараметрической статистики угловое преобразование Фишера. Эмпирическая выборка составлена из студентов (19 до 22 лет, n=100). Целью исследования выступило выявление состава фрагмента языкового сознания студенческой молодёжи, образованного концептами «опасность» и «безопасность», и психолингвистическое моделирование этих концептов. Исследование выстраивалось на основе гипотезы, в соответствии с которой опасность и безопасность как категории, находящиеся в смысловой оппозиции, обладают сходной структурой в языковом сознании студентов. По итогам исследования было подтверждено, что стимулы **опасность** и **безопасность** обладают схожей структурой ассоциативного поля. Структура ассоциативного поля стимула **опасность**: источник опасности; переживание опасности; идентификатор опасности; последствия опасности; действия в опасности. Структура ассоциативного поля стимула **безопасность**: источник безопасности; переживание безопасности; идентификатор безопасности; качества, способствующие безопасности. Первые реакции и весь массив реакций на стимулы **опасность** и **безопасность** имеют идентичную структуру ассоциативного поля. На всём массиве реакций установлена размытость центра ассоциативного поля и усложнение его структуры за счёт оформления смысловых групп реакций и их дифференциации. Ассоциативное поле стимула **опасность**, по сравнению с ассоциативным полем стимула **безопасность**, характеризуется доминированием смысловой группы источников опасности и подчинением смысловой группы её переживания. В языковом сознании студентов нетипичные позитивные реакции в ответ на стимул **опасность** преобладают над нетипичными негативными реакциями на стимул **безопасность**.

Ключевые слова: опасность, безопасность, реакция, стимул, ассоциативное поле, ассоциация, студент, языковое сознание, концепт, ассоциативный эксперимент

Введение

Исследования, посвящённые особенностям языкового сознания, образуют одно из приоритетных направлений психолингвистики. Значимость данного исследования определяется недостаточностью научных представлений об оформленности в сознании человека базовых для его жизнедеятельности конструктов, что препятствует обоснованному их использованию в предметно ориентированных разработках и адекватному оперированию ими на практике.

Активные трансформации социальной действительности первых десятилетий XXI века неуклонно преобразуют реальность внутреннего мира человека. Особенно это характерно для сознания студенческой молодёжи, находящейся «на стыке» реалий детства и взрослости. Построение ею активности в принципиально новой для предшествующего поколения информационной, коммуникативной, культурной, эстетической и этической среде неизбежно приводит к выработке новых ценностных концептов применительно к самым разным аспектам жизнедеятельности. Вполне предсказуемым может быть изменение содержания базовых для человека концептов, в частности, таких как «вера» [Хомуленко, Кузнецов 2019], «семья» [Бутова 2015], «свобода» [Бубнова, Казаченко 2018].

В состав базовых для человека могут быть включены концепты «опасность» и «безопасность». Являясь смысловым выражением полярных для его выживания реальностей, концепты «опасность» и «безопасность» интегрируют собой объективированную нейтральность событий внешнего и субъективированную избирательность внутреннего мира человека. При этом они характеризуются относительностью, дифференцированностью и динамичностью [Краснянская, Тылец 2016]. Вместе с тем, данные категории неизменно сохраняют свою приоритетность для человека, что иллюстрируется утвердившимся в психологической науке признанием безопасности базовым элементом его потребностной сферы. Сложность и высокая практическая востребованность концептов «опасность» и «безопасность» определяет интерес к уточнению их представленности в языковом сознании современной студенческой молодёжи.

Концепт «безопасность» уже изучался, в том числе с использованием ассоциативного эксперимента и метода семантического дифференциала [Пирмагомедова 2011; Синельникова 2010; Борисова 2019]. Однако, при этом не выявлялась структура его ассоциативного поля, не проводилось сопоставление с содержанием концепта «опасность».

Цель исследования: на экспериментальной основе выявить состав фрагмента языкового сознания студенческой молодёжи, образованного концептами «опасность» и «безопасность», и осуществить психолингвистическое моделирование этих концептов.

Объектом исследования выступили ценностные концепты «опасность» и «безопасность» в языковом сознании студенческой молодёжи.

Предметом исследования явилось содержание концептов «опасность» и «безопасность» как основа лингвистического моделирования ценностных представлений студенческой молодёжи об окружающем мире.

Исследование выстраивалось на основе *гипотезы* о том, что опасность и безопасность как категории, находящиеся в смысловой оппозиции, обладают сходной структурой в языковом сознании студентов.

Материалы и методы исследования

Основным методом представленного исследования выступил ассоциативный эксперимент. В качестве испытуемых выступили студенты Московского государственного лингвистического университета, Российской международной академии туризма и Московского гуманитарного университета в возрасте от 19 до 22 лет численностью 100 человек. Эксперимент проводился в ноябре 2019 года.

В качестве стимулов ассоциативного эксперимента выступили слова «опасность» и «безопасность». Испытуемым предлагалось составить перечень того, что «первым пришло в голову» при озвучивании каждого из стимулов. Испытуемые на ограничивались временем фиксации своих реакций, но, как оказалось, никому не потребовалось свыше 10 минут для каждого стимула. Отказов не было.

При анализе структуры ассоциативного поля (АП) реакций на стимулы использовались подходы, в соответствии с которыми ассоциации с частотой более 10% относились к центру поля; с частотой 4–10% – к зоне поля его ближней периферии; с частотой менее 4% до 2% – к зоне дальней периферии; с частотой менее 2% – к крайней периферии поля [Стернин, Рудакова 2011].

В работе также использован метод моделирования ассоциативного поля. Для сопоставления процентного распределения данных привлекался метод непараметрической статистики критерий ϕ^* – угловое преобразование Фишера.

Результаты исследования

Рассмотрим *первые ассоциативные реакции* испытуемых.

В результате ассоциативного эксперимента в отношении стимула **опасность** был получен ряд первых ассоциаций, в центр АП которого вошла реакция *страх* (21) с частотой 21,0%. Ближняя периферия АП (43,0% – здесь и далее, суммарная частота) рассматриваемого стимула включила реакции с частотой не более 10,0%: *высота; пожар, огонь* (8); *угроза* (7); *болезнь; знак ограничения; тревога; ужас* (5). Дальняя периферия АП (27,0%) образована реакциями с частотой менее 4,0%: *авария автомобильная; война; риск* (3); *боль; животное дикое; катастрофа; кровь; неизвестность; паника; смерть; терроризм; цвет красный* (2). Крайняя периферия АП (9,0%) образована реакциями с частотой менее 2,0%: *дорога; крик; лес; переход; поезд; полиция; предательство; президент; преступник* (1).

По итогам ассоциативного эксперимента на стимул **безопасность** был получен ряд первых реакций, центр АП которых образовали реакции *дом* (31) и *семья* (12) с суммарной частотой 43,0%. В ближнюю периферию АП (30,0%) вошли: *спокойствие* (10); *тепло* (6); *защищенность; уют* (5); *любовь* (4). Дальняя периферия АП (19,0%): *уверенность* (3); *доверие; защитник; надежность; осторожность; плед; поддержка; покой; цвет зеленый* (2). Крайняя периферия АП (8,0%): *безопасность жизнедеятельности; контроль; мысли; подвох; подушка; ремень; спасательный круг; спасение* (1).

Обратимся к рассмотрению *всего массива ассоциативных реакций* на стимулы **опасность** и **безопасность**, полученных по выборке студентов.

Анализ структуры АП всего массива, полученного по итогам ассоциативного эксперимента на стимул **опасность** (n=802), показал отсутствие единичных реакций с частотой более 10,0%, способных образовать его центр. В ближнюю периферию АП (суммарно 14,8% всех частот) рассматриваемого стимула поэлементно, с частотой не

более 10,0%, входят: *страх* (48); *риск* (37); *смерть* (34). Дальняя периферия его АП (15,5%) состоит из элементов с частотой не более 10,0%: *высота* (26); *огонь* (23); *крик* (21); *пожар, пожарная тревога* (19); *угроза* (18); *болезнь, болезненность* (17). В состав крайней периферии АП (69,7 %) стимула поэлементно, с собственной частотой менее 2,0%, вошли: *боль* (15); *война* (14); *оружие* (14); *бег, побег, бегство, бежать, избегать* (13); *автокатастрофа, ДТП* (12); *знак, знак «осторожно, опасно», знак ограничения* (11); *катастрофа* (11); *кровь* (10); *наркотики* (10); *паника* (10); *самолёт, крушение самолёта* (10); *цвет красный* (10); *стресс* (9); *темнота* (9); *тревога* (9); *убийство, убийца* (9); *чрезвычайное положение, ситуация* (9); *взрыв* (8); *дрожь* (8); *животное дикое, зверь* (8); *лес* (7); *маньяк* (7); *машина* (7); *наводнение* (7); *неизвестность* (7); *нож* (7); *ночь* (7); *падение, падать* (6); *полиция* (6); *преступление, преступность* (6); *сердцебиение* (6); *собака* (6); *терроризм, террорист* (6); *ужас* (6); *хищник* (6); *человек* (6); *агрессия* (5); *бомбардировка* (5); *гибель* (5); *клетка* (5); *машина скорой помощи* (5); *мысль, поток мысли* (5); *нападение* (5); *несчастный случай* (5); *осторожность* (5); *погоня, преследование* (5); *вода* (4); *дорога* (4); *змея* (4); *конфликт* (4); *корабль, кораблекрушение* (4); *море* (4); *мужчина* (4); *насилие* (4); *непредсказуемость* (4); *одиночество* (4); *заражение* (3); *кошмар* (3); *острота, острый* (3); *перелом* (3); *подворотня* (3); *поезд* (3); *предательство* (3); *прыжок* (3); *спасение* (3); *стройка* (3); *ступор* (3); *травма* (3); *адреналин* (2); *алкоголь* (2); *бандит* (2); *бесконтрольность* (2); *беспорядок* (2); *волнение* (2); *жестокость* (2); *защищаться* (2); *избегать* (2); *обрыв* (2); *тигр* (2); *шум* (2); *акула* (1); *бездна* (1); *безмятежность* (1); *безрассудство* (1); *бессилие* (1); *бункер* (1); *буря* (1); *быстрее* (1); *ветка* (1); *военные* (1); *воздух* (1); *воровство* (1); *вспышка* (1); *выстрел* (1); *газ* (1); *горы* (1); *дверь* (1); *депрессия* (1); *дерзость* (1); *дикость* (1); *железная дорога* (1); *забвение* (1); *зима* (1); *избавление* (1); *инвалидность* (1); *инстинкт* (1); *истерика* (1); *карта таро «Шут»*(1); *каскадёр* (1); *кирпич* (1); *курение* (1); *лавиνα* (1); *лёд* (1); *лень* (1); *ложь* (1); *ломать* (1); *лязг* (1); *мама* (1); *мандарин* (1); *молния* (1); *море открытое* (1); *нежелание* (1); *неизбежность* (1); *непривычность* (1); *нервные импульсы* (1); *нестабильность* (1); *общество* (1); *открытость* (1); *охота* (1); *оцепенение* (1); *ощущение* (1); *переход* (1); *писк* (1); *повреждение* (1); *полет* (1); *политика* (1); *помощь* (1); *порыв* (1); *потеря любимого* (1); *президент* (1); *преступник* (1); *природа* (1); *проблема* (1); *происшествие* (1); *пропасть* (1); *прятаться* (1); *пустыня* (1); *пути в метро* (1); *расставание* (1); *растерянность* (1); *реанимация* (1); *рельсы* (1); *самоконтроля потеря* (1); *светофор* (1); *сила* (1); *сирота* (1); *скорость* (1); *слепота* (1); *сложность* (1); *ссора* (1); *стекло* (1); *стон* (1); *страна* (1); *стратегия* (1); *суицид* (1); *тайна* (1); *температура высокая/низкая* (1); *тень* (1); *травля* (1); *транспорт* (1); *трусость* (1); *удар* (1); *ураган* (1); *ущелье* (1); *цифра 0* (1); *штурм* (1); *экзамен* (1); *электричество* (1); *SOS* (1).

Анализ структуры АП, полученного по массиву всех реакций на стимул **безопасность** (n=736), также установил отсутствие отдельных элементов с собственной частотой более 10,0%, помещающей их в его центр. В зону ближней периферии его АП (суммарно 23,6% всех частот) поэлементно с частотой не более 10,0% вошли: *дом* (61); *семья* (43); *спокойствие, спокойное дыхание, душевное спокойствие* (38); *тепло* (32). Зона дальней периферии АП (17,5%) рассматриваемого стимула содержит: *защита* (29); *любовь* (28); *уверенность* (22); *друзья, плечо друга* (19); *объятия* (16); *поддержка* (15). Зона крайней периферии АП стимула **безопасность** (58,8%) включает элементы с частотами не более 2,0%: *свет* (14); *сон* (12); *комфорт* (11); *внимательность*,

внимание (10); квартира (10); родители (10); стабильность (10); комната (9); опора (9); охрана (9); плед (9); покой (8); доверие (8); мир (8); надёжность (8); укрытие (8); цвет белый (8); бронезилет, броня, жилет (7); осторожность (7); правила (7); стены, толстые стены, белые стены (7); тишина (7); цвет зелёный (7); близкие (6); верность (6); замок (6); защищённость (6); помощь (6); расслабленность, расслабление (6); страховка, медицинский полис (6); умиротворение, умиротворённость (6); уют (5); дерево (5); еда (5); забота (5); любимый человек (5); бдительность (4); внимание (4); сейф (4); собака, сторожевой пёс (4); спасатель (4); дверь (3); дело любимое (3); луга просторные (3); осведомлённость (3); полумрак (3); прививка (3); саморазвитие (3); сила (3); щит (3); безопасность жизнедеятельности, меры безопасности (2); доброта (2); дружба (2); душа (2); защитник (2); контроль (2); крепость (2); машина скорой помощи (2); мечты (2); мягкость (2); самообладание (2); самооборона (2); скука (2); счастье (2); адреналина отсутствие (1); братья (1); вертолёт (1); весна (1); вода (1); волнения отсутствие (1); вторая половинка (1); вязаное (1); гармония (1); глаза закрытые (1); день (1); желание (1); жизнь (1); закон (1); замкнутость (1); знамение (1); знания (1); изоляция (1); камин (1); карта Таро «Император» (1); ключ (1); контрацептивы (1); кровать (1); лежать (1); лес (1); маска (1); машина (1); место безлюдное (1); музыка (1); мультики (1); мысли (1); навык (1); надежда (1); нахождение рядом с мамой (1); небо (1); непонимание (1); несвобода (1); обещание (1); обладание (1); огонь (1); одеяло (1); одиночество (1); океан (1); оружие (1); папа (1); патрон (1); пена (1); переживания отсутствие (1); подвох (1); подготовка (1); подушка (1); поезд (1); помещение (1); поцелуи (1); принятие (1); псевдо (1); работа (1); равнодушие (1); ремень (1); руки (1); рядом (1); самоуверенность (1); семейные вечера (1); сказки (1); смерть (1); современность (1); сохранение (1); спасательный круг (1); спасение (1); стресс (1); стул (1); туфли мягкие (1); угол (1); удовлетворённость (1); улица (1); улыбка (1); уход (1); хижина (1); цвет небесно-голубой (1); цветы (1); цифра 2 (1); чай (1); человек (1); честность (1); шапка (1); юмор (1).

Обсуждение

Изучение *первых реакций* позволило выявить наиболее сильные элементы языкового сознания студентов в связи с концептами «опасность» и «безопасность».

Согласно результатам анализа полученного распределения, в центр АП *первых реакций* стимула **опасность** попал единичный элемент *страх* (21).

Дополнительный материал для интерпретации получаем объединением отдельных реакций в группы реакций, близких по смыслу.

В центр АП стимула **опасность** в этом случае может быть помещена группа реакций, характеризующих ИСТОЧНИК ОПАСНОСТИ (50): *высота* (8); *пожар, огонь* (8); *угроза жизни, здоровью* (7); *болезнь* (5); *авария автомобильная* (3); *война* (3); *животное дикое* (2); *неизвестность* (2); *смерть* (2); *терроризм* (2); *катастрофа* (2); *дорога* (1); *лес* (1); *переход* (1); *поезд* (1); *предательство* (1); *преступник* (1). Давая ½ (50%) всех реакций АП рассматриваемого стимула, данная группа позволяет предполагать, что для осмысления опасности испытуемым важным является идентификация её объекта, источника. Значительная часть выделенных ассоциаций (19) относится к группе опасностей природного характера – *высота* (8); *пожар, огонь* (8); *животное дикое* (2); *лес* (1) (в сумме 19%). Группа абстрактных источников опасности (18) включает: *угроза жизни, здоровью* (7); *болезнь* (5); *неизвестность* (2); *смерть* (2);

катастрофа (2) (в сумме 18%). Социальные источники опасности образовали группу с несколько меньшим объёмом ассоциаций (13): *авария автомобильная* (3); *война* (3); *терроризм* (2); *дорога* (1); *переход* (1); *поезд* (1); *предательство* (1); *преступник* (1) (в сумме 13%).

Значительную часть АП стимула **опасность** образовала группа реакций, обозначающих субъективное переживание испытуемыми соответствующего явления или события (38): *страх* (21); *тревога* (5); *ужас* (5); *риск* (3); *боль* (2); *паника* (2). Данная группа характеризует то, КАКИМ ОБРАЗОМ опасность ПЕРЕЖИВАЕТСЯ субъектом, и представлена всем диапазоном возможных эмоциональных состояний. Значительный удельный вес частоты реакций данной группы (в сумме 38%) указывает на высокую субъективную значимость для студентов оценки опасности по внутренним критериям. Утверждение подкрепляется образованием центра АП единичной реакцией *страх*, описывающей субъективное переживание определённых нежелательных обстоятельств.

Среди ассоциаций рассматриваемого стимула, содержится группа ИДЕНТИФИКАТОРОВ ОПАСНОСТИ (8): *знак ограничения* (5); *цвет красный* (2); *крик* (1). С суммарной частотой 8% она входит в зону ближней периферии АП стимула **опасность**.

Стимул вызвал также реакции, относящиеся к превенции опасности (2): *полиция* (1); *президент* (1).

Анализ структуры первых реакций АП на стимул **безопасность** показывает, что кроме единичных реакций *дом* (31), *семья* (12), в его центр может быть отнесена группа близких по смыслу реакций, характеризующих ИСТОЧНИК БЕЗОПАСНОСТИ (28): *тепло* (6); *уют* (5); *любовь* (4); *защитник* (2); *плед* (2); *поддержка* (2); *цвет зелёный* (2); *безопасность жизнедеятельности* (1); *подушка* (1); *ремень* (1); *спасательный круг* (1); *спасение* (1). Суммарная частота 71% указывает на преобладание данной предметной группы среди первых реакций студентов. Среди реакций, характеризующих источники безопасности, значительна группа, соответствующая реалиям частной жизни человека (57): *дом* (31), *семья* (12), *тепло* (6); *уют* (5); *плед* (2); *подушка* (1). Набирая в сумме 57%, они входят в центр АП стимула, указывая на значительную вероятность своего присутствия в осознании студентами безопасности.

Среди первых реакций на стимул **безопасность** значительна группа, характеризующая то, КАКИМ ОБРАЗОМ безопасность ПЕРЕЖИВАЕТСЯ субъектом (38): *спокойствие* (10); *защищённость* (5); *уют* (5); *любовь* (4); *уверенность* (3); *доверие* (2); *надёжность* (2); *осторожность* (2); *покой* (2); *контроль* (1); *мысли* (1); *подвох* (1). Набирая в сумме 38% от общей частоты, группа попадает в центр АП стимула **безопасность**, позволяя предполагать, что в языковом сознании студентов безопасность может переживаться через подобные категории. Среди ассоциаций, соответствующих субъективному переживанию безопасности, преобладают описания состояний, в значительной степени предполагающих статичность, инертность её субъекта (29%): *спокойствие* (10); *защищённость* (5); *уют* (5); *уверенность* (3); *доверие* (2); *надёжность* (2); *покой* (2). Среди первых реакций на стимул **безопасность** такого рода обнаружилась группа реакций, выражающих недоверие к соответствующему состоянию (4): *осторожность* (2); *контроль* (1); *подвох* (1). Попадание группы в зону ближней периферии (4%) свидетельствует о неоднозначности отношения испытуемых к безопасности.

Малочисленной (2%) оказалась группа реакций, которые могут относиться к ИДЕНТИФИКАТОРУ безопасности: *цвет зелёный* (2).

Содержательное сопоставление двух групп ассоциаций показало, что центр АП двух стимулов различается по своей природе: центр стимула **опасность** представлен субъективной (страх), стимула **безопасность** – объективными (дом, семья) категориями. Предположительно, для концепта «опасность» доминирующим является эмоциональное, для концепта «безопасность» – рациональное начало. При этом, в структуре двух концептов явно выделяются группы, характеризующие источник и характер переживания ими субъектами. Вероятно, идентификация данных признаков является для языкового сознания студентов определяющей как для концепта «опасность», так и для концепта «безопасность». Значительный удельный вес в АП двух рассмотренных стимулов ассоциаций оценок и эмоций, с нашей точки зрения, отражает их оценочную природу. Малочисленными для обоих стимулов оказались реакции, их идентифицирующие. Отметим также, что первые реакции на оба рассматриваемых стимула обнаружили ожидаемую с точки зрения социальной практики оппозицию реакций-цветов: красный цвет ассоциируется с опасностью, а зелёный цвет – с безопасностью.

Изучение *всего массива реакций* на стимулы **опасность** и **безопасность** позволяет произвести наиболее полную реконструкцию АП языкового сознания студентов в соответствующих сферах.

Анализ распределения всех ассоциаций на стимул **опасность** (n=802) выявил попадание в центр АП стимула нескольких групп близких по смыслу ассоциаций.

Установлено очевидное доминирование группы, относящейся к описанию ИСТОЧНИКА ОПАСНОСТИ (61,8%). По сравнению с первыми реакциями, рассмотрение всех реакций привело не только к наращению объёмов ассоциаций данной группы, но и её дальнейшей смысловой (по предмету) дифференциацией.

При отсутствии отдельных реакций, частота которых помешала бы их в центр АП стимула **опасность**, в него попадают группы близких по смыслу реакций. В центр АП данного стимула входит группа реакций с суммарной частотой 23,4%, характеризующих СОЦИАЛЬНЫЕ ИСТОЧНИКИ опасности (188): *война* (14); *оружие* (14); *бег, побег, бегство, бежать, избегать* (13); *автокатастрофа, ДТП* (12); *наркотики* (10); *самолет, крушение самолета* (10); *убийство, убийца* (9); *взрыв* (8); *машина* (7); *нож* (7); *преступление, преступность* (6); *терроризм, террорист* (6); *бомбардировка* (5); *клетка* (5); *нападение* (5); *погоня, преследование* (5); *дорога* (4); *конфликт* (4); *корабль, кораблекрушение* (4); *насилие* (4); *подворотня* (3); *поезд* (3); *предательство* (3); *стройка* (3); *алкоголь* (2); *бункер* (1); *воровство* (1); *вспышка* (1); *выстрел* (1); *дверь* (1); *железная дорога* (1); *кирпич* (1); *курение* (1); *охота* (1); *переход* (1); *полет* (1); *политика* (1); *пути в метро* (1); *рельсы* (1); *ссора* (1); *стекло* (1); *страна* (1); *травля* (1); *транспорт* (1); *цифра 0* (1); *экзамен* (1); *электричество* (1).

В центр АП стимула **опасность** вошла также группа реакций с суммарной частотой 11,6%, характеризующих ПРИРОДНЫЕ ИСТОЧНИКИ опасности (93): *огонь* (23); *пожар, пожарная тревога* (19); *лес* (7); *наводнение* (7); *ночь* (7); *вода* (4); *море* (4); *обрыв* (2); *бездна* (1); *буря* (1); *ветка* (1); *воздух* (1); *газ* (1); *горы* (1); *зима* (1); *лавины* (1); *лед* (1); *мандарин* (1); *молния* (1); *море открытое* (1); *природа* (1); *пропасть* (1); *пустыня* (1); *температура высокая/низкая* (1); *тень* (1); *ураган* (1); *ущелье* (1); *шторм* (1).

В зону дальней периферии попали ещё две группы реакций, предметно характеризующих источники опасности (с суммарной частотой, соответственно, 3,4% и 3,1%). Группа реакций, содержащая обозначение ЖИВОТНЫХ КАК ИСТОЧНИКОВ ОПАС-

НОСТИ (27): *животное дикое, зверь* (8); *собака* (6); *хищник* (6); *змея* (4); *тигр* (2); *акула* (1). Реакции, содержащие обозначение ЛЮДЕЙ КАК ИСТОЧНИКОВ ОПАСНОСТИ (25): *человек* (6); *маньяк* (7); *мужчина* (4); *бандит* (2); *военные* (1); *каскадёр* (1); *мама* (1); *общество* (1); *преступник* (1); *сирота* (1).

В центр АП рассматриваемого стимула вошла также группа реакций (20,3%), содержащих ПРИЗНАКИ ИСТОЧНИКА опасности (163): *риск* (37); *высота* (26); *угроза* (18); *катастрофа* (11); *темнота* (9); *чрезвычайное положение, ситуация* (9); *неизвестность* (7); *агрессия* (5); *несчастный случай* (5); *непредсказуемость* (4); *одиночество* (4); *кошмар* (3); *острота, острый* (3); *бесконтрольность* (2); *беспорядок* (2); *жестокость* (2); *безрассудство* (1); *дикость* (1); *забвение* (1); *ложь* (1); *нежелание* (1); *неизбежность* (1); *непривычность* (1); *нестабильность* (1); *открытость* (1); *скорость* (1); *слепота* (1); *сложность* (1); *тайна* (1); *проблема* (1); *происшествие* (1); *сила* (1); *удар* (1).

Среди всех реакций в структуре АП стимула **опасность** значительной оказалась группа, обозначающая то, КАК ПЕРЕЖИВАЕТСЯ ОПАСНОСТЬ (122): *страх* (48); *паника* (10); *стресс* (9); *тревога* (9); *дрожь* (8); *сердцебиение* (6); *ужас* (6); *осторожность* (5); *ступор* (3); *адреналин* (2); *волнение* (2); *безмятежность* (1); *бессилие* (1); *депрессия* (1); *дерзость* (1); *инстинкт* (1); *истерика* (1); *лень* (1); *нервные импульсы* (1); *оцепенение* (1); *ощущение* (1); *порыв* (1); *растерянность* (1); *самоконтроля потеря* (1); *трусость* (1). Набирая в сумме 15,2% всех реакций, данная группа также попадает в центр АП стимула **опасность**, но, по сравнению с первой группой, с меньшей численностью. Обращает на себя внимание появление в данной группе, наряду с негативными (101, 12,6%), реакций, лишенных однозначно негативной оценки: *сердцебиение, осторожность, волнение, безмятежность, дерзость, инстинкт, нервные импульсы, ощущение, порыв* (21, 2,6%). В своей сумме данная группа соответствует 2,6% АП, попадая в зону его дальней периферии, однако обозначает неоднозначность реакций-эмоций на стимул **опасность**.

Набирая 5 % общей частоты, в зону ближней периферии АП стимула **опасность** вошла группа ИДЕНТИФИКАТОРОВ ОПАСНОСТИ (40): *знак, «осторожно, опасно», ограничения* (11); *кровь* (10); *цвет красный* (10); *мысль, поток мысли* (5); *шум* (2); *карта таро «Шут»* (1); *лязг* (1); *писк* (1); *светофор* (1); *стон* (1); *SOS* (1).

В массиве всех реакций на стимул **опасность** выделились новые, ранее не выявляемые, группы реакций.

В центр АП стимула **опасность** попадает группа реакций (11,5%), обозначающих ПОСЛЕДСТВИЯ опасности (92): *боль* (15); *смерть* (34); *болезнь, болезненность* (17); *падение, падать* (6); *гибель* (5); *заражение* (3); *перелом* (3); *спасение* (3); *травма* (3); *избавление* (1); *инвалидность* (1); *повреждение* (1); *расставание* (1); *суицид* (1). Среди них реакции позитивного исхода (*спасение, избавление*) представлены единично.

В зоне крайней периферии АП рассматриваемого стимула выделилась группа реакций (1%), характеризующих ДЕЙСТВИЯ в ситуации опасности (8): *прыжок* (3); *защищаться* (2); *ломать* (1); *пропасть* (1); *прятаться* (1).

Таким образом, по сравнению с первыми реакциями, весь массив реакций на стимул **опасность** обнаруживает исчезновение очевидных элементов центра его АП, что, вероятно, свидетельствует о достаточной уникальности представления исходного концепта в языковом сознании студентов. Рассмотрение всех этих реакций позволяет констатировать усложнение структуры АП заданного стимула, что проявилось в вы-

делении нескольких групп реакций, попадающих по своему объёму в его центр: антропогенные источники опасности, общие признаки источника опасности, природные источники опасности, характер переживания опасности и последствия опасности. Относясь ко всем этапам восприятия опасности, они характеризуют свою значимость в структуре языкового сознания. Отметим также обнаружившуюся на материале всех реакций дальнейшую дифференциацию структуры АП стимула **опасность**: в зоне ближайшей периферии АП сохранилась группа реакций-идентификаторов опасности; в зоне дальней периферии расположились группы реакций, относящихся к обозначению животных и людей как источников опасности; в зону крайней периферии попала группа реакций, обозначающих действия в опасности. Вероятно, данной структурой представлена значимость деталей опасности в языковом сознании студентов. Отметим также произошедшее в массиве всех реакций на стимул **опасность** возрастание удельного веса реакций-источников и падение удельного веса реакций оценок и эмоций, что может указывать на то, что приращение субъектом ассоциаций на рассматриваемый стимул осуществляется посредством актуализации возможных инициаторов его появления за счёт игнорирования углубления оценочных процедур.

Анализ всех реакций на стимул **безопасность** (n=736) показал отсутствие элементов, автономно попадающих в центр его АП, что, как и в случае со стимулом **опасность**, указывает на множественность представленности соответствующего явления в языковом сознании студентов. Как и ранее, по сравнению с массивом первых реакций, произошло усложнение структуры АП стимула по смысловым группам, которые обнаружили внутреннюю дифференциацию.

Группа реакций, обозначающих ИСТОЧНИКИ БЕЗОПАСНОСТИ (суммарная частота 55,6%), образует подгруппы неспецифических и специфических источников безопасности, каждая из которых входит в центр АП стимула **безопасность** (соответственно, 36,3% и 19,3%).

Группа НЕСПЕЦИФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ БЕЗОПАСНОСТИ (267): *дом* (61); *семья* (43); *друзья, плечо друга* (19); *объятия* (16); *сон* (12); *квартира* (10); *родители* (10); *комната* (9); *плед* (9); *стены, толстые стены, белые стены* (7); *близкие* (6); *дерево* (5); *еда* (5); *любимый человек* (5); *дело любимое* (3); *луга просторные* (3); *дружба* (2); *душа* (2); *мечты* (2); *братья* (1); *весна* (1); *вода* (1); *вторая половинка* (1); *вязаное* (1); *глаза закрытые* (1); *желание* (1); *жизнь* (1); *камин* (1); *кровать* (1); *лежать* (1); *лес* (1); *машина* (1); *место безлюдное* (1); *мультки* (1); *мысли* (1); *нахождение рядом с мамой* (1); *небо* (1); *одеяло* (1); *океан* (1); *папа* (1); *пена* (1); *подушка* (1); *поезд* (1); *помещение* (1); *поцелуи* (1); *псевдо* (1); *работа* (1); *руки* (1); *рядом* (1); *семейные вечера* (1); *сказки* (1); *стул* (1); *туфли мягкие* (1); *угол* (1); *улица* (1); *уход* (1); *хижина* (1); *цифра 2* (1); *чай* (1); *человек* (1); *шапка* (1). Как и в случае первых реакций, значительная часть реакций данной группы относится к категориям дома и семьи, некоторые выходят за рамки данной смысловой группы. Однако, объединяющим для них является отсутствие узкой направленности на цели безопасности.

Такую направленность имеет группа реакций, обозначенная как СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ БЕЗОПАСНОСТИ (142): *защита* (29); *поддержка* (15); *опора* (9); *охрана* (9); *укрытие* (8); *бронезилет, броня, жилет* (7); *правила* (7); *замок* (6); *помощь* (6); *страховка, медицинский полис* (6); *сейф* (4); *собака, сторожевой пес* (4); *спасатель* (4); *дверь* (3); *прививка* (3); *щит* (3); *безопасность жизнедеятельности, меры безопасности* (2); *защитник* (2); *крепость* (2); *машина скорой помощи* (2); *вер-*

толёт (1); *закон* (1); *ключ* (1); *контрацептивы* (1); *маска* (1); *оружие* (1); *патрон* (1); *ремень* (1); *сохранение* (1); *спасательный круг* (1); *спасение* (1). Несмотря на смысловые оттенки, все вошедшие в рассматриваемую группу реакции в той или иной степени характеризуют реальности, причастные к решению задач безопасности.

В центр АП стимула **безопасность** попадает группа (суммарная частота 29,6%), характеризующая то, КАК ПЕРЕЖИВАЕТСЯ БЕЗОПАСНОСТЬ (218). Она подразделяется на реакции позитивного и негативного переживания безопасности (соответственно 28,3% и 1,4%). В группу ПОЗИТИВНОГО ПЕРЕЖИВАНИЯ безопасности вошли (208): *спокойствие*, *спокойное дыхание*, *душевное спокойствие* (38); *тепло* (32); *любовь* (28); *уверенность* (22); *комфорт* (11); *стабильность* (10); *покой* (8); *доверие* (8); *мир* (8); *надёжность* (8); *защищённость* (6); *расслабленность*, *расслабление* (6); *умиротворение*, *умиротворённость* (6); *забота* (5); *доброта* (2); *счастье* (2); *адреналина отсутствие* (1); *волнения отсутствие* (1); *гармония* (1); *надежда* (1); *обещание* (1); *переживания отсутствие* (1); *принятие* (1); *удовлетворённость* (1). Группа НЕГАТИВНОГО ПЕРЕЖИВАНИЯ безопасности (10): *скука* (2); *замкнутость* (1); *изоляция* (1); *непонимание* (1); *несвобода* (1); *одиночество* (1); *подвох* (1); *равнодушие* (1); *самоуверенность* (1); *смерть* (1); *стресс* (1). Рассмотрение всего массива реакций на стимул **безопасность** сделало более визуальным неоднозначность представленности эмоционального переживания безопасности в языковом сознании студентов.

В зоне ближней периферии стимула обнаружилось группы, ранее не выделяющиеся по первым реакциям на него. Группа (7,2%), характеризующая КАЧЕСТВА, СПОСОБСТВУЮЩИЕ БЕЗОПАСНОСТИ, включила (53): *внимательность*, *внимание* (10); *осторожность* (7); *верность* (6); *защищённость* (6); *бдительность* (4); *осведомлённость* (3); *саморазвитие* (3); *сила* (3); *контроль* (2); *самообладание* (2); *самооборона* (2); *знания* (1); *навык* (1); *обладание* (1); *подготовка* (1); *честность* (1). Группа реакций (6,5%), содержащая ИДЕНТИФИКАТОРЫ безопасности, составлена (48) из следующих ассоциаций: *свет* (14); *цвет белый* (8); *тишина* (7); *цвет зелёный* (7); *уют* (5); *полумрак* (3); *мягкость* (2); *день* (1); *карта Таро «Император»* (1); *музыка* (1); *огонь* (1); *современность* (1); *цвет небесно-голубой* (1); *цветы* (1); *улыбка* (1); *юмор* (1).

Как и в отношении стимула **опасность**, рассмотрение всего массива реакций на стимул **безопасность** обнаруживает исчезновение элементов, непосредственно попадающих в центр его АП, а также дальнейшее усложнение и дифференциацию структуры распределения групп его ассоциаций. Как и по стимулу **опасность**, в структуре АП стимула **безопасность** обнаружилось две основные смысловые группы реакций – группа источников и оценок безопасности. Доминирующая группа реакций, характеризующих источники безопасности, подразделяется на группы специфических и неспецифических источников безопасности, а группа реакций, характеризующих переживание безопасности, – на группы реакций позитивного и негативного переживания соответствующего стимула. Группа реакций оценок и переживаний безопасности оказалась более весомой, чем соответствующая группа реакций на стимул **опасность**. Можно предположить, что в языковом сознании студентов эмоциональная сторона стимула **безопасность** имеет больший удельный вес, чем стимула **опасность**.

Частота позитивных реакций на стимул **опасность** оказалась выше частоты негативных реакций на стимул **безопасность**. Выявленная особенность может указывать на тенденцию более позитивной оценки опасности среди студентов, чем негативной – безопасности.

Сопоставление методом Фишера процентного распределения групп, обозначающих источники опасности и безопасности (соответственно, 61,8% и 55,6%), на поле всех реакций, вызванных стимулами **опасность** и **безопасность**, дало $\varphi^*_{\text{эмп}} = 1,65$, при $\varphi^*_{0,05} = 1,64$ и $\varphi^*_{0,01} = 2,31$. Попадание $\varphi^*_{\text{эмп}}$ в зону неопределенности позволяет принять в качестве тенденции ($p \leq 0,05$) гипотезу о статистически значимых различиях в распределении соответствующих групп реакций в АП языкового сознания студентов.

Сопоставление методом Фишера процентного распределения групп, обозначающих переживание опасности и безопасности (соответственно, 15,2% и 29,6%), на поле всех реакций, вызванных стимулами **опасность** и **безопасность**, дало $\varphi^*_{\text{эмп}} = 2,475$, при $\varphi^*_{0,01} = 2,31$. Попадание $\varphi^*_{\text{эмп}}$ в зону определенности позволяет принять в качестве статистически достоверного утверждения ($p \leq 0,01$) гипотезу о различиях в распределении соответствующих групп реакций в АП языкового сознания студентов.

Выводы

Проведённое на основе ассоциативного эксперимента исследование позволило осуществить реконструкцию содержания и структуры ассоциативного поля языкового сознания студентов, связанного со стимулами **опасность** и **безопасность**.

На основе полученных результатов сделаем следующие выводы:

1. Находящиеся в смысловой оппозиции стимулы **опасность** и **безопасность** в языковом сознании студентов обладают схожей структурой своего АП. Вне зависимости от стимула, в нём обнаруживаются реакции, характеризующие источник, переживания и идентификаторы.

2. Первые реакции и весь массив реакций на стимулы **опасность** и **безопасность**, в целом, имеют идентичную структуру АП. Рассмотрение всего массива реакций на данные стимулы выявляет размытость центра АП и усложнение его структуры за счёт оформления смысловых групп реакций и их дифференциации.

Структура АП стимула **опасность**: источник опасности (социальный, природный, животные, люди, признак); переживание опасности (негативное, нейтральное); идентификаторы опасности; последствия опасности; действия в опасности.

Структура АП стимула **безопасность**: источник безопасности (специфические, неспецифические); переживание безопасности (позитивное, негативное); идентификаторы безопасности; качества, способствующие безопасности.

3. АП стимула **опасность**, по сравнению с АП стимула **безопасность**, характеризуется доминированием смысловой группы источников опасности и подчинением смысловой группы её переживания.

4. В языковом сознании студентов нетипичные позитивные реакции в ответ на стимул **опасность** преобладают над нетипичными негативными реакциями на стимул **безопасность**.

Исследование может быть продолжено на материале ассоциативного эксперимента в отношении предметно конкретизированных стимулов **опасности** и **безопасности**, а также использования рецептивного эксперимента (психосемантического дифференциала).

Литература

Борисова М.К. Анализ терминов компьютерной безопасности во французском языке // Университетские чтения – 2019. Материалы научно-методических чтений ПГУ. Пятигорск: Изд-во Пятигорского гос. ун-та, 2019. С. 98–102.

Бубнова И.А., Казаченко О.В. Динамика смыслового содержания значения слова свобода // Психолінгвістика. Переяслав-Хмельницький. 2018. № 23(2). С. 11–24.

Бутакова Л.О. Концепт семья в языковом сознании школьников: региональное исследование // Психолінгвістика. 2015. № 18 (1). С. 15–26.

Краснянская Т.М., Тылец В.Г. Время опасности и безопасности в субъектном опыте студентов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Акмеология образования. Психология развития. 2016. Т. 5. № 3. С. 231–236. DOI: 10.18500/2304-9790-2016-5-3-231-236

Пирмагомедова Э.А. Развитие у подростков представлений о безопасности жизнедеятельности: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. Сочи, 2011. 25 с.

Синельникова О.П. Развитие представлений о безопасности жизнедеятельности у старших школьников: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. Пятигорск, 2010. 21 с.

Стернин И.А., Рудакова А.В. Психолингвистическое значение и его описание. Теоретические проблемы. LAP Lambert Academic Publishing» Saarbrücken, 2011. 192 с.

Хомуленко Т.Б., Кузнецов А.И. Психолингвистическое значение концепта «вера» // Психолінгвістика. Переяслав-Хмельницький. 2019. № 25(1). С. 338–362.

PSYCHOLINGUISTIC MEANING OF THE CONCEPTS «DANGER» AND «SAFETY» IN THE LANGUAGE CONSCIOUSNESS OF STUDENTS

Valery G. Tylets

doctor of psychological sciences, professor, head of the international department «Vatel-RMAT» of Russian international academy of tourism, 71/4, bld.5, Izmailovskoe road, 105613, Moscow, Russia;
professor of the department of psychology and pedagogical anthropology of Moscow state linguistic university, 38, Ostozhenka str., 119034, Moscow, Russia
tyletsvalery@yandex.ru

Tatyana M. Krasnianskaya

doctor of psychological sciences, professor of the department of social and ethnic psychology of Moscow university for the humanities, 5, Yunosti str., 111395, Moscow, Russia
ktm8@yandex.ru

The article presents the results of studying the concepts of «danger» and «safety» in the language consciousness of students. The research methods were associative experience, psycholinguistic modelling, nonparametric statistics method, Fisher's angular transformation. The empirical sample is made up of students (19 to 22 years old, n=100). The aim of the study was to identify the composition of the fragment of language consciousness

of students formed by the concepts of «danger» and «safety», and psycholinguistic modelling of these concepts. The study was based on the hypothesis that danger and safety as categories in semantic opposition have a similar structure in the language consciousness of students. According to the results of the study, it was confirmed that the danger and safety incentives have a similar structure of the associative field. The structure of the associative field of the stimulus danger: the source of danger; the experience of danger; the identifier of danger; the consequences of danger; actions in danger. The structure of the associative field of the security stimulus: a source of security; security experience; security identifier; qualities that contribute to security. The first reactions and the entire array of responses to the danger and safety stimuli have an identical structure of the associative field. The blurring of the centre of the associative field and the complexity of its structure due to the design of semantic groups of reactions and their differentiation are established on the entire array of reactions. The associative field of stimulus danger, in comparison with the associative field of stimulus security, is characterized by the dominance of the meaningful sources of danger and subjugation semantic group her experiences. In the language consciousness of students, atypical positive responses to the danger stimulus prevail over atypical negative responses to the safety stimulus.

Keywords: danger, safety, reaction, stimulus, associative field, association, student, language consciousness, concept, associative experience

References

Borisova M.K. Analiz terminov komp'yuternoj bezopasnosti vo francuzskom yazyke [Analysis of computer security terms in French]. Universitetskie chteniya – 2019. Materialy nauchno-metodicheskikh chtenij PGU [University of reading-2019. Materials of scientific and methodological readings of PGU]. Pyatigorsk: Izd-vo Pyatigorskogo gos. un-ta, 2019. S. 98–102. (In Russian).

Bubnova I.A., Kazachenko O.V. Dinamika smyslovogo sodержaniya znacheniya slovasvoboda [Dynamics of the semantic content of the meaning of the word freedom]. Психолінгвістика [Psycholinguistics], 2018, №. 23(2). S. 11–24. (In Russian).

Butakova L.O. Konceptsem'ya v yazykovom soznanii shkol'nikov: regional'noe issledovanie [The concept of family in the language consciousness of school children: a regional study]. Psiholingvistika [Psycholinguistics], Pereiaslav-Khmelnitskiy, 2015, no. 18 (1). S. 15–26. (In Russian).

Krasnyanskaya T.M., Tylec V.G. Vremya opasnosti i bezopasnosti v sub'ektnom opyte studentov [Time of danger and safety in the subject experience of student]. Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Akmeologiya obrazovaniya. Psihologiya razvitiya [News of Saratov University. New series. Acmeology of education. Developmental psychology]. 2016, vol. 5, no. 3. S. 231–236. DOI: 10.18500/2304-9790-2016-5-3-231-236. (In Russian).

Pirmagomedova E.A. Razvitie u podrostkov predstavlenij o bezopasnosti zhiznedeyatel'nosti: avtoref. diss. ... kand. psihol. nauk [Development of ideas about life safety in adolescents: Abstract of the dissertation for the degree of candidate of psychological Sciences]. Sochi, 2011. 25 s. (In Russian).

Sinel'nikova O.P. Razvitie predstavlenij o bezopasnosti zhiznedeyatel'nosti u starshih shkol'nikov: avtoref. diss. ... kand. psihol. Nauk [The development of ideas about safety of

life at older students: Abstract of the dissertation for the degree of candidate of psychological Sciences]. Pyatigorsk, 2010. 21 s. (In Russian).

Sternin I.A., Rudakova A.V. Psiholingvisticheskoe znachenie i ego opisanie. Teoreticheskie problemy [Psycholinguistic meaning and its description. Theoretical problem]. LAP Lambert Academic Publishing» Saarbrücken, 2011. 192 s. (In Russian).

Homulenko T.B., Kuznecov A.I. Psiholingvisticheskoe znachenie koncepta «vera» [Psycholinguistic meaning of the concept «faith»]. Psiholingvistika [Psycholinguistics], Pereiaslav-Khmelnytskyi, 2019, №. 25(1). S. 338–362. (In Russian).

УДК 811.512.156 / DOI 10.30982/2077-5911-2020-43-1-98-109

**ОТРАЖЕНИЕ ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ
В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ ТУВИНЦЕВ
(ПО ДАННЫМ АССОЦИАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА)**

Цыбенова Чечек Сергеевна

научный сотрудник, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии
Сибирского отделения РАН
670047, Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, д.6
tschechek@mail.ru

Статья посвящена вопросам трансформации системы этнокультурных ценностей, которые исследуются через призму образов языкового сознания. На основе материалов ассоциативного эксперимента, проведенного с носителями тувинского языка, анализируются слова, отражающие кочевой уклад жизни тувинцев: *отара*, *юрта*, *конь*. Ассоциативные значения указанных слов рассматриваются в сопоставлении с традиционными культурными представлениями тувинского народа, анализируются новые, приобретенные смыслы, представленные в образе мира современного носителя тувинской лингвокультуры. В результате проведенного анализа выявлено, что в ассоциативном поле таких слов, как *юрта* и *конь*, появляются и закрепляются новые ассоциативные значения, которые свидетельствуют об изменениях в традиционном миропонимании тувинцев. При этом анализ показывает, что ассоциативные значения обновляются не у всех лексических единиц. В центральной зоне слова *отара* отмечено наибольшее количество нулевых реакций, которые говорят об отходе тувинцев от традиционных видов хозяйствования. Поэтому некоторые слова, связанные со старым укладом жизни, практически неизвестны современному носителю языка, наблюдается их «лексическая дефункционализация». Актуализация несвойственных ассоциативных образов говорит об изменении в языковой ментальности тувинцев, о формировании новых национально-культурных стереотипов. Исследование динамики значения слова является актуальным для прогнозирования развития национальных культур и современного общества в целом.

Ключевые слова: ценности, трансформация ценностей, языковая ментальность, языковое сознание, тувинцы, тувинский язык

Введение

В настоящее время ценности, их трансформация и динамика активно исследуются на основе теоретических подходов современной лингвистики. В частности, наиболее конструктивно они изучаются в рамках лингвокультурологии, лингвистической аксиологии, этнолингвистики, психолингвистики. Поскольку система ценностей представляет собой многоаспектное явление, в рамках лингвистических концепций наблюдается несколько направлений их исследования. При этом основным средством анализа и интерпретации выступает язык как материал для постижения и понимания ценностной картины мира того или иного этноса.

Так, в лингвокультурологическом и этнолингвистическом русле содержание картины мира анализируются посредством совокупности различных концептов: семья,

родина, любовь, дружба и др. В психолингвистике ценности изучаются в зеркале языкового сознания. Образы языкового сознания, полученные с помощью ассоциативного эксперимента, рассматриваются в сопоставлении двух или нескольких культур, в разрезе поколений одного этноса и т.п. Например, Г.А. Дырхеева изучает образы языкового сознания бурят билингвов с конца 80-х – начала 90-х гг. XX в. Собранный ею материал позволяет проводить сравнительные исследования, отслеживать изменения в уровне стереотипности реакций, выявлять силу влияния национального языкового кода и т.д. [Дашинамаева, Дырхеева, Жалсанова, Хилханова 2010: 98-116].

Внутриэтнические диахронические сопоставления традиционных этноспецифических ценностей на примере казахского языка отражены в работах казахстанских исследователей Н.В. Дмитриук [Дмитриук 1978, Дмитриук, Молдалиева и др. 2014, Артыкбаева 2016, Дмитриук 2017]. На материале, полученном в разные периоды, казахские исследователи изучают ядро языкового сознания этноса. Данный анализ позволяет им выявить иерархию базовых ценностей, их трансформацию, проследить изменения как в стратегиях ассоциирования, так и в ментальном климате респондентов [Дмитриук, Черкасова, Артыкбаева 2016, 134-135].

Необходимо выделить, что исследования специфики языкового сознания, ценностных предпочтений этноса на примере малых национальных языков России только развиваются. В настоящей работе на материале ассоциативного эксперимента дана попытка рассмотреть специфику образов языкового сознания современных тувинцев по отношению к таким ключевым составляющим традиционной тувинской культуры, как *отара, юрта, конь*.

Методика исследования

В статье использованы данные ассоциативного эксперимента, проведенного нами с носителями тувинского языка в рамках комплексного социопсихолингвистического исследования языковой ситуации в Республике Тыва [Цыбенова 2013б]. Эксперимент был включен в качестве одного из заданий в лингвистическую часть опросника, состоявший из двух частей: социолингвистической (24 вопроса) и лингвистической (3 вопроса). Вторая часть состояла из следующих заданий: *«Переведите, пожалуйста, следующие словосочетания на тувинский язык»*, *«Напишите, пожалуйста, какие ассоциации вызывают у Вас следующие слова»*, *«Допишите недостающую пару приведенных слов так, чтобы получились слова с единым значением»*. Следует отметить, что в указанном исследовании он носил сопутствующий характер, и прежде всего был направлен на получение общих представлений о языковой картине мира, о языковом сознании тувинцев, верифицировал объективное знание тувинского и русского языков респондентами.

В исследовании эксперимент состоял из 51 слова, представленных в качестве стимулов. В список стимулов были включены знаменательные слова разных частей речи: имена существительные, прилагательные, числительные, глагол. В свою очередь, лексические единицы относились к различным лексико-семантическим группам: цветообозначения, стороны света, животные, числа, объекты природы, родной очаг, абстрактные явления, человек, виды деятельности, сакральные объекты, традиционные занятия. Исходя из общей цели комплексного исследования, было обработано по 100 анкет на тувинском и русском языках независимо от половозрастных и социальных характеристик испытуемых (всего – 200 анкет). В итоге по всему массиву получено 3664 разных реакций, из них на русском – 2154, на тувинском – 1510.

Массовый ассоциативный эксперимент на основе выработанного списка слов-стимулов на тувинском материале пока не проводился, ассоциативный словарь тувинского языка на сегодняшний день отсутствует. Поэтому полученные в ходе нашего исследования данные представляют собой первый опыт получения и интерпретации материалов на примере тувинского языка. Некоторые результаты, отражающие особенности содержания и структуры языкового сознания тувинцев-билингвов опубликованы в ряде наших статей [Цыбенова 2012, Цыбенова 2013а].

При обработке и моделировании материала для данной работы мы исходили из структуры ассоциативного поля, которая, как правило, имеет иерархически организованный характер, и выделили следующие зоны: центр поля, его ближняя и дальняя периферии. В центральную зону были включены наиболее частотные реакции, к ближней периферии отнесены менее частотные реакции, и соответственно, единичные реакции составили дальнюю периферийную зону. Таким образом, ассоциативное поле представлено в виде таблицы, разделенной на три части. В приведенных таблицах за каждой реакцией в круглых скобках указана ее частотность, межъязыковые реакции выделены полужирным курсивом.

Обсуждение

Современная Тува как часть древней кочевой цивилизации до сих пор сохраняет некоторые ее традиции, обычаи и ритуалы. Как известно, в кочевом обществе главенствующую роль всегда занимала семья, крепкие и близкие родственные отношения, связь с соплеменниками. Исследования этносоциологов подтверждают, что семья, в том числе забота о детях и родственные отношения как базовые ценности у тувинцев пока еще сохраняются [Резников, Товуу 2002: 47]. На стабильность выявленных ценностей, их межпоколенную преемственность и главенствующую роль, в том числе у молодежи, указывают и результаты новых исследований [Монгуш 2014: 83].

Между тем система ценностей представляет собой динамический процесс и в кризисные периоды истории этноса она может претерпевать различные социальные трансформации. Для тувинского общества подобного рода трансформацией стала кардинальная перемена жизненного уклада тувинцев, а именно – переход основной части населения на оседлость в советский период. На это указывают и исследователи, изучающие историю Тувы, ее социально-экономическое и политическое развитие. Они пишут, что революционное изменение образа жизни тувинцев нарушило культурно-историческую преемственность поколений [Харунова 2011: 115], привело к уничтожению культурных и религиозных ценностей, за короткий срок тувинцы не успели поменять свои социокультурные установки и адаптироваться к современным экономическим реалиям [Дабиев, Дабиева 2015: 54].

В этой связи отмечаются и противоречивые стороны: тувинская культура во многом оставаясь коллективистской, в то же время стремится оторваться от традиций. У молодежи наблюдается низкая значимость собственной культуры, нежелание следовать традициям и нормам своего народа [Марюхина, Уланова, Фрокол 2013: 39-40]. В ценностном мировоззрении наметилась переориентация на западные жизненные ориентиры: направленность на учебу и получение высшего образования, материальное благосостояние и карьерный рост [Семенова 2009: 139-140].

Смена уклада жизни, изменение окружающей социальной действительности несомненно влияют и на ценностную картину мира этноса, что влечет трансформацию

традиционного миропонимания и языковой ментальности. Поэтому в рамках обозначенной темы рассматриваются ассоциативные поля, связанные со скотоводством, отражающие кочевой образ жизни тувинцев, в частности, полученные на стимулы *аът* ‘конь’, *сүрүг* ‘отара’, *өг* ‘юрта’ на тувинском языке. Предварительный концептуально-семантический анализ наиболее частотных (центральных) и единичных (периферийных) реакций показывает, что данные слова-стимулы современными тувинцами актуализуются несколько иначе.

Так, стимул *сүрүг* ‘отара’ вызвал некоторые затруднения среди респондентов, многие из которых не знали или забыли его лексическое значение. Показательным для данного ассоциативного поля является наличие наибольшего количества нулевых реакций, которые зафиксированы в центральной зоне (табл. 1).

Таблица №1

Ассоциативное поле *сүрүг* ‘отара’

<i>сүрүг</i> ‘отара’ (25)	
1	<i>мал/мал-маган</i> ‘скот’ (51); 0 (16)
2	<i>чылгы</i> ‘табун’ (5); <i>сүрер</i> ‘гнать, перегонять на другое место’, <i>хой/хойлар</i> ‘овца/овцы’ (3); <i>дезер</i> ‘убегать, сбегать’, <i>аът/аъттар</i> ‘лошадь/лошади’, <i>мөзү-шынар/бүдүш</i> ‘характер, нрав’ (2)
3	<i>Доржу</i> ‘имя собств. Доржу’; <i>бедик</i> ‘высокий’; <i>тайга</i> ‘тайга’; <i>cheder</i> ‘дойти, достигать’; <i>херээ чок</i> ‘не нужно’; <i>сыыртаар</i> зд. <i>сывыртаар</i> ‘гонять, гнать’; <i>ак сеткил</i> ‘добрая душа’; <i>chedip alyr</i> ‘достигнуть’; <i>ферма</i> ; <i>семис</i> ‘толстый, жирный’; <i>көжжер</i> ‘переезжать, перекочевывать’; <i>чүдүлге</i> ‘религия, вера’; <i>кижи сүрер</i> ‘гнать человеку, кому-либо’; <i>үези</i> ‘время’.

Отметим, что реакции-отказы в проведенном исследовании в основном были выявлены в тувинском массиве. Например, множество единичных реакций подобного типа отмечены в ассоциативных полях на стимулы, связанные с абстрактными именами существительными (*хосталга* ‘свобода’, *чүдүлге* ‘религия’, *хүндүткел* ‘уважение’, *чуртталга* ‘жизнь’, *үе* ‘время’, *биче сеткил* ‘милосердие’) и на концепты традиционной тувинской культуры (*чылгы* ‘табун’, *аът* ‘конь’, *өг* ‘юрта’, *сүрүг* ‘отара’, *эът* ‘мясо’, *хөөмей* ‘горловое пение’).

В указанном ассоциативном поле выделяются следующие группы реакций: реакции-номинации (*мал/мал-маган* ‘скот’, *чылгы* ‘табун’, *хой/хойлар* ‘овца/овцы’, *аът/аъттар* ‘лошадь/лошади’) и реакции-действия (*сүрер* ‘гнать, перегонять на др. место’, *дезер* ‘убегать, сбегать’, *cheder* ‘дойти, достигать’, *сыыртаар* зд. *сывыртаар* ‘гонять, гнать’, *chedip alyr* ‘достигнуть’, *көжжер* ‘переезжать, перекочевывать’, *кижи сүрер* ‘гнать человеку, кому-либо’). Если реакции-номинации (слова-реакции, обозначающие, предметы, конкретные и абстрактные понятия, животных) являются частотными, то основная часть функциональных реакций (реакций-действий), обозначающих деятельность или процесс и ассоциируемых со словом-стимулом, единичны. Отсюда можно предположить, что с указанными видами деятельности кочевого скотоводства знакома лишь некоторая часть респондентов.

Относительно реакций-номинаций отметим, что в эксперименте актуализовано и другое лексическое значение слова-стимула *сүрүг*, не только ‘отара’, но и общие значения ‘скот’, ‘количество/множественность скота’: *сүрүг* ‘отара’ → *аът/аъттар* ‘лошадь/лошади’, *чылгы* ‘табун’. Сюда же можно отнести ассоциативную пару с предидущей

кативным отношением *сүүрүг* 'отара' → *үези* 'время-gen' (gen. – genitive/родительный падеж), которую следует интерпретировать дословно как 'время гона животных'. Ассоциативная связь в данном примере вербализована на основе другой леммы: от глагола *сүрер* 'гнать, перегонять', который также имеет значение 'поведение и состояние животных в брачный период'.

Возникшие в указанных случаях ассоциативные пары определяются нами как неопределенные или немотивированные реакции, когда ответы основаны на приблизительном или же ином представлении о значении предъявленного стимула и других контекстах его употребления. Кроме того, среди единичных реакций в рассматриваемом поле выделяется реакция с негативной оценкой *херээ чок* 'не нужно'.

При обработке ассоциативных полей учитывается и количественный параметр, а именно уровень стереотипности реакций. Его можно вычислить по формуле: $R=N/\Sigma$, где N – число разных реакций, а Σ – общее количество реакций на данное слово-стимул. Считается, что чем меньше значение R , тем выше уровень стереотипности реакций на данное слово [Уфимцева 1983: 151]. Так, у стимула *сүүрүг* 'отара' он равен 0,25. Можно предположить, что меньший коэффициент (0,25) говорит о слабой динамике изменения языкового сознания, о его стабильности, о типичности и стандартности данного образа для носителей тувинского языка.

Вместе с тем, рассматривая уровень стереотипности, следует указать, что он может интерпретироваться по-разному. Так, считается, что ассоциативные связи между стимулом и реакцией могут носить двойственный характер. По мнению И.Г. Овчинниковой, стереотипные ассоциации отражают сформированный автоматизм установления связи, они не требуют от индивида решения интеллектуальной задачи, т.к. благодаря прошлому опыту у него выработался автоматизм: решение всплывает «само» без участия сознания. Поэтому они могут рассматриваться как в качестве критерия сформированности определенной деятельности, так и в качестве показателя инерционности мышления [Овчинникова 2002: 17].

Вполне вероятно, что на уровень стереотипности реакций влияет и уровень языковой компетенции. Чем компетентнее респонденты во владении языком проведения эксперимента, тем больше у них одинаковых, совпадающих типовых реакций. В нашем случае, согласно социолингвистической части анкеты, уровень языковой компетенции респондентов во владении тувинским (родным) языком равняется 97% [Цыбенова 2013б]. Можно допустить, что значение индекса стереотипности будет невысоким, из-за высокой степени сформированности речепроизводительной деятельности респондентов на тувинском языке.

Таким образом, учитывая наличие нулевых и немотивированных реакций в данном ассоциативном поле, низкий коэффициент стереотипности, скорее всего, следует понимать именно как показатель инерционности мышления. Очевидно, что шаблонность на уровне языкового клише, отсутствие активности, слабая степень актуализации образа отары в сознании респондентов связаны с отходом тувинцев от традиционных видов хозяйствования. В связи с этим отмечается и пассивное функционирование данной леммы в речи.

О пассивном использовании некоторых разрядов лексических единиц в речи бурят-билингвов на бурятском (родном) языке указывает и П.П. Дашинимаева. Так, на нейрофизиологическом уровне слабую активацию некоторых слов из глоссария билингвов она связывает с процессом дефункционализации и полагает, что «каждое сле-

дующее поколение общается на меньшем глоссарии, чем тот объем, на котором основывалось общение предыдущих поколений» [Дашинимаева, Дырхеева, Жалсанова, Хилханова 2010: 37]. Тем самым, она считает, что у молодого поколения наблюдается лексический «дефицит» и они не способны свободно производить необходимые слова на родном языке. Их этноконцептуальная база сформирована на меньшем глоссарии и, как следствие, они переключают код родного языка на русский [Дашинимаева, Дырхеева, Жалсанова, Хилханова 2010: 37-38].

Можно сказать, что процесс дефункционализации эквивалентен нашему случаю, с той лишь разницей, что респонденты – тувинцы-билингвы – не переключаются на русский язык, а вербализуют ассоциативные связи преимущественно свойственные типовому контексту употребления данного слова, на уровне языкового клише. Реакцию *мал/мал-маган* ‘скот’ актуализовали чуть более половины опрошенных – 51 человек. В проведенном эксперименте «клишированных» реакций достаточно много. Например, у стимулов, обозначающих стороны света *чөөн* ‘восток’, *барыын* ‘запад’, *мурнуу* ‘юг’, наиболее частотной, центральной реакцией является слово *чүк* – ‘сторона /сторона света/ направление’, которую в каждом из указанных полей выбрали от 60 до 70 респондентов [Цыбенова 2013б: 236-239].

Ассоциативные пары подобного характера очень похожи на парные слова и, очевидно, связаны с особенностями тувинского языка. При этом интересно, что в упомянутых случаях ассоциативные образы наиболее полно и четко предстают только в единстве со словом-стимулом, по отдельности семантика образа выражена крайне слабо. Согласно общепринятой классификации эти реакции были отнесены к синтагматическому типу связи, т.е. связи, основанные на соположении элементов, построенные на минимальном контексте [Завьялова 2001: 65].

Вопросы трудностей классификации, перевода определенных слов, ассоциативных пар, интерпретации ассоциативно-вербальных связей поднимаются многими исследователями малых национальных языков [Дашинимаева, Дырхеева, Жалсанова, Хилханова 2010, Павлова 2003, Мушаев, Мушаева 2016]. Например, пару *ногаан* ‘зеленый’ → *сиген* ‘трава, зелень’, можно интерпретировать либо как «зеленая трава» (отношение предикации), либо – «зеленый – зелень» (сходство по признаку). Эти примеры свидетельствуют об особенностях, обусловленных структурой конкретного языка, и являются материалом для дальнейших актуальных исследований в этом направлении.

Следующий анализируемый нами стимул связан с древним жилищем кочевых народов, в том числе и тувинцев – это *өг* ‘юрта’. В тувинской культуре юрта сегодня используется в различных целях: в прямом назначении как вид жилья, в гостиничном бизнесе в целях развития туризма, в школах для учебно-воспитательных целей, в культурно-массовых, просветительских мероприятиях как символ кочевой культуры. Поэтому анализ ассоциативного поля показывает наличие разнообразных реакций. В связи с этим можно предположить, что в ментальном пространстве тувинцев ассоциативный образ юрты активно и динамично развивается (табл. 2).

Таблица №2

Ассоциативное поле *өг* ‘юрта’

<i>өг</i> ‘юрта’ (34)	
1	<i>кидис</i> ‘войлочная’ (13); <i>бүле</i> (парн. <i>өг-бүле</i>) ‘семья’ (12); <i>аал</i> ‘чабанская стоянка/стойбище’ (11)

2	<i>бaжың/бaжың-бaлгaт</i> ‘дом/жилье/жилище’ (7); <i>улуг</i> ‘большая’ (6); <i>ак</i> ‘белая’, <i>тыва</i> ‘тувинская’, <i>мал-маган</i> ‘скот’ (4); <i>оран-сава</i> ‘жилье/жилище’, <i>чайлаг</i> ‘летнее пастбище/стойбище/стоянка’ (3); <i>хараача</i> - зд. светодымовое отверстие юрты (3); <i>борбак</i> ‘круглая’, <i>чылыг</i> ‘теплая’, <i>0</i> , <i>бедик</i> ‘высокий’ (2).
3	<i>чуртталга</i> ‘жизнь’; <i>эт</i> ‘вещь’; <i>сүттүг шай</i> ‘чай с молоком’; <i>одар</i> ‘пастбище’; <i>чурттаар</i> ‘жить’; <i>өг</i> ‘юрта’; <i>баиш</i> ‘голова’; <i>эр, кыс тала</i> ‘мужская, женская половина юрты’; <i>төгерик</i> ‘круг/круглая’; <i>тудар</i> ‘строить’; <i>октаргай</i> ‘космос’; <i>сүт</i> ‘молоко’; <i>өртөмчей</i> ‘вселенная’; <i>чаа</i> ‘новая’; <i>тигер</i> ‘возводить/ставить юрту’; <i>чараиш</i> ‘красивая’; семья

В данном поле можно отметить наличие оценочных реакций (*кидис* ‘войлочная’, *улуг* ‘большая’, *ак* ‘белая’, *тыва* ‘тувинская’, *борбак* ‘круглая’, *чылыг* ‘теплая’, *чараиш* ‘красивая’ и др.), реакций-номинаций (*аал* ‘чабанская стоянка/стойбище’, *бaжың/бaжың-бaлгaт* ‘дом/жилье/жилище’, *мал-маган* ‘скот’, *одар* ‘пастбище’, *эт* ‘вещь’, *сүттүг шай* ‘чай с молоком’, *сүт* ‘молоко’, *чуртталга* ‘жизнь’, *октаргай* ‘космос’, *өртөмчей* ‘вселенная’ и др.). Современные носители языка знают и такие атрибуты юрты, как *хараача* – светодымовое отверстие юрты. Интересно, что данная реакция зафиксирована в зоне ближней периферии. Можно отметить и реакцию *эр, кыс тала* ‘мужская и женская половины юрты’.

Более разнообразным по содержанию и структуре является ассоциативное поле, полученное на стимул *аът* ‘конь’. Отмечено множество реакций-оценок, связанных с породой и мастью коня, зафиксированы реакции, отражающие атрибуты коня *доруг* ‘гнедой’, *шилги* ‘рыжий/коричневато-рыжий’, *кара* ‘вороной’, *чыраа* ‘иноходец’), зафиксированы реакции, отражающие атрибуты коня (*эзер* ‘седло’, *баглааиш* ‘коновязь’). Немаловажно и наличие реакций-персоналий (*эр кижги* ‘мужчина’, *чылыгычы* ‘табунщик’, *малчын* ‘чабан’), реакций-локативов (*тайга* ‘тайга’, *аал* ‘стойбище’, *көдээ* ‘село/стойбище/летник’). Многочисленны реакции-действия, характеризующие бег и поведение коня: *киштээр* ‘ржать’, *маңнаар* ‘бегать’, *челер* ‘ходить/бегать рысью’, *саяктаар* ‘ходить/бегать иноходью’, *мунар* ‘ездить верхом’. Выделяются реакции, указывающие на его ценность: *аът* ‘конь’ → *бедик сүлде* ‘могущественный символ’, *эртине* ‘драгоценность, ценность’, *херек* ‘нужный/необходимый’ (табл. 3).

Таблица №3

Ассоциативное поле *аът* ‘конь’

<i>аът</i> ‘конь’ (40)	
1	<i>мал</i> ‘животное/скот/скотина’ (26); <i>чүгүрүк</i> ‘быстрый/скакун’ (12)
2	<i>эзер</i> ‘седло’ (7); <i>чараиш</i> ‘красивый’ (5); <i>мунар</i> ‘ездить верхом’ (4); <i>ак</i> ‘белый’ (4); <i>доруг</i> ‘гнедой’ (3); <i>эмдик</i> ‘дикий’ (3); <i>ажыл</i> ‘работа’, <i>шилги</i> ‘рыжий/коричневато-рыжий’, <i>кара</i> ‘вороной’, <i>бедик</i> ‘высокий’, <i>лошадь</i> (2).

3	<p><i>чыраа</i> ‘иноходец’; <i>баглааи</i> ‘коновязь’; <i>аал</i> ‘стойбище/стоянка’; <i>аът</i> ‘лошадь/конь’; <i>аскыр</i> ‘жеребец/мерин’; <i>хат</i> ‘ветер’; <i>эр киж</i> ‘мужчина’; <i>0</i>; <i>дириг амытан</i> ‘животное’; <i>тайга</i> ‘тайга’; <i>хову</i> ‘поле’; <i>киштээр</i> ‘ржать (зд. о лошади)’; <i>хөлге</i> ‘верховая лошадь’; <i>бедик сүлде</i> ‘могущественный символ’; <i>малчын</i> ‘скотовод/чабан’; <i>чылгычы</i> ‘табунщик’; <i>челер</i> ‘ходить иноходью’; <i>шыырак</i> ‘сильный, могучий’; <i>саяктаар</i> ‘ходить иноходью’; <i>эртине</i> ‘драгоценность, ценность’; <i>көдээ</i> ‘село/стойбище’; <i>ала</i> ‘пегий’; <i>маңнаар</i> ‘бегать’; <i>кула</i> ‘саврасый’; <i>чер</i> ‘земля’; <i>херек</i> ‘нужный/необходимый’</p>
---	---

В целом, как и образ юрты, ассоциативный образ коня чрезвычайно богат и разнообразен. О динамичности данных образов свидетельствует и высокий коэффициент уровня стереотипности: *аът* ‘конь’ – 0,4, *өг* ‘юрта’ – 0,34. Ни в образе коня, ни в образе юрты не встречается ни одной реакции с негативной коннотацией, нулевые реакции единичны. Нам представляется, что их положительный образ объясняется высокой символичностью и их прежней актуальностью в жизни и быту современных тувинцев.

Например, коневодство в Туве считается экономически выгодной отраслью животноводства. Несмотря на упадок деятельности коневодческих ферм по сравнению с докризисными годами, у населения наблюдается огромный интерес к спортивному коневодству. Можно утверждать, что сегодня и юрта, и конь активно используются как средство получения дохода. Поэтому следует говорить о смене основного функционального назначения как юрты, так и коня в современной тувинской культуре, следовательно, можно констатировать трансформацию данных ассоциативных образов в языковом сознании тувинцев, в их ценностной картине мира.

Выводы

В заключение исследования отметим, что:

- разряды лексики, связанные с традиционным бытом, со старым укладом жизни употребляются в речи все меньше, наблюдается их «дефункционализация», тем самым на уровне ассоциативного значения слова отмечаются преимущественно типовые контексты его употребления;

- ассоциативное значение слова подвижно; в зависимости от внешних факторов, окружающей социальной действительности ассоциативные связи между стимулом и реакцией либо сокращаются, либо расширяются;

- количество ассоциативных связей лексической единицы коррелирует с уровнем стереотипности данного слова-стимула; по объему и широте ассоциативного значения слова можно судить об активной или пассивной степени его функционирования в речи.

Таким образом, динамичность ассоциативных полей свидетельствует о подвижности языкового сознания. Анализ ассоциативных полей дает возможность понять, почему некоторые слова мало функционируют в нашей речи, почему некоторые лексические значения выпадают, а другие наоборот, обновляются, обогащаются. Все это указывает на своеобразие мировосприятия носителя языка в данную эпоху, на интенсивность влияния различных процессов на наше языковое сознание, шире – на этническую картину мира. Поэтому необходимость всестороннего исследования этнокультурных ценностей очевидна, и в первую очередь, посредством языка как основной формы существования национальной культуры.

Литература

Артыкбаева Ф.И. Отражение базовых ценностей в ядре ментального лексикона носителей языка и культуры (диахронический аспект): автореф. дис. ... кан. филол. наук. Тверь, 2016. 19 с.

Дабиев Д.Ф., Дабиева У.М. О скорректированном показателе индекса развития человеческого потенциала с учетом социокультурных факторов (на примере Республики Тыва) // Экономический анализ: теория и практика. Вып. 37. 2015. С. 50–64.

Дашинимаева П.П., Дырхеева Г.А., Жалсанова Ж.Б., Хилханова Э.В. Бурятско-русский билингвизм: психолингвистический аспект: Монография. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2010. 166 с.

Дмитрюк Н.В. Казахско-русский ассоциативный словарь. Шымкент-Москва, 1978. 246 с.

Дмитрюк Н.В., Молдалиева Д.А., Нарожная В.Д., Молданова Ж.И., Мезенцева Е.С., Сандыбаева Н.А., Абрамова Г.И. Қазақша ассоциациялық сөздік / Казахский ассоциативный словарь. Алматы-Москва: Медиа-ЛогоС, 2014. 330 с.

Дмитрюк Н.В., Черкасова Г.А., Артыкбаева Ф.И. Этноментальный феномен ядра языкового сознания: ассоциативные исследования в Казахстане // Вопросы психолингвистики. 2016. №28. С.132–149.

Дмитрюк Н.В. Трансформация ценностных предпочтений этноса в призме ассоциативных экспериментов // Язык и мышление: Психологические и лингвистические аспекты: Материалы XVII-й Международной научной конференции (Орехово-Зуево, 17-19 мая 2017 г.) / Отв. ред. проф. А.В. Пузырёв. М.: Ин-т языкознания РАН; Орехово-Зуево: ГОУ ВО МО «Государственный гуманитарно-технологический университет», 2017. С.13–15.

Завьялова М.В. Исследование речевых механизмов при билингвизме (на материале ассоциативного эксперимента с литовско-русскими билингвами) // Вопросы языкознания. № 5. 2001. С. 60–85.

Марюхина В.В., Уланова Г.С., Фрокол А.С. Ценностные ориентации молодежи города Кызыла Республики Тыва // Вестник Тувинского государственного университета. Серия «Педагогические науки». 2013. Вып. 4. С. 35–43.

Монгуш У.Х. Гостеприимность как ценность тувинской студенческой молодежи // Акмеология. 2014. №2(50). С. 79–84.

Мушаев В.Н., Мушаева В.И. Исследование этнического языкового сознания и ассоциативный эксперимент (на материале калмыцкого языка) // Вестн. Калм. инст. гум. исслед. 2016. Вып. 4. С. 68–74.

Овчинникова И.Г. Ассоциативный механизм в речемыслительной деятельности: дис. ... д-ра филол. наук. СПб, 2002. 382 с.

Резников Е.Н., Товуу Н.О. Этнопсихологические характеристики народа тыва: теория и практика. М.: ПЕР СЭ, 2002. 223 с.

Семенова Н.Б. Этнокультуральные особенности самосознания и иерархия жизненных ценностей в структуре мировоззрения тувинской молодежи // Сибирский вестник психиатрии и наркологии. 2009. №2. С. 136–140.

Павлова И.П. К проблеме ассоциативно-вербальных связей слов в современном якутском языке // Современные языковые процессы в Республике Саха (Якутия): Актуальные проблемы. Новосибирск: Наука, 2003. С.198–216.

Уфимцева Н.В. Опыт экспериментального исследования развития словесного значения // Психолингвистические проблемы семантики. М.: Наука, 1983. С. 140–180.

Харунова М.М.-Б. Социально-политическое развитие Тувы в середине XX века. Новосибирск: Наука, 2011. 139 с.

Цыбенова Ч.С. Об опыте исследования языкового сознания тувинцев-билингвов // Тюрко-монгольские народы Центральной Азии: язык, этническая история и фольклор (к 100-летию В. М. Наделяева). Материалы Международной научной конференции (г.Кызыл, 20-23 мая 2012 г.). Абакан: Хакаское книжное издательство, 2012. 330 с. С. 14–149.

Цыбенова Ч.С. Ассоциативный эксперимент в контексте исследования языковой ситуации: на примере Республики Тыва // Вопросы психолингвистики. 2013а. №1(17). С. 180–193.

Цыбенова Ч.С. Современная языковая ситуация в Республике Тыва: социопсихолингвистический аспект: дис. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2013б. 240 с.

REFLECTION OF AXIOLOGICAL PICTURE OF THE WORLD IN LANGUAGE

Chechek S. Tsybenova

research fellow, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
Siberian branch of Russian Academy of Sciences
670047, Ul. M. Sahyanovoi, 6, Ulan-Ude, Russia,
tschechek@mail.ru

The article is devoted to the transformation of axiological system related to ethno-cultural values, which are studied through the prism of language consciousness. On the basis of associative experiment conducted with native Tuvan speakers, the words reflecting Tuvans nomadic way of life are analyzed: *flock*, *yurt*, *horse*. Associative meanings of these words are considered in comparison with Tuvan traditional and cultural worldview. The author analyzes new acquired meanings presented in a world image of modern bearer of Tuvan linguistic culture. The analysis reveals that new associative meanings appear in associative field of words *yurt* and *horse*. These meanings indicate changes in traditional Tuvan worldview. On the other hand, the analysis shows that associative meanings are not updated for all lexical units. In central area of word *flock* there are numerous zero responses. It shows departure of modern Tuvans from traditional way of life. Therefore, some words related to old way of life are practically unknown to modern native speakers and today we observe their “lexical defunctionalization”. The actualization of unusual associative images indicates changes in Tuvans language mentality, formation of new national and cultural stereotypes. Investigation of word meanings and their dynamics is relevant to predict development of national cultures and modern society as a whole.

Keywords: values, transformation of values, linguistic mentality, linguistic consciousness, Tuvans, Tuvan language

References

Artykbaeva F.I. Otrazhenie bazovyh cennostej v yadre mental'nogo leksikona nositelej yazyka i kul'tury (diahronicheskij aspekt): avtoref. dis. ... kan. filol. nauk. [Basic values

reflection in the core of language and culture owners' mental lexicon (diachronic aspect): synopsis of diss. ... cand. filol. science]. Tver', 2016. 19 s. (In Russian).

Cybenova Ch.S. Associativnyj eksperiment v kontekste issledovaniya yazykovoj situacii: na primere Respubliki Tyva [Associative experiment in the context of language situation: evidence of the Republic of Tyva] // *Voprosy psiholingvistiki* [Journal of psycholinguistics]. 2013a. №1(17). S. 180–193. (in Russian).

Cybenova Ch.S. Ob opyte issledovaniya yazykovogo soznaniya tuvincev-bilingvov [Research experience of the Tuvan bilinguals linguistic consciousness] // *Tyurko-mongol'skie narody Central'noj Azii: yazyk, ehnicheskaya istoriya i fol'klor (k 100-letiyu V.M. Nadelyaeva)*. Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii [Turk-Mongolian people of Central Asia: language, ethnic history and folklore (to the 100th anniversary of V.M. Nadelyaev). Materials of international scientific conference]. (Kyzyl, 20-23 ma 2012). Abakan: Hakasskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2012. 330 s. S. 145–149. (in Russian).

Cybenova Ch.S. Sovremennaya yazykovaya situaciya v Respublike Tyva: sociopsiholingvisticheskiy aspekt: dis. ... kand. filol. nauk. [Current language situation in the Republic of Tyva: sociopsycholinguistic aspect: candidate thesis]. Ulan-Ude, 2013b. 240 s. (in Russian).

Dabiev D.F., Dabieva U.M. O skorrektirovannom pokazatele indeksa razvitiya chelovecheskogo potenciala s uchetom sociokul'turnyh faktorov (na primere Respubliki Tyva) [On adjusted human development index subject to sociocultural factors (the Tyva Republic case)] // *Ekonomicheskij analiz: teoriya i praktika* [Economic analyses: theory and practice]. Vyp. 37. 2015. S. 50–64. (In Russian).

Dashinimaeva P.P., Dyrheeva G.A., Zhalsanova Zh.B., Hilhanova E.V. Buryatsko-russkij bilingvizm: psiholingvisticheskiy aspekt: Monografiya. [The Buryat-Russian Bilingualism: Psycholinguistic aspect: A Monograph]. Ulan-Ude: Izd-vo BNC SO RAN, 2010. 166 s. (In Russian).

Dmitryuk N.V. Kazahsko-russkij associativnyj slovar' [Kazakh-Russian associative dictionary]. Shymkent-Moskva, 1978. 246 s. (In Russian).

Dmitryuk N.V. Transformaciya cennostnyh predpochtenij ehntnosa v prizme associativnyh ehksperimentov [Transformation of ethnic axiological preferences in the prism of associative experiments] // *Yazyk i myshlenie: Psihologicheskie i lingvisticheskie aspekty: Materialy XVII-j Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii* [Language and Mind: psychological and linguistic aspects: materials of the XVIIth International scientific conference] (Orehovo-Zuevo, 17-19 maya 2017 g.) / *Otv. red. prof. A.V. Puzyryov*. M.: In-t yazykoznaniya RAN; Orekhovo-Zuevo: GOU VO MO «Gosudarstvennyj gumanitarno-tekhnologicheskij universitet», 2017. 188 s. S.13–15. (in Russian).

Dmitryuk N.V., Cherkasova G.A., Artykbaeva F.I. Etnomental'nyj fenomen yadra yazykovogo soznaniya: associativnye issledovaniya v Kazahstane [Ethno-mental phenomenon of the core of linguistic consciousness: associative researches in Kazakhstan] // *Voprosy psiholingvistiki* [Journal of psycholinguistics]. 2016. №28. S.132–149. (in Russian).

Dmitryuk N.V., Moldaliev D.A., Narozhnaya V.D., Moldanova Zh.I., Mezentseva E.S., Sandybayeva N.A., Abramova G.I. Kazahskij associativnyj slovar' [Kazakh associative dictionary]. Almaty-Moskva: Media-LogoS, 2014. 330 s. (in Russian).

Harunova M.M.-B. Social'no-politicheskoe razvitie Tuvy v seredine XX veka [Sociopolitical development of Tuva in the middle of XXth century]. Novosibirsk: Nauka, 2011. 139 s. (in Russian).

Maryuhina V.V., Ulanova G.S., Frokol A.S. Cennostnye orientacii molodezhi goroda Kyzyla Respubliki Tyva [Axiological orientations of youth in Kyzyl of the Republic of Tyva] // Vestnik Tuvinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Pedagogicheskie nauki» [The bulletin of Tuva state university. Pedagogy]. 2013. Vyp. 4. S. 35–43. (in Russian).

Mongush U.H. Gostepriimnost' kak cennost' tuvinskoj studencheskoj molodezhi [Hospitality as a value of the Tuvan student youth] // Akmeologiya [Akmeology]. 2014. №2(50). S. 79–84. (in Russian).

Mushaev V.N., Mushaeva V.I. Issledovanie ehtnicheskogo yazykovogo soznaniya i associativnyj ehksperiment (na materiale kalmyckogo yazyka) [Investigation of ethnic linguistic consciousness and associative experiment (on the material of the Kalmyk language)] // Vestn. Kalm. inst. gum. issled. [The bulletin of Kalmyk institute of humanitarian researches] 2016. Vyp. 4. S. 68–74. (in Russian).

Ovchinnikova I.G. Associativnyj mekhanizm v rechemyslitel'noj deyatel'nosti: dis. ... d-ra filol. nauk. [Associative mechanism in speech-thinking activity: Doctor thesis] SPb, 2002. 382 s. (in Russian).

Pavlova I.P. K probleme associativno-verbal'nyh svyazej slov v sovremennom yakutskom yazyke [To the problem of associative verbal links of words in the modern yakut language] // Sovremennye yazykovye processy v Respublike Saha (Yakutiya): Aktual'nye problem [Current linguistic processes in the Republics of Saha (Yakutia): actual issues]. Novosibirsk: Nauka, 2003. 224 s. S.198–216. (in Russian).

Reznikov E.N., Tovuu N.O. Etnopsihologicheskie harakteristiki naroda tyva: teoriya i praktika [Ethnopsychological characteristics of Tuva people: theory and practice]. M.: PER SEH, 2002. 223 s. (in Russian).

Semenova N.B. Etnokul'tural'nye osobennosti samosoznaniya i ierarhiya zhiznennyh cennostej v strukture mirovozzreniya tuvinskoj molodezhi [Ethno-cultural peculiarities of self-consciousness and hierarchy of life values in the structure of Tuvan youth outlook] // Sibirskij vestnik psihiatrii i narkologii [Siberian bulletin of psychiatry and narcology]. 2009. №2. S. 136–140. (in Russian).

Ufimtseva N.V. Opyt ehksperimental'nogo issledovaniya razvitiya slovesnogo znacheniya [Experimental research experience of word meaning development] // Psiholingvisticheskie problemy semantiki [Psycholinguistic problems of semantics]. M.: Nauka, 1983. 286 s. S. 140–180. (in Russian).

Zav'yalova M.V. Issledovanie rechevyh mekhanizmov pri bilingvizme (na materiale associativnogo ehksperimenta s litovsko-russkimi bilingvami) [Investigation of speech mechanisms under bilingualism (on the material of associative experiment with the Lithuanian-Russian bilinguals)] // Voprosy yazykoznanija [Journal of linguistics]. № 5. 2001. S. 60–85. (in Russian)

УДК 81'23 / DOI 10.30982/2077-5911-2020-43-1-110-120

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ НЕОДНОЗНАЧНОЙ РАЗМЕТКИ СИНТАКСИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ: ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО ЯЗЫКА¹

Чернова Дарья Алексеевна

с.н.с. лаборатории когнитивных исследований СПбГУ

Санкт-Петербург, Галерная ул., 58-60

d.chernova@spbu.ru

Проблема построения грамматической структуры предложения при восприятии устной или письменной речи является для психолингвистики одной из самых обсуждаемых. В качестве материала для изучения этого процесса часто выступают синтаксически неоднозначные предложения, в которых грамматика позволяет построение нескольких различных структур, соответственно, у слушающего или читающего возникает необходимость сделать между ними выбор. В статье рассматриваются особенности восприятия носителями русского языка одного из типов синтаксически неоднозначных предложений, в которых грамматика допускает несколько вариантов разметки синтаксических связей. Исследование проведено на материале предложений, содержащих синтаксически неоднозначную конструкцию с родительным субъекта или родительным объекта («оскорбление покупателя», «критика тренера»). В статье приводятся и обсуждаются данные психолингвистического эксперимента, проведенного с использованием методики выбора подходящей перифразы (*покупатель был оскорблен /покупатель говорил оскорбления*). Полученные данные свидетельствуют об относительной сбалансированности двух обсуждаемых падежных значений в ментальной грамматике носителей русского языка и о преимущественной опоре на лексические значения входящих в конструкцию слов и на экстралингвистические факторы при интерпретации предложений с неоднозначностью разметки синтаксических связей.

Ключевые слова: разрешение неоднозначности, синтаксический анализ предложения при чтении, значения родительного падежа

Введение

Одним из ключевых для психолингвистики является вопрос о том, каким образом при восприятии речи цепочка словоформ преобразуется в грамматическую структуру. Материалом для исследования этого процесса могут стать синтаксически неоднозначные предложения, в которых грамматика допускает несколько различных структур или вариантов разметки синтаксических связей, и при восприятии речи слушающий или читающий должен сделать выбор между этими вариантами. Таким образом, «неоднозначность может выступать не только как предмет, но и как инструмент лингвистического исследования» [Черниговская и др. 2018: 11].

Синтаксическая неоднозначность может быть вызвана целым комплексом различных языковых явлений (см. [Митренина 2005]). На материале русского языка обработка

¹ Исследование выполнено при поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-00-0646 (18-00-00640) «Закономерности обработки лингвистической информации в ситуации многозначности: процессы активации и выбора вариантов значений».

и понимание синтаксически неоднозначных предложений описаны на материале конструкций с адъюнктами при сложной именной группе: с относительным придаточным предложением («служанка графини, которая стояла на балконе», см. [Sekerina 2003], [Федорова, Янович 2004], [Юдина 2006], [Драгой 2006], [Анисимов и др. 2014]), с причастным оборотом или предложной группой («со служанкой графини, стоявшей на балконе», «служанка графини со вздорным характером», см. [Чернова и др. 2016]). Выявлено было, что для русского языка один из вариантов интерпретации является более предпочтительным, чем другой: адъюнкт чаще соотносится с вершиной именной группы (*служанка*), чем с зависимым именем (*графиня*). Однако синтаксически неоднозначные конструкции других типов на материале русского языка ранее не исследовались экспериментально.

В фокусе данного исследования – так называемая разметочная неоднозначность [Гладкий 1985], при которой двум разным прочтениям предложения соответствует одно дерево зависимостей, но отличается разметка связей, то есть типы синтаксических отношений между словами. Одна и та же структура при разной разметке синтаксических связей может обладать различными значениями, так, *отзыв оппонента Иванова* может означать как «отзыв оппонента по фамилии Иванов», так и «отзыв оппонента человека по фамилии Иванов» [Тестелец 2001: 93]. Одним из частных случаев разметочной неоднозначности является субъектно-объектная неоднозначность родительного падежа, распространенная в разных индоевропейских языках. Так, для латинского языка А. Гардинер постулировал два родительных падежа, *genetivus objectivus* и *genetivus subjectivus* (1932): латинское *amor patris* может означать как «любовь отца», так и «любовь к отцу». Для английского языка аналогичная неоднозначность наблюдается для конструкций с предлогом *of* (*support of the government*), однако при наличии двух способов выражать значения, свойственные родительному падежу (например, *Pat's picture* и *picture of Pat*), происходит распределение значений между формами, и неоднозначность возникает реже [Antilla, Fong 2003]. Для русского родительного падежа также характерно подобное совмещение значений (*посещение родственников, чтение Маяковского*). А.Е. Кибрик считал такое совпадение неслучайным: «Наличие когнитивной сопряженности между предикатом и его ядерными актантами мотивирует оформление субъекта и объекта родительным падежом при номинализации предиката, например «пение птиц», «убийство Кеннеди» [Кибрик 2006: 18].

В целом, как отмечает А.В. Исаченко, родительный падеж в славянских языках перегружен разнообразными функциями [Исаченко 2003: 103], при этом только две функции можно назвать синтаксическими – это приименной родительный субъекта и приименной родительный объекта, которые соответствуют приглагольному именительному и винительному падежу соответственно (*коллектив работает – работа коллектива, читать книгу – чтение книги*)². Остальные функции родительного падежа, среди которых Исаченко выделяет посессивную, отделительную, определительную, родительный сравнения и родительный отрицания – вторичны.

Обсуждая частотность значений родительного падежа, М.В. Панов отмечает, что самое употребительное значение родительного – родительный целого (*хвост поезда*),

² Таким образом, с синтаксической точки зрения такая неоднозначность родительного падежа вызвана наличием двух значений категории залога у подвергаемого номинализации глагола: «номинализация глагола в активном залоге дает конструкцию с родительным субъекта, номинализация глагола в пассивном залоге – дает конструкцию с объектом в родительном падеже и субъектом в творительном» [Падучева 2009: 77].

далее идут родительный владельца (*палка старика*), качества (*неопределенность от-вета*), деятеля (*бегство преступника*) и объекта (*покупка книги*), а в сочетаниях типа *посещение друзей, переводы Тургенева, поиски экспедиции* значения «родительный де-ятеля» и «родительный объекта» могут нейтрализоваться [Панов 1999: 203].

Предпринимались попытки при помощи грамматических тестов выяснить, какое из двух значений родительного падежа – субъектное или объектное – является основным. Так, Ю.С. Степанов отмечает: «неестественность перифразы *«мать печет пирог – пе-чение матери»* указывает на то, что функция агенса, родительного субъекта не явля-ется главной, первичной функцией родительного падежа» [Степанов 1989: 146–147].

При этом конкретное словосочетание с родительным падежом не всегда является неоднозначным (*ср. «пение птиц», «убийство Кеннеди»*), однако, как отмечал еще А.М. Пешковский, «когда родительным падежом обозначен одушевленный предмет, они [сло-восочетания] двузначны, так как предмет этот может быть мыслим не только как объект, но и как субъект действия – *«преследование рабочих и крестьян»* обычно означает, что рабочих и крестьян преследуют, хотя значение субъекта действия навязывается уму и делает этот оборот неприятным» [Пешковский 2001 (1956): 324]. Именно это «навязы-вание уму» и представляет наибольший интерес для исследования восприятия речи.

Итак, в грамматических описаниях русского языка два рассматриваемых значе-ния родительного падежа трактуются по-разному: «родительный субъекта не являет-ся первичной функцией родительного падежа» [Степанов 1989], «значение субъекта действия навязывается» [Пешковский 1956], «значения могут нейтрализовываться» [Панов 1999]. Экспериментальная проверка восприятия обсуждаемых конструкций носителями языка могла бы пролить свет на механизмы обработки неоднозначной ин-формации и процессов морфосинтаксического анализа и уточнить иерархию значений граммы родительного падежа.

Экспериментальные методики, используемые для исследования процессов синтак-сического анализа, могут быть разделены на две категории: опосредованные (offline) и непосредственные (online) [Секерина 2010]: опосредованные методики дают возмож-ность выявить законченное ментальное представление, возникающее после того, как синтаксический анализ завершился, а непосредственные позволяют описать анали-тические операции, идущие именно в тот момент, когда синтаксический анализ про-исходит. К опосредованным, в частности, относятся такие методики, как опросник, методика заканчивания предложения, определение грамматической приемлемости предложения. Одной из разновидностей опросников является также методика выбо-ра подходящей перифразы, при которой перед испытуемым ставится задача прочитать предложение и выбрать из нескольких вариантов его интерпретации тот, который ка-жется наиболее подходящим.

В задачи данного исследования входит рассмотрение того, как интерпретируются предложения с субъектно-объектной неоднозначностью в русском языке.

Экспериментальное исследование

Для определения наиболее частотного варианта интерпретации предложений с субъектно-объектной неоднозначностью нами была применена методика выбора под-ходящей перифразы.

Материал

В качестве стимульного материала нами было составлено 16 синтаксически неод-нозначных предложений с формой родительного падежа одушевленного существи-

тельного после отглагольного существительного (например, «Оскорбление покупателя было очень грубым»), полный список приведен в Таблице №1. К каждому предложению был составлен закрытый вопрос, предполагающий выбор подходящей перифразы: предлагалось выбрать между субъектной и объектной интерпретацией прочитанного предложения, например: «Какой вариант ответа соответствует содержанию прочитанного? А. Покупатель был оскорблен. Б. Покупатель говорил оскорбления. С. Затрудняюсь ответить».

Таблица № 1

Стимульный материал

Стимульное предложение	Перифраза с субъектной интерпретацией	Перифраза с объектной интерпретацией
Посещение родственников – это очень утомительно.	Принимать гостей утомительно.	Ходить в гости утомительно.
Приглашение артиста нас очень обрадовало.	Артист пригласил нас	К нам пригласили артиста
Поздравление бабушки было очень трогательным.	Бабушка поздравила внуков	Внуки поздравили бабушку
Обвинение директора было необоснованным	Директор выдвигал необоснованные обвинения.	Директора обвиняли необоснованно.
Преследование маньяка продолжалось всю неделю.	Маньяк преследовал жертву	Полиция преследовала маньяка
Оскорбление покупателя было очень грубым.	Покупатель оскорбил продавца	Продавец оскорбил покупателя
Критика тренера была вполне справедлива.	Тренер критикует спортсменов	Болельщики критикуют тренера
Фотографии Марины всем очень понравились.	Марина делает фотографии	Марина позирует фотографу
Прием консула был очень теплым.	Консул принял дипломатов	Дипломаты приняли консула
Перевод Пастернака очень талантлив.	Пастернак перевел стихи	Пастернак написал стихи
Интервью Познера интересно послушать.	Познер взял интервью	Познер дал интервью
Обследование врачей шло в несколько этапов.	Врачи проводят обследование	Врачи проходят обследование
Предательство командира раскрылось сразу.	Командир совершил предательство	Командир был предан
Проверка деканата выявила серьезные нарушения.	Деканат провел проверку	Деканат прошел проверку
Поддержка друга – это очень важно.	Друг окажет поддержки.	Друг ждет поддержки
Наказание воспитателя было суровым.	Воспитатель применил наказание	Воспитатель был наказан

Помимо этого, нами было составлено 36 однозначных предложений – филлеров, часть из которых также содержала отглагольные существительные (*Снижение цен значительно увеличило продажи*), а часть – не содержала (*Венера – самое яркое небесное тело после Солнца и Луны*).

К предложениям-филлерам составлялись вопросы, ориентированные на интерпретацию так называемых обратимых конструкций [Лурия 2008, Статников 2013], то есть на обработку грамматических связей между словами в предложении, например, «Какой вариант ответа соответствует содержанию прочитанного? А. Продажи снизились. Б. Продажи выросли. С. Затрудняюсь ответить» или «Какой вариант ответа соответствует содержанию прочитанного? А. Венера ярче Луны. Б. Луна ярче Венеры. С. Затрудняюсь ответить». Это позволило отвлечь внимание испытуемых от неоднозначности экспериментальных предложений и, соответственно, получить в качестве реакции вариант, который первым пришел в голову, избегая металингвистических рассуждений. Кроме того, включение в эксперимент предложений-филлеров позволяло проверить, насколько внимательно испытуемые читают предложения и анализируют грамматические значения в них.

Порядок следования первых двух вариантов ответа был случайным, последним предлагался вариант «затрудняюсь ответить».

Процедура и участники

Эксперимент проводился на базе онлайн-платформы webanketa.com. В нем на добровольной основе приняли участие 36 носителей русского языка, монолингвов, от 18 до 32 лет.

Процедура эксперимента была следующей: на экране появлялось предложение, прочитав его, испытуемый нажимал на кнопку, после чего предложение исчезало с экрана и появлялся вопрос. После выбора испытуемым варианта ответа появлялось следующее предложение и т.д. Испытуемый не мог перечитать предложение повторно после появления на экране вопроса.

Ни один из испытуемых не сделал более четырех ошибок в ответах на вопросы к филлерам, соответственно, можно считать, что все они читали достаточно внимательно и все ответы могут быть включены в дальнейший анализ.

Результаты

Только шесть испытуемых неоднократно выбирали вариант «Затрудняюсь ответить» (в целом он составил 11% ответов на вопросы к неоднозначным предложениям), остальные выбирали один из двух вариантов перифразы. В целом субъектное прочтение конструкции с родительным падежом выбирается значимо чаще, чем объектное (см. Таблицу №2): $\chi^2 = 6.31$, $p = 0.012$.

Таблица № 2

Соотношение ответов испытуемых

Стимульное предложение	Субъектное прочтение	Объектное прочтение	Затрудняюсь ответить
Посещение родственников – это очень утомительно.	9 (25%)	23 (64%)	4 (11%)
Приглашение артиста нас очень обрадовало.	21 (58%)	12 (33%)	3 (8%)

Поздравление бабушки было очень трогательным.	18 (50%)	12 (33%)	6 (17%)
Обвинение директора было необоснованным	21 (58%)	11 (31%)	4 (11%)
Преследование маньяка продолжалось всю неделю.	2 (5%)	33 (92%)	1 (3%)
Оскорбление покупателя было очень грубым.	12 (33%)	19 (53%)	5 (14%)
Критика тренера была вполне справедлива.	25 (69%)	5 (14%)	6 (17%)
Фотографии Марины всем очень понравились.	10 (28%)	18 (50%)	8 (22%)
Прием консула был очень теплым.	26 (72%)	8 (22%)	2 (5%)
Перевод Пастернака очень талантлив.	24 (67%)	8 (22%)	4 (11%)
Интервью Познера интересно послушать.	4 (11%)	23 (64%)	9 (25%)
Обследование врачей шло в несколько этапов.	15 (42%)	16 (45%)	5 (14%)
Предательство командира раскрылось сразу.	33 (92%)	1 (3%)	2 (5%)
Проверка деканата выявила серьезные нарушения.	20 (56%)	14 (39%)	2 (5%)
Поддержка друга – это очень важно.	29 (81%)	5 (14%)	2 (5%)
Наказание воспитателя было суровым.	26 (72%)	7 (19%)	3 (8%)
Всего	295 (51%)	215 (37%)	66 (11%)

При анализе ответов на вопросы к каждому из стимульных предложений в отдельности было выявлено, что половина (восемь из шестнадцати) рассмотренных сочетаний не имеют значимого преобладания той или иной интерпретации, то есть ответы разделились примерно поровну: *проверка деканата* ($\chi^2 = 0.53$, $p = 0.48$), *обследование врачей* ($\chi^2 = 0.02$, $p = 1$), *поздравление бабушки* ($\chi^2 = 0.6$, $p = 0.6$), *обвинение директора* ($\chi^2 = 1.6$, $p = 0.3$), *приглашение артиста* ($\chi^2 = 1.2$, $p = 0.3$), *фотографии Марины* ($\chi^2 = 1.17$, $p = 0.3$), *оскорбление покупателя* ($\chi^2 = 0.8$, $p = 0.4$), *посещение родственников* (χ^2

= 3.2, $p = 0.08$). В шести сочетаниях выявлено статистически значимое преобладание субъектной интерпретации: *наказание воспитателя* ($\chi^2 = 5.89$, $p = 0.02$), *поддержка друга* ($\chi^2 = 9.68$, $p = 0.004$), *прием консула* ($\chi^2 = 5.12$, $p = 0.04$), *перевод Пастернака* ($\chi^2 = 4.27$, $p = 0.05$), *предательство командира* ($\chi^2 = 19.34$, $p = 0.00001$), *критика тренера* ($\chi^2 = 7.5$, $p = 0.01$), а в двух сочетаниях – объектной: *интервью Познера* ($\chi^2 = 7.53$, $p = 0.008$), *преследование маньяка* ($\chi^2 = 16.95$, $p = 0.00004$).

Таким образом, наблюдается вариативность интерпретации конструкции с родительным падежом в зависимости от входящих в рассматриваемую конструкцию слов.

Обсуждение и выводы

Согласно полученным данным, в целом субъектная интерпретация конструкций с родительным падежом происходит чаще, чем объектная, вопреки идее о том, что «субъектная функция не является первичной» [Степанов 1989]. Однако это предпочтение субъектной интерпретации не является абсолютным: половина вошедших в эксперимент предложений интерпретировались участниками эксперимента без значимого преобладания в выборе того или иного значения, то есть можно говорить о том, что у граммемы родительного падежа высокая степень неоднозначности, и выбор значения производится «случайным» образом, то есть с опорой на индивидуальный экстралингвистический опыт носителя языка. Исключения составили два примера, в которых очень высокая степень согласия («*преследование маньяка*» – две субъектных интерпретации и 33 объектных, «*предательство командира*» – 33 субъектных интерпретации и одна объектная): такое соотношение ответов указывает на фактическую однозначность этих предложений.

Из полученных экспериментальных данных следует, что нет оснований говорить о какой-либо иерархии субъектного и объектного значений родительного падежа, то есть о том, что одно из значений является более актуализированным в ментальной грамматике носителя русского языка, чем другое, – значения относительно сбалансированы. В отличие от структурно неоднозначных конструкций с адьюнктом при сложной именной группе ([Юдина 2006], [Чернова 2016]), конструкции с неоднозначностью синтаксической разметки не имеют определенного предпочтительного варианта интерпретации.

Итак, при восприятии предложений с субъектным/объектным родительным падежом разметка синтаксических связей, по всей видимости, оказывается обусловленной преимущественно лексическим значением входящих в конструкцию слов, или, по Пешковскому, «словарными условиями», а точнее, оценкой вероятности описываемой ситуации на основе знаний о мире: «сфера действия определения в сочетании *белокурые финки и китайки* однозначно фиксируется на основании знаний о мире, согласно которым белокурых китайок не бывает» [Касевич 1988: 80]). Тем не менее, в ряде контекстов эти знания о мире могут существенно отличаться в зависимости от индивидуального опыта носителей языка.

Как отмечает Арто Мустайоки, именно «ментальный мир», то есть совокупность знаний, представлений о мире, которые имеются у слушающего или читающего, и определяет интерпретацию услышанного или прочитанного – соответственно, и риск коммуникативной неудачи возникает не из-за неоднозначности как таковой, а именно из-за «различия в ментальных мирах» коммуникантов [Мустайоки 2015: 546].

Таким образом, синтаксическая обработка предложения, содержащего конструкцию с родительным субъекта или родительным объекта, оказывается обусловлена в

большой степени «словарными условиями» и экстралингвистическим опытом читающих, следствием чего становится значительная рассогласованность ответов: «на обработку синтаксиса и морфологии влияет много факторов – от модальности предъявления и типа задания до семантики и более широкого контекста» [Черниговская 2013: 349].

Вопрос о том, происходит ли «навязывание уму», то есть активация (и последующее подавление) второго, альтернативного значения, остается открытым. Невысокий процент выбора варианта «*затрудняюсь ответить*» говорит о том, что неоднозначность разметки синтаксических связей не осознается читающим и, соответственно, не затрудняет интерпретацию предложения. Однако более детальная картина того, как происходит активация и отбор значений в реальном времени, может быть получена при помощи непосредственных (on-line) экспериментальных методик, например, методики регистрации движения глаз, при помещении неоднозначных предложений в контекст, поддерживающий то или иное прочтение.

Литература

Анисимов В.А., Федорова О.В., Латанов А.В. Параметры движений глаз при чтении предложений с синтаксической неоднозначностью в русском языке // Физиология человека. 2014. Т. 40, № 5. С. 57–68.

Гладкий А.В. Синтаксические структуры естественного языка в автоматизированных системах общения. М., 1985. 144 с.

Драгой О.В. Разрешение синтаксической неоднозначности: правила и вероятности // Вопросы языкознания. 2006. № 6. С. 44–61.

Исаченко А.В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Морфология. М.: Языки славянской культуры, 2003. 880с.

Касевич В.Б. Семантика. Синтаксис. Морфология. М.: Наука, 1988. 309 с.

Кибрик А.Е. Русские possessивные конструкции в свете корпусно-статистического исследования // Вопросы языкознания. 2006. №1. С.16–45.

Лурия А.Р. Высшие корковые функции человека. СПб: Питер, 2008. 624 с.

Митренина О.В. Проблемы неоднозначности синтаксического анализа: дисс... канд. филол. наук: 10.02.21. СПб, 2005. 133 с.

Мустайоки А. Коммуникативные неудачи сквозь призму потребностей говорящего // Язык и мысль: современная когнитивная лингвистика. М.: Языки славянской культуры, 2015. С. 543–559.

Падучева Е.В. Статьи разных лет. М.: Языки славянской культуры, 2009. 736 с.

Панов М.В. Позиционная морфология русского языка. М.: Наука, 1999. 275 с.

Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М.: Языки славянской культуры, 2001. 579 с.

Секерина И.А. Психолингвистика // Фундаментальные проблемы современной американской лингвистики. М., 2010. С. 231–260.

Статников А.И. Механизмы понимания логико-грамматических конструкций: данные компьютеризированных тестов // Вопросы психолингвистики. 2013. №1 (17). С. 194–203.

Степанов Ю.С. Индоевропейское предложение. М.: Наука, 1989. 248 с.

Тестелец Я.Г. Введение в общий синтаксис. М.: РГГУ, 2001. 800 с.

Федорова О.В., Янович И.С. Об одном типе синтаксической многозначности, или Кто стоял на балконе. // Сборник трудов Международной конференции «Диалог». М., 2004. С. 644–649.

Черниговская Т.В. Чеширская улыбка кота Шрёдингера: язык и сознание. М.: Языки славянской культуры, 2013. 448 с.

Черниговская Т.В., Алексеева С.В., Дубасова А.В., Петрова Т.Е., Прокопья В.К., Чернова Д.А. Взгляд кота Шрёдингера: регистрация движений глаз в психолингвистических исследованиях. / под. ред. Т.В. Черниговской, Т.Е. Петровой. СПб.: Издательство СПбГУ, 2018. 228 с.

Юдина М.В. Понимание и порождение высказываний с синтаксической неоднозначностью (на примере относительных придаточных в русском языке) // Сборник трудов конференции «Диалог». М., 2006. С. 578–583.

Чернова Д.А., Слюсарь Н.А., Прокопья В.К., Петрова Т.Е., Черниговская Т.В. Экспериментальные исследования грамматики: синтаксический анализ неоднозначных предложений // Вопросы языкознания. 2016. № 6. С. 36–50.

Anttila, A. & Fong, V. (2004). Variation, ambiguity, and noun classes in English. *Lingua*. 114. P. 1253–1290.

Gardiner, A.H. (1932). *The Theory of Speech and Language*. Oxford: At the Clarendon Press, New York Oxford University Press, American Branch.

Sekerina, I. (2003). The Late Closure Principle in Processing of Ambiguous Russian Sentences // *The Proceedings of the Second European Conference on Formal Description of Slavic Languages*. Universität Potsdam, Germany, 1–17.

VALENCY AMBIGUITY RESOLUTION: AN EXPERIMENTAL STUDY WITH REFERENCE TO RUSSIAN

Daria A. Chernova

Senior Researcher of the Laboratory for Cognitive Studies

Saint Petersburg State University

Saint Petersburg, Galernaya St., 58-60

d.chernova@spbu.ru

Mechanisms of parsing in sentence comprehension are widely discussed in psycholinguistics. Syntactically ambiguous sentences are often used to investigate this process as in these sentences grammar allows several interpretations and the listener or the reader has to choose between them. The article examines the processing of syntactically ambiguous sentences with subject and object genitive. We report the results of a psycholinguistic experiment in which native speakers were asked to read a sentence and to make choice between alternative interpretations. Our data show that these two meanings are balanced in mental grammar of a native speaker and the choice is made according to the lexical meanings of the words and extralinguistic factors which guide syntactic ambiguity resolution in this case. More detailed data on syntactic processing can be obtained using inline methods like eye-tracking.

Keywords: ambiguity resolution, syntactic processing, meaning of genitive case

References

- Anisimov V.N., Fedorova O.V., Latanov A.V.* Parametry dvizhenij glaz pri chtenii predlozhenij s sintaksicheskoj neodnoznachnost'ju v russkom jazyke [Eye movement parameters in reading sentences with syntactic ambiguities in Russian]. *Fiziologija cheloveka* [Human Physiology]. 2014. № 5. S. 57–68 (in Russian).
- Gladkij A.V.* Sintaksicheskie struktury estestvennogo jazyka v avtomatizirovannyh sistemah obshhenija [Syntactic structures of natural language in automated systems of communication]. M., 1985. 144 s. (in Russian).
- Dragoy O.V.* Razreshenie sintaksicheskoy neodnoznachnosti: pravila i veroyatnosti [Syntactic ambiguity resolution: rules and probabilities]. *Voprosy yazykoznanija* [Problems of Linguistics]. 2006. № 6. S.44–61. (in Russian).
- Isachenko A.V.* Grammaticheskij stroj russkogo jazyka v sopostavlenii s slovacким. Morfologija. [Grammar of Russian in comparison to Slovak]. M: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2003. 880 s. (in Russian).
- Kasevich V.B.* Semantika. Sintaksis. Morfologija. [Semantics. Syntax. Morphology]. M.: Nauka, 1988. 309 s. (in Russian).
- Kibrik A.E.* Russkie possessivnye konstrukcii v svete korpusno-statisticheskogo issledovanija [Russian possessive constructions in terms of a corpus study]. *Voprosy jazykoznanija* [Problems of Linguistics]. 2006. № 1. S.16–45. (in Russian).
- Lurija A.R.* Vysshie korkovyje funkcie cheloveka. [Higher cortical functions of a human]. SPb: Piter, 2008. 624 s. (in Russian).
- Mitrenina O.V.* Problemy neodnoznachnosti sintaksicheskogo analiza. Diss. na soisk. uch. step. kand. filol. nauk. 10.02.21 [Problems of ambiguity in parsing. Cand. philol. sci. diss]. St.Petersburg, 2005. 133 s. (in Russian).
- Mustajoki A.* Kommunikativnye neudachi skvoz' prizmu potrebnostej govornjashhego [Communication failures through the prism of the speaker's needs]. *Jazyk i mysl': sovremennaja kognitivnaja lingvistika* [Language and Thought: modern cognitive linguistics]. M.: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2015. S. 543–559. (in Russian).
- Paducheva E.V.* Stat'i raznyh let. [Articles of different years]. M.: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2009. 736 s. (in Russian).
- Panov M.V.* Pozicionnaja morfologija russkogo jazyka. [Positional morphology of Russian]. M.: Nauka, 1999. 275 s. (in Russian).
- Peshkovskij A.M.* Russkij sintaksis v nauchnom osveshhenii. [Russian syntax in scientific presentation]. M.: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2001. 579 s. (in Russian).
- Sekerina I.A.* Psiholingvistika [Psycholinguistics]. Fundamental'nye problemy sovremennoj amerikanskoj lingvistiki [Fundamental issues of modern American linguistics]. M., 2010. S. 231–260. (in Russian).
- Statnikov A.I.* Mehanizmy ponimaniya logiko-grammaticheskikh konstrukcij: dannye komp'juterizirovannyh testov [Mechanisms of comprehension of logical grammar constructions: computer tests data]. *Voprosy psiholingvistiki* [Problems of Psycholinguistics]. 2013. №1(17). S. 194–203. (in Russian).
- Stepanov Ju.S.* Indoevropskoe predlozhenie [Indoeuropean Sentence]. M.: Nauka, 1989. 248 s. (in Russian).
- Testelefs Ja.G.* Vvedenie v obshhij sintaksis. [Introduction to General Syntax]. M.: RGGU, 2001. 800 s. (in Russian).

Fedorova O.V., Yanovich I.S. Ob odnom tipe sintaksicheskoj mnogoznachnosti, ili Kto stoyal na balkone. [On one type of syntactic ambiguity or Who stood on the balcony]. Sbornik trudov Mezhdunarodnoy konferentsii «Dialog» [Proceedings of the international conference “Dialogue”]. Moscow, 2004. S. 644–649 (in Russian).

Chernigovskaja T.V. Cheshirskaja ulybka kota Shrjodingera: jazyk i soznanie [Cheshire Smile of Schrödinger’s Cat: Language and Mind]. M.: Jazyki slavjanskoj kul’tury, 2013. 448 s.

Chernigovskaja T.V., Alekseeva S.V., Dubasova A.V., Petrova T.E., Prokopenja V.K., Chernova D.A. Vzgljad kota Shrjodingera: registracija dvizhenij glaz v psiholingvističeskikh issledovanijah. [The Gaze of Schrödinger’s Cat: Eye-tracking in Psycholinguistic Studies] / pod. red. T. V. Chernigovskoj, T.E. Petrovoj. SPb.: Izdatel’stvo SPbGU, 2018. 228 s. (in Russian).

Chernova D.A., Slioussar N.A., Prokopenja V.K., Petrova T.E., Chernigovskaja T.V. Eksperimental’nye issledovanija grammatiki: sintaksicheskij analiz neodnoznachnyh predlozhenij [Experimental studies of grammar: Syntactic analysis of ambiguous sentences]. Voprosy jazykoznanija [Problems of Linguistics]. 2016. № 6. S. 36–50. (in Russian).

Judina M.V. Ponimanie i porozhdenie v yiskazyivaniy s sintaksicheskoj neodnoznachnostyu (na primere odnositelnyh pridatočnyh v russskom yazyike) [Comprehension and production of utterances with syntactic ambiguity]. Sbornik trudov Mezhdunarodnoy konferentsii «Dialog» [Proceedings of the international conference “Dialogue”]. Moscow, 2006. S.578–583 (in Russian)

Anttila, A. & Fong, V. (2004). Variation, ambiguity, and noun classes in English. *Lingua*. 114. S. 1253–1290.

Gardiner, A.H. (1932). *The Theory of Speech and Language*. Oxford: At the Clarendon Press, New York Oxford University Press, American Branch.

Sekerina, I. (2003). The Late Closure Principle in Processing of Ambiguous Russian Sentences // The Proceedings of the Second European Conference on Formal Description of Slavic Languages. Universität Potsdam, Germany, S. 1–17.

УДК 81'23 / DOI 10.30982/2077-5911-2020-43-1-121-131

Е.Д. ПОЛИВАНОВ: 3 ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЯЗЫКА

Яковлев Андрей Александрович

доцент кафедры английского языка
Красноярского государственного педагогического
университета им. В.П. Астафьева
г. Красноярск, ул. Ады Лебедевой, д. 89
mr.koloboque@rambler.ru

Статья посвящена анализу трёх определений языка, данных Е.Д. Поливановым в разных работах и по-разному акцентирующих социальный и индивидуально-психический компонент языка. Язык появляется из объективных социальных потребностей людей во взаимодействии. Сами эти потребности, как и система ассоциаций между словами и представлениями, является лишь предпосылкой языка, однако предпосылкой необходимой. Язык – это относительное тождество индивидуальных языков не произвольно выбранной группы индивидов, а группы индивидов, объединённых регулярным общением, которое не может осуществляться иначе, чем с помощью их индивидуальных языков. Поскольку язык определяется одновременно как явление психики и как явление социального взаимодействия, постольку снимается дихотомия «язык – речь», а также постулат о языке как автономной системе абстрактных знаков. Язык является таким парадоксальным феноменом, который, будучи одновременно физиологическим, психическим и социальным, не сводится ни к первому, ни ко второму, ни к третьему. Такая редукция позволит лишь констатировать наличие некоторых фактов в языке, но не позволит объяснить их через закономерные связи с другими фактами, не относящимися собственно к языку. Анализ общелингвистических суждений Е.Д. Поливанова приводит автора к выводу об их актуальности и важности для современного языкознания и, в частности, психолингвистики.

Ключевые слова: язык, речь, определение языка, терминология языкознания, методология языкознания, Е.Д. Поливанов

Вводные замечания

Определение языка как знаковой системы известно даже людям, далёким от языкознания. Однако оставленное без дальнейших пояснений, такое определение не объясняет сути языка, характера его внутренних и внешних связей. А обращение современных направлений языкознания к явлениям психики и культуры требует именно такого понимания языка.

Регулярно в публикациях последних лет выражается неудовлетворённость широко распространёнными общелингвистическими концепциями, а также представлены попытки найти или построить альтернативу им; см, например: [Глебкин 2014; Залевская, Тогоева 2018; Князева 2018, Кошелев 2017]. В свете этой тенденции стоит отметить, что поиск новой концепции языка, способной стать базой решения комплексных задач, не должен выражаться в отрицании накопленного языкознанием опыта. Напротив, мы полагаем, что поиск такой концепции должен начинаться с обращения к идеям классиков языкознания, которые всем кажутся давно известными и понятными. Именно ка-

жутся, ведь классика (не только в лингвистике и не только в науке) потому и классика, что не стареет и не теряет своей актуальности.

Даже при поверхностном ознакомлении с наследием Е.Д. Поливанова внимание читателя привлекают несколько определений языка, которые не во всём совпадают и могут оставить впечатление некоторой непродуманности. Цель настоящей статьи – сопоставить эти определения именно по их содержанию и показать, что они не противостоят друг другу, а дополняют друг друга и не потеряли своей актуальности в контексте современного состояния языкознания и психолингвистики, в частности. Мы рассмотрим определения языка не в хронологическом порядке, причины чего будут ясны из дальнейшего изложения.

Язык как социальное явление

Первое определение представляет собой самое начало статьи «Круг очередных проблем современной лингвистики», которая относится к 1929 г. и почти полностью посвящена социолингвистическим проблемам. Отсюда и акцент на социальной природе языка в его определении: оно как бы обрисовывает общелингвистический фон, на котором разворачивается дальнейшее обоснование идей автора.

«Никто не будет оспаривать того положения, что язык есть явление социальное. Одно из определений языка гласит: язык есть тожество систем произносительно-слуховых символов, существующих у *n*-ого числа индивидуумов, объединённых кооперативными потребностями в перекрёстной коммуникации. Эта коммуникация, разумеется, только и возможна при том условии, что ассоциации между произносительно-слуховыми представлениями (в частности, представлениями звукового состава слов) и смысловым их содержанием (значениями слов) будут одинаковы у членов языкового общения» [Поливанов 1968: 178].

Над словом *тожество* имеется сноска, которая гласит: «Разумеется, говоря здесь о тожестве систем, не приходится настаивать на полном тожестве всех их деталей во всех индивидуальных мышлениях данного коллектива: те или иные индивидуальные отклонения (в частности, например, дефекты речи и т.п.) могут быть терпимы, поскольку сумма их не вырастает настолько, чтобы препятствовать взаимному пониманию при перекрёстном общении» [Там же]. Интересен последний пассаж сноски, в котором имеющиеся в индивидуальных языках различия ограничиваются и регулируются постоянно повторяющимися актами общения с другими членами социальной группы.

Далее, в качестве приёма *reductio ad absurdum* Е.Д. Поливанов вводит допущение искусственной системы ассоциаций между произносительно-слуховыми (либо другими, например, музыкальными или графическими) знаками и внеязыковыми (смысловыми) идеями. Возникает вопрос: «Можно ли такую произвольно созданную систему считать языком?»

Е.Д. Поливанов отвечает на этот вопрос отрицательно как раз с позиций сформулированного им определения языка. Ответ на него равен ответу на вопрос: «Употребляется ли эта искусственная система кем-либо для коммуникации (хотя бы минимальным коллективом из двух индивидов)?» И без такого социального использования системы это не язык [Там же]. Поэтому язык – это не просто относительное тожество индивидуальных языков некоторой произвольно выбранной группы индивидов, а группы индивидов, объединённых регулярными актами общения, которое не может осуществ-

вляться иначе, чем с помощью их индивидуальных языков. Индивидуальная система произносительно-слуховых символов (образов) – это ещё не язык, а лишь его предпосылка. Пока люди не встроены в систему постоянного взаимодействия друг с другом, обслуживать которое могут их системы произносительно-слуховых символов, язык появиться не может.

Обратим внимание на два следствия из этих суждений. Во-первых, речь – это не фонация, не просто произношение звуков, а способ взаимодействия между людьми. Во-вторых, сущность языка обосновывается и находит своё выражение через речь, следовательно, здесь нет оппозиции языка и речи. Эта идея полностью противоположна идее Ф. де Соссюра, согласно которой акт речевого общения индивидуален и обусловлен просто субъективным *желанием* общаться, а не объективными условиями социального взаимодействия, создающими *необходимость* общения, уже частным случаем которой (особые межличностные отношения двух людей) является желание людей общаться [Соссюр 1977: 49]. По Е.Д. Поливанову, речевой акт обусловлен не желанием одного индивида сообщить что-то другому, а объективной потребностью во взаимодействии, которое может быть осуществлено только с помощью языка или которое эффективнее всего осуществить с помощью языка.

Следовательно, коль скоро нет системы социального взаимодействия людей, организуемого и осуществляемого с помощью системы ассоциаций между произносительно-слуховыми знаками и внеязыковыми идеями, то нет и языка. Но и само это взаимодействие не составляет языка. Для того чтобы искусственная система знаков стала полноценным языком, необходимо наличие людей, заинтересованных в её применении для взаимного общения. Иными словами, необходимо существование коллектива, члены которого объединены потребностями во взаимодействии и неспособного удовлетворить эту потребность какой-либо другой системой знаков [Поливанов 1968: 179].

А поскольку взаимодействие между людьми может осуществляться и в нормальных условиях осуществляется разными средствами, то «...явления языка, т.е. речевого общения, становятся в один ряд с такими видами человеческой деятельности, как письмо, сигнализация, радиотелеграфия и т.д.» [Там же: 57]. Язык, таким образом, может быть понят как *одна из* систем коммуникации. Обращает на себя внимание и фраза «явления языка, т.е. речевого общения», выражающая диалектическое единство этих двух сторон одного и того же явления (язык и речь). По-видимому, эта диалектика была настолько очевидна для Е.Д. Поливанова, что он нигде на ней особо не останавливается. Небезынтересно в этой связи вспомнить, что Л.С. Выготский встраивает язык и речь в систему высших психических функций, в систему психических процессов культурного формирования личности как равноценные этим последним [Выготский 1984. Т. 6: 51–52]. Ср. также: [Выготский 1983. Т. 3: 70–90]. Язык оказывается встроенным одновременно в две системы: систему средств коммуникации и систему высших психических функций, а как нечто отдельное, вне этих двух систем, вне определённой роли в них язык не существует.

Е.Д. Поливанов уже в само определение языка включает обязательность его использования некоторой социальной группой в качестве средства общения. Чтобы язык был языком, весь контингент лиц, побуждаемых специфическими потребностями к обеспечению себя перекрёстной коммуникацией (взаимодействием), должен *сполна* обслуживать эту потребность данным языком. Социальный фактор языка начинает проявляться уже в самом примитивном акте общения. Общение двух людей в самом простом слу-

чае начинается не с субъективного желания одного человека сказать что-то другому, а с объективной потребности во взаимодействии, осуществляемом с помощью языка. А всё более накапливающаяся совокупность таких объективно обусловленных актов социального взаимодействия создаёт предпосылки для языка как явления общесоциального (общегруппового), поскольку для эффективного взаимодействия представители данной социальной группы должны иметь в сознаниях примерно тождественные представления, ассоциируемые с языковыми знаками.

Поэтому произвольно созданный и используемый только несколькими индивидами язык если и возможен, то недолговечен. Наличие языка обусловлено коммуникацией индивидов внутри коллектива, а коммуникация обусловлена их потребностью во взаимодействии. Язык и речь появляются не из совокупности индивидов (не из Робинзонов-одиночек, желающих по непонятным причинам что-то друг другу сообщить), а из совокупности их взаимодействий, из совокупности реальных объективных связей между людьми.

При этом Е.Д. Поливанов учитывает и неоднородность языкового коллектива. Необходимо учитывать, говорит он, что один и тот же индивид является всегда членом разных социально-культурных групп, каждая из которых обслуживает своё общение своим языком (включая сюда как территориальные, так и социально-групповые диалекты). [Поливанов 1968: 180]. Проще говоря, отдельный носитель русского языка на работе говорит на одном русском, в семье – на другом, на приёме в госучреждении – на третьем русском языке и т.д. При всём различии эти варианты обобщённо называются «русский язык»; но в одном случае (при одних целях исследования) эту разницу между ними можно игнорировать, в другом случае её нужно учитывать как некоторый влияющий фактор, в третьем случае – собственно изучать.

В сноске на той же странице указывается: «...реальное бытие языка определяется не только составом кооперативно-спаянного коллектива, но и характером кооперативных связей внутри него» [Там же]. Язык как социальное явление, по Е.Д. Поливанову, лежит не в совокупности индивидов, а между ними – в совокупности их социально-культурных связей и способов взаимодействия.

Каждый индивид входит во множество социальных групп, следовательно, его язык испытывает на себе влияние множества подязыков. Бытие индивидуального языка определяется тем местом, которое данный индивид занимает в коллективе, и местом данного коллектива в социальной «иерархии». Владение языком некоторой социальной группы не только даёт возможность эффективно общаться с её представителями, но и само по себе является показателем, так сказать, симптомом принадлежности человека к этой социальной группе. При этом каждый человек входит во множество социальных групп и, следовательно, совмещает знание и употребление нескольких языков или социолектов. Кроме того, важно учитывать и взаимодействия между представителями разных социальных групп: взаимодействие внутри группы будет обслуживаться одними языковыми средствами, между группами – другими. Отсюда следует, что в реальных фактах лингвисту никогда не дан «язык вообще», а только язык некоторой социальной группы, и лишь абстрагирование от конкретных характеристик этой группы позволяет делать лингвисту обобщения, соответствующие и языкам других социальных групп (порой, впрочем, эти обобщения весьма приблизительны или вовсе ошибочны).

Эта проблема (в сущности, гносеологическая) обобщения наблюдаемых языковых фактов волновала и Е.Д. Поливанова. «Для большинства авторов в лингвистической

литературе характерно просто игнорирование относящихся сюда тем и вопросов. Язык описывается как принадлежность одного какого-то абстрактного индивидуума... для исторического объяснения языка привлекается опять-таки язык такого же абстрактного индивидуума более древней или древнейшей (из доступных анализу) эпохи; о каких-либо соотношениях между коллективом – носителем данного языка и самим описываемым или объясняемым языком нет и помину (в наиболее распространённом типе лингвистических работ)» [Там же: 183]. Именно такого абстрактного индивидуума мы и имеем в «Курсе...» Ф. де Соссюра, в традиционных системно-структурных исследованиях и в некоторых современных трудах, например, по языковой картине мира [Зализняк, Левонтина, Шмелёв 2012: 17–18; Попова, Стернин 2007: 64–66; Языковая... 2006: 34–36].

Разумеется, что возможны исследования, в рамках которых эта проблема попросту не возникает. Однако есть и такие, в которых учёт такой неоднородности языка принципиально важен.

Язык, таким образом, есть способ и форма связи человека с миром и с теми социальными группами, членом которых он является. Язык субъективно переживается человеком как *его язык*, потому что это язык той социально-культурной группы, *внутри* которой человек живёт и осуществляет деятельность. Слово для человека есть *одновременно* и групповое (инструмент общения, взаимодействия), и индивидуальное (инструмент организации собственной психики). Слово существует не в одном, а в двух измерениях – социально-культурном и личностном. Это можно представить в виде двух осей, пределы которых суть крайние случаи значения и личностного смысла слова. Большинство слов «находятся» где-то между этими крайностями, но могут «перемещаться» под воздействием внутренних (личностных) и внешних (социальных) факторов. Слово как групповое явление в пределе есть общекультурное, а в другом пределе – «диалоговое», «парное», понятное только для двоих. Слово как личностное явление в пределе есть интимное, ни с кем не разделяемое, а в другом пределе – несущее общечеловеческие ценности. Другое дело, что в разных словах соотношение общественного и индивидуально-личностного различно (одна из задач лингвистики – изучать изменения этого соотношения и его условия).

Язык как психическое явление

Второе определение языка находим в «Словаре лингвистических терминов», составленном Е.Д. Поливановым, по-видимому, в 1935–1937 гг., но опубликованном только в 1991 г. Примечательно, что собственно статьи «язык» в словаре нет. Определение языка дано в сноске к статье «ассоциация». Саму ассоциацию Е.Д. Поливанов определяет так: «...механизм памяти, т.е. тот процесс мышления, который именно и проводит перед нашим сознанием одно представление за другим. Первое представление влечёт вслед за собою или *привлекает* вслед себе некоторое второе представление, имеющее с первым определённые точки сближения или по сходству или, наоборот, по контрасту, или по смежности и т.д.» [Поливанов 1991: 342–343].

Возможно, контекст, в котором приводится интересующее нас определение, повлиял на то, что в нём акцентируется индивидуальный характер языка. «Язык есть (относительное) тождество системы ассоциаций между внеязыковыми представлениями и их произносительно-слуховыми символами, принадлежащих всем индивидуальным языковым мышлениям некоего коллектива, экономическими условиями предопреде-

лённого к регулярному перекрёстному общению» [Там же: 344]. В данном случае язык коллектива – это совокупность индивидуальных языков. На определённые размышления наводит используемое в этом определении слово *относительное*. Этим словом только подчёркивается отрицательный момент: системы ассоциаций в языковых мышлениях индивидуумов не могут быть абсолютно тождественными. Относительно чего они тождественны? Мы полагаем, что относительно как раз тех условий, в рамках которых индивидуумы осуществляют регулярное взаимодействие. Слова в ментальном лексиконе связаны друг с другом по множеству признаков, из которых в конкретных условиях общения актуализируются лишь необходимые [Залевская 2005: 62, 68]. Коль скоро взаимодействие людей успешно и не приводит к существенным сбоям, то и системы ассоциаций можно считать тождественными, и именно так они переживаются самими людьми. Если считать, что системы ассоциаций в сознаниях индивидов тождественны относительно условий их регулярного общения, то этим вновь снимается дихотомия языка и речи и признаётся их диалектика как двух форм одной сущности.

Как видно, социальный момент в анализируемом определении языка тоже присутствует, но не так явно, как в первом определении. Ср. в этой связи следующее суждение Е.Д. Поливанова: «...роль ассоциации как таковой в лингвистике оказывается настолько огромной, что можно сказать, весь наш язык (речевой процесс) в целом представляет собою не что иное, как совокупность ассоциаций – главным образом, ассоциаций между внеязыковыми представлениями и их языковыми символами (т.е. языковыми представлениями)...» [Поливанов 1991: 343].

Третье определение языка находим в книге «Введение в языкознание (для востоковедных вузов)», которая является учебником для студентов, выпущенным в 1928 г.

Позволим себе сделать здесь небольшое отступление. Нередко приходится слышать, что ссылаться на учебники в научных текстах некорректно. Рецензент в научном журнале может вменить это в упрёк автору и настоятельно рекомендовать убрать такую ссылку или сослаться на какой-то другой труд, а то и вообще на этом основании отклонить статью (если из учебника взяты основные для статьи положения). Однако нетрудно привести ряд примеров фундаментальных трудов, которые были именно учебниками или курсами лекций: лекции Р. Фейнмана по общей физике, учебник С.Л. Рубинштейна по общей психологии, лекции А.Р. Лурии по проблеме языка и сознания, многочисленные лекции М.К. Мамардашвили, лекции Г. Кастлера по теоретической биологии (его книга «Возникновение биологической организации») и т.д. Обратим внимание, что учебник Е.Д. Поливанова тоже содержит оригинальную авторскую концепцию, а не просто сообщает общеизвестные факты.

Вернёмся к тексту Е.Д. Поливанова. Третье определение языка содержательно связано со вторым, но несколько иначе расставляет акценты. «*Языком* я буду называть всякую совокупность или систему ассоциаций между представлениями речевыми (представлениями звуков, слов, частей слов, предложений) и представлениями внешнего мира или так называемыми „внеязыковыми“ (т.е. понятиями, которые выражаются в языке), независимо от того, существует ли эта система в уме большого или малого числа лиц, или даже только в уме одного лица. Таким образом, можно говорить и об *индивидуальном языке*, языке Петрова или Иванова, хотя бы язык Петрова отличался от языка Иванова только одной какой-нибудь чертой...» [Поливанов 2006: 40–41].

Стоит отметить, что такое индивидуальное понимание языка Е.Д. Поливанов называет широким, а узким пониманием – привычное понимание языка как социального

явления. «...В узком смысле слово *язык* может быть употребляемо для объединения целого ряда индивидуальных говоров, являющихся между собою родственными и притом не настолько сильно различающихся друг от друга, чтобы это не препятствовало взаимному пониманию их носителей [здесь дана сноска, о которой ниже. – А. Я.]; вся та масса индивидуальных говоров может делиться на наречия, наречия на поднаречия, поднаречия на диалекты, диалекты на говоры, говоры на подговоры, и эти последние, наконец, будут состоять из индивидуальных говоров» [Там же: 41–42]. Почему такое понимание языка является узким? Е.Д. Поливанов не даёт пояснений на этот счёт. Мы полагаем, потому, что оно не позволяет связывать язык как социальное явление и язык как явление индивидуально-психическое, т.е. трактует их изолированно от тех более широких систем явлений, в которые они естественным образом входят. Кроме того, потому, что индивидуальный язык является по большей части функцией от языка социума; в индивидуальном языке не может быть всего богатства явлений, содержащихся в совокупности индивидуальных языков.

В сноске дано важное уточнение: «Но здесь, разумеется, нельзя установить точного критерия (критерия понимаемости одного языка, *gesp.* наречия, для представителя другого): в одном случае понимание будет достигнуто (например, между османцем и татаринцом, или даже – иногда – якутом), а в другом случае – не достигнуто, что будет зависеть и от темы, и от мыслительных способностей данных индивидуальных лиц. Поэтому-то, принимая в общем указанный критерий (взаимной непонимаемости – для языков и взаимной понимаемости – для наречий), трудно решить являются ли турецкие языки... по отношению друг к другу языками или же наречиями. То же можно сказать и о славянских языках, *gesp.* славянских наречиях...» [Там же: 41]. То, что между итальянцем и французом возможно частичное понимание, не даёт ещё права говорить, что это два диалекта одного языка, поскольку регулярно полного понимания между ними не будет. Здесь снова видна диалектика языка и речи: язык отличается от диалекта по характеристикам речевой деятельности, осуществляемой с их помощью.

Широкий и узкий смысл слова *язык* обусловлен ещё и тем, что во втором случае речь идёт об абстракции: «Строго говоря, только индивидуальный говор и есть нечто вполне определённое с качественной точки зрения, иначе говор – язык, доступный точному описанию. Поскольку мы переходим от индивидуального говора к языку известной группы лиц, мы уже имеем дело с некоторой абстракцией; разумеется, ценно и важно отметить именно то, что является общим для всех членов данной группы, т.е. что имеет социальное значение, но сделать это непосредственно нельзя, так как фактически мы встречаемся только с языком определённого индивидуума, обладающим помимо общих черт и своими индивидуальными особенностями. Правда, существование более или менее единообразного языка, которым пользуются члены известного общения, объединённые единой письменностью, сразу даёт нам большой комплекс общих черт, существующих в языковых мышлениях индивидуумов, входящих в данное общение» [Там же: 42]. Это, по сути, углубление мысли И.А. Бодуэна де Куртенэ: «... Существуют не какие-то витающие в воздухе языки, а только люди, одарённые языковым мышлением...» [Бодуэн де Куртенэ 1963: 181].

Интересно при этом заметить, что язык, подкреплённый письменностью, Е.Д. Поливанов называет литературным и противопоставляет языку как совокупности индивидуальных говоров [Поливанов 2006: 42]. Однако сама письменность в язык не входит. Она, по словам Е.Д. Поливанова, является «привеском к системе речевого обмена», а

орфография является соответствующим привеском к языкознанию [Там же: 26]. Учение о графике и орфографии является скорее частью практического изучения языков (как сейчас сказали бы, лингводидактики), чем частью собственно языкознания.

В свете приведённых определений языка интересно ещё одно суждение Е.Д. Поливанова: «...язык есть явление физическое, психическое и социальное; точнее, в составе языковой деятельности имеются факты физического, психического и социального порядка; отсюда и лингвистика, с одной стороны, является наукой естественноисторической (соприкасаясь здесь с акустикой и физиологией), с другой стороны – одной из дисциплин, изучающих психическую деятельность человека, и, в-третьих, наукой социологической» [Поливанов 1968: 182]. Представляется, что в слово *физическое* нужно вкладывать значение «физиологическое», поскольку эти явления могут быть объективированы в виде показаний приборов, измерений и т.д. (на это намекает и сам автор в уточнении в скобках).

Можно, однако, поспорить с Е.Д. Поливановым насчёт того, что в языке имеются факты физического, психического и социального порядка – т.е. как некоторые отдельности. Вернее было бы говорить о языке как континууме явлений, которые в разных условиях и при разных методах их наблюдения удобнее описывать с позиций физиологии, психологии или социологии. Но сами языковые явления всегда обладают единством множества свойств. Язык оказывается таким парадоксальным феноменом, который, являясь одновременно физиологическим, психическим и социальным, не сводится ни к первому, ни ко второму, ни к третьему.

Коль скоро язык встроен в систему коммуникации и психики, то большинство языковых явлений могут быть объяснены только с позиций этих более широких систем, как их частные случаи. Но эти последние и соответствующие им методы познания мешают увидеть в языке другие свойства (что не означает, что этих свойств у языка в данный момент нет).

Невозможно познать законы языка, если искать их отдельно в физиологических, индивидуально-психических или в социальных процессах. Поэтому, как и всякая наука, языкознание, по Е.Д. Поливанову, не просто фиксирует или констатирует наличие определённых фактов, а показывает их закономерные причинно-следственные связи с другими, внешними по отношению к языку, фактами.

Выводы

Подведём итог сказанному. Язык, по Е.Д. Поливанову, – это относительно тождественная у разных людей система ассоциаций между представлениями об объектах и явлениях мира и представлениями о материальной форме знаков, служащая для осуществления взаимодействия с другими людьми по правилам и нормам той социальной группы, к которой они принадлежат. Язык не существует сам по себе и для самого себя, а именно для организации собственного поведения человека и поведения других людей. Уместным было бы вспомнить здесь другого отечественного классика – Ф.Ф. Фортунатова: «Язык, как мы знаем, существует главным образом в процессе мышления и в нашей речи, как в выражении мысли, а кроме того, наша речь заключает в себе также и выражение чувствований. Язык представляет поэтому совокупность знаков главным образом для мысли и для выражений мысли в речи, а кроме того, в языке существуют также и знаки для выражения чувствований» [Фортунатов 1956: 111].

Обратим внимание, что ассоциация, по Е.Д. Поливанову, – это «процесс мышления». Следовательно, язык суть *система процессов*, встроенная в две более широкие системы процессов (психика и взаимодействие с другими людьми) и выполняющая в них определённые функции (разные в разных условиях). А современное языкознание и особенно психолингвистика нуждается именно в таком понимании языка, которое позволяло бы соединить социально-культурные явления (ценности, нормы, стереотипы и т.д.) с явлениями психики и сознания человека, причём не как статичные элементы с однозначно заданными связями, а как процессы, воспроизводящиеся в деятельности человека.

Литература

Бодуэн де Куртене И.А. Избранные труды по общему языкознанию. В 2 т. Т. 2. М.: Изд-во Академии наук СССР. 1963. 391 с.

Выготский Л.С. Собрание сочинений: в 6 т. М.: Педагогика, 1982–1984. Т. 3: Проблемы развития психики / Под ред. А.М. Матюшкина. 1983. 368 с. Т. 6: Научное наследие / Под ред. М.Г. Ярошевского. 1984. 400 с.

Глебкин В.В. Смена парадигм в лингвистической семантике: от изоляционизма к социокультурным моделям. М., СПб.: Центр гуманитарных инициатив; Университетская книга, 2014. 368 с.

Залевская А.А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст: Избранные труды. М.: Гнозис, 2005. 543 с.

Залевская А.А., Тогоева С.И. Некоторые вопросы общетеоретического потенциала современных исследований языка // Вестник Тверск. гос. ун-та. Сер. «Филология». 2018. № 4. С. 56–66.

Зализняк Анна А., Левонтина И.Б., Шмелёв А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира: Сб. ст. М.: Языки славянской культуры, 2005. 544 с.

Князева Е.Г. Когнитивная наука и основы лингвистического знания // Вестник Тверск. гос. ун-та. Сер. «Филология». 2018. № 2. С. 34–38.

Кошелев А.Д. Очерки эволюционно-синтетической теории языка. М.: Издательский Дом ЯСК, 2017. 528 с.

Поливанов Е.Д. Статьи по общему языкознанию. М.: Наука, 1968. 376 с.

Поливанов Е.Д. Труды по восточному и общему языкознанию. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. 623 с.

Поливанов Е.Д. Введение в языкознание (для востоковедных вузов). Изд. 3-е, стереотипное. М.: КомКнига, 2006. 232 с.

Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: Восток – Запад, 2007. 314 с.

Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977. 696 с.

Фортуатов Ф.Ф. Избранные труды. В 2 т. Т. 1. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство, 1956. 450 с.

Языковая картина мира и системная лексикография / отв. ред. Ю.Д. Апресян. М.: Языки славянских культур, 2006. 910 с.

THREE DEFINITIONS OF LANGUAGE BY EVGENY D. POLIVANOV

Andrey A. Yakovlev

Assistant professor

Department the English language

Krasnoyarsk state pedagogical university named after V.P. Astafiev

89, Ada Lebedeva st., Krasnoyarsk, Russia

mr.koloboque@rambler.ru

The paper discusses the three definitions of the language given by Evgeny D. Polivanov in his different works. They accentuate in different ways the social and individual psychological aspects of the language. Language comes from the objective social needs of people in the interaction. These needs themselves, as well as the system of associations between words and representations, is only a prerequisite of the language, but a prerequisite necessary. Language is the relative identity of individual languages of not any group of individuals, but a group of individuals united by regular communication which cannot be done otherwise than using their individual languages. Since language is defined simultaneously as a phenomenon of the mind and as a phenomenon of social interaction, the “language – speech” dichotomy is removed, as well as the postulate of language as an autonomous system of abstract signs. Language is such a paradoxical phenomenon, which, being both physiological, mental and social, is not reduced to physiology, mind and social phenomena. Such a reduction does not allow explaining linguistic facts through regular connections with other facts that are not related to the language itself. Analysis of general linguistic judgments by Evgeny D. Polivanov leads the author to the conclusion about their relevance and importance for modern linguistics and, in particular, psycholinguistics.

Keywords: language, speech, language definition, terminology of linguistics, methodology of linguistics, Polivanov

References

Baudouin de Courtenay I.A. Izbrannye trudy po obshhemu jazykoznaniju [Selected works on general linguistics. In 2 v. V. 1] Moscow: Izd-vo Akademii nauk SSSR. 1963. 391 p. Print. (In Russian)

Fortunatov F.F. Izbrannye trudy [Selected works. In 2 v. V. 1]. Moscow: Gosudarstvennoe uchebno-pedagogicheskoe izdatel'stvo, 1956. 450 p. Print. (In Russian)

Glebkin V.V. Smena paradigm v lingvisticheskoy semantike: ot izoljacionizma k sociokul'turnym modeljam [Paradigms shift in linguistic semantics: from linguistics to sociocultural models]. Moscow, Saint-Petersburg Centr gumanitarnyh iniciativ; Universitetskaja kniga, 2014. 368 p. Print. (In Russian)

Jazykovaja kartina mira i sistemnaja leksikografija [Linguistics world view and system lexicography]. Moscow: Jazyki slavjanskih kul'tur, 2006. 910 p. Print. (In Russian)

Knjazeva E.G. Kognitivnaja nauka i osnovy lingvisticheskogo znanija [Cognitive science and basics of the linguistic knowledge]. Vestnik Tversk. gos. un-ta. Ser. «Filologija» [Journal of Tver state university: Series: Philology]. 2018. № 2. P. 34–38. Print. (In Russian)

Koshelev A.D. Oчерki jevoljucionno-sinteticheskoy teorii jazyka [Essays on the evolutionary-synthetic theory of language]. Moscow: Izdatel'skij Dom JaSK, 2017. 528 p. Print. (In Russian)

Polivanov E.D. Stat'i po obshhemu jazykoznaniju [Articles on general linguistics]. Moscow: Nauka, 1968. 376 p. Print. (In Russian)

Polivanov E.D. Trudy po vostochnomu i obshhemu jazykoznaniju [Works on eastern and general linguistics]. Moscow: Nauka. Glavnaja redakcija vostochnoj literatury, 1991. 623 p. Print. (In Russian)

Polivanov E.D. Vvedenie v jazykoznanie (dlja vostokovednyh vuzov) [Introduction to linguistics (for Asian studies universities)]. Moscow: KomKniga, 2006. 232 p. Print. (In Russian)

Popova Z.D., Sternin I.A. Kognitivnaja lingvistika [Cognitive linguistics]. Moscow: AST: Vostok – Zapad, 2007. 314 p. Print. (In Russian)

Sossure F. de. Trudy po jazykoznaniju [Works on linguistics]. Moscow: Progress, 1977. 696 p. Print. (In Russian)

Vygotsky L.S. Sobranie sochinenij [Collection of works. In 6 v.]. Moscow: Pedagogika, 1982–1984. V. 3: Problemy razvitija psihiki / Pod red. A.M. Matjushkina. 1983. 368 p. V. 6: Nauchnoe nasledstvo / Pod red. M.G. Jaroshevskogo. 1984. 400 p. Print. (In Russian)

Zalevskaya A.A. Psiholingvisticheskie issledovanija. Slovo. Tekst: Izbrannye trudy [Psycholinguistic works. Word. Text. Selected works]. Moscow: Gnozis, 2005. 543 p. Print. (In Russian)

Zalevskaya A.A., Togoeva S.I. Nekotorye voprosy obshheteoreticheskogo potentsiala sovremennyh issledovanij jazyka [Some questions of the theoretical potential of the modern linguistic investigations]. Vestnik Tversk. gos. un-ta. Ser. «Filologija» [Journal of Tver state university: Series: Philology]. 2018. № 4. P. 56–66. Print. (In Russian)

Zaloznjak Anna A., Levontina I.B., Shmel'gov A.D. Kljuchevye idei russkoj jazykovoj kartiny mira. [Key ideas of the Russian linguistic worldview]. Moscow: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2005. 544 p. Print. (In Russian)

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ ШТУДИИ

УДК 811'23 / DOI 10.30982/2077-5911-2020-43-1-132-138

ОТРИЦАНИЕ И НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ В ЯЗЫКЕ И ЛОГИКЕ

Красухин Константин Геннадьевич

доктор филологических наук,
заведующий сектором общей компаративистики
Института языкознания РАН,
125009 Москва, Б. Кисловский переулок, д. 1., стр.1
krasukh@mail.ru

В статье рассматривается языковое выражение отрицания и соответствие ему в логике. Подчёркнуто, что показатели отрицания по происхождению местоименные, указывают на отдалённые от говорящего предметы, внеположные ему. Такие основы могут получить и значение неопределённости. С другой стороны, по общим логическим законам, тотальное отрицание отрицает именно неопределённость как синоним существования. Таким образом, перед нами своеобразный парадокс языка, имеющий, однако, параллели и в других языковых единицах.

Ключевые слова: отрицание, неопределённость, местоимения, лингвистика, логика

1. Отрицание в языке – сложная и многоплановая проблема. Отрицание может касаться единичного предмета, ситуации, положения вещей в целом. Как показывает и поверхностный взгляд, и более углублённое исследование, отрицание оказывается тесно связанным с категорией определённости/ неопределённости. С этим связана двузначность префикса *не-* и, в частности, наречия *некогда*. С другой стороны, в русском языке противостоят друг другу частицы *не* и *ни*. Обе обозначают отрицание, и в качестве самостоятельных слов образуют оппозицию не семантическую, а чисто синтаксическую: *ни* употребляется ограниченно, для усиления *не*: *Ни один пред грозой не трепещет, ни один не свернёт паруса* (Н. Гумилёв, «Капитаны»). Напротив, *не* обозначает отрицание самых различных предметов и ситуаций. Она присоединяется к топикальному члену предложения, отрицая задаваемую им ситуацию. Нарушение этого правила приводит к комическому эффекту: *Вьнь руки карманы аус! Не нос тереби!* (Е. Шварц, «Голый король»). Частица же *ни* возможна там, где рема совпадает с грамматическим сказуемым. Она присоединяется к любому члену предложения, связанному со сказуемым, снабжённым отрицанием; *ни* подчёркивает тотальность этого отрицания (*я тебя никогда не забуду; Не скажут ни камень, ни крест, где легли во славу российского флага*, – Е. Студенская, «Варяг»). Для её постановки необходимо, чтобы член предложения либо указывал на неединичную сущность, либо чтобы их было несколько. Именно в этом случае отрицание распространяется не на один объект, а на целый их класс.

1.1. Иное значение префиксов *не-/ни-* в сложных местоименных основах-композициях. Первый иногда придаёт вовсе не отрицательное, а неопределённое значение:

Таблица № 1

	<i>некто</i>	<i>нечто</i>	<i>нечего</i>	<i>негде</i>	<i>некогда</i>
Отрицание	—	—	+	+	+
Неопределённость	+	+	—	— (+)	+

Это возникло благодаря омонимии древнерусских частиц *не* ‘нет’ и *нѣ* ‘примерно, приблизительно, может быть’: *Кораблиць нѣ до пятииды обрѣтъвѣся* (Синодальный патерик XI в., 98) ‘Лодок примерно до пяти обрёл’ (bal(n) (j pšnte gŭroij); *азъ же помыслихъ реки: нѣ вдова есть да бѣдуйнѣк тот творить* (Син. пат. XI, 373) ‘Я же подумал, сказав: вероятно, она вдова, поэтому кто-то может причинить ей несчастье’ (elogis(mhn), Ōtichr(o)(sakatapone(sqaiŌpŌtinin)). И в языке XII–XVII вв. имеются дублиеты *негде* ‘нигде’/ *нѣгде* ‘где-то’, *некто* ‘никто’/ *нѣкто* ‘кто-то’, *некогда* ‘нет времени’/ *нѣкогда* ‘когда то’, *неколи*/ *нѣколи* тем же значением.

Ср: *Вижу, а негде читаю, что богънамъ власть подалъ другъ друга осудити* (Lud 87, 1696 г.= *нигде не читаю*) vs. *Та рыба привезена после твоего письма спустя многого время, а знатно, нѣгдѣ ее теплынъ позахватила* (Грамотки 23, 1665 г. = *где-то захватила*)

Ты... бездѣльеговоришь и пишешь, некто тебя пытается (Иван Грозный королю Швеции, 1573) vs. *И нѣкто отъ предстоящихъ велѣльмнѣ той крест поцеловати* (Пустоз. сб. 236 XVII в.)

Такое ружье въ той ценѣ в твою, великого государя, казну некогда никто не ставиль (Гекд. 69, 1661) vs. *Нѣкогда бо имѣхъ диакона... любима влаврѣ* (Син. пат. 359, XI в.)

1.1.1. Кроме того, в фольклоре и древнерусском языке имеется частица *не*, обозначающая сравнение: ‘чем, как’ *Нам, тебѣ и мнѣ, преже<е>не дватцат<ь> четыре часа минутца, умерет<ь> будет* (Куранты, 104, 1628) ‘Нам, тебе и мне, прежде чем минет двадцать четыре часа, придѣтся умереть’. Она, подобно многим частицам, могла присоединять к себе группы других частиц: *нежели*. Ср. ещё песенные зачины: *Что не пыль в полѣ подымается... Не туманъ сизый съраздолу подымается* (В.И. Даль)

1.1.2 Можно отметить также *некий*, *некоторый*, не имеющие параллелей в композитах с *ни*. Таким образом, можно утверждать, что в русском языке частица *не* имела, по крайней мере, два значения: отрицания и сравнительности. После слияния фонем /e/ и /ѣ/ появилось и значение неопределѣнности. Таким образом, проблему можно сформулировать так: 1) общее ли происхождение у этих частиц, и почему в образовании неопределѣнных местоимений приняла участие частица *не*.

1.2 Сравнительная и отрицательная частицы, безусловно, суть одно и то же. Их соотношение напоминает аналогичные партикулы того же происхождения в древнеиндийском: *na* ‘не’ и ‘как’. При сказуемом эта частица обозначает только отрицание: *sātūtāvanānāmaśnotiaṃhatīr* (RigVeda I 94, 2) ‘Он силѣн, он не впадает в нужду’. Если же частица стоит после имени и к нему относится, она выражает сравнение: *ṛṣidviṣe... iṣumnāsṛjatadvīṣam* (RigVeda I 39, 10) ‘Против врага певцов пустите, как стрелу, ненависть’. Таким образом, отрицание и сравнение оказываются связанными между собой: «А не В» → «А имеет сходство с В, не будучи им». Что же касается неопределѣнной частицы, то М. Фасмер ссылается на старое мнение, согласно которому неопределѣнное *нѣ* происходит из **nevĕ(dĕ)* ‘не знает’, справедливо подчёркивая его неубедительность. Перед нами, вне всякого сомнения, обычная частица **nĕ*, представленная в лат. *nĕ-ve*, гот. *nĕ*, др.-инд. *nā*, др.-ирл. *ní*, греч. *nĕ*. Проблема, однако, в том, что именно в славянских языках частица с долготой стала обозначать неопределѣнность; ср. также лит. *kāsnĕkās* ‘кто-то’ (дословно ‘кто не/ни кто’) при простом негативном *nĕ*. О.Н. Трубачёв полагает, что это вторичная «аффективная» долгота. Если отождествление

славянской и литовской частиц справедливо, то мы должны восстановить в частице с долгой ларингал: **neh_l*- (отразившийся в литовском как акут, с сокращением конечного слога по закону Лескина). Что же касается частицы *ни*, то она, подобно лит. *neĩ* ‘ни’, лат. *nī* ‘чтобы не’, происходит из сочетания **neei*. Как вполне аргументированно полагал О.Н. Трубачёв, **neei* представляет собой инверсиюсочетания **eine* (>*и не*), с чем и связано усилительное значение частицы *ни*.

2. Остановимся на происхождении этой частицы. Она широко представлена в большинстве индоевропейских языков: лат. *ne*, *non*, гот. *na* (др.-англ. др.-в.-нем. *ne*, англ. *not*), др.-инд. *na*, хетт. *natta*. Её сравнивают с указательным местоимением [Persson 1893; Brugmann 1904] – третьим членом системы индоевропейских указательных местоимений – т.наз. **sātānā*, где первая основа указывает на местоимение, ближе к говорящему, вторая – к слушающему, третья – на предмет, отдалённый от участников диалога. Местоимение **ne-/no-*, вариант **eno-/ono-* представлено так: греч. *ke*(*noj*<*ke-enoj*, (*nh* ‘последний день месяца’; слав. *онъ*(с весьма характерным значением в сочетаниях *онъсвѣтъ*, *онъпольрѣки*, где оно указывает на отдаление от реальности); лит. *ānas* ‘он’, *anà* ‘она’; хетт. *annis* ‘этот’. Более подробно (с литературой) набор указательных местоимений описан в [Красухин 1992; 2004:]. Другие местоименные основы, превратившиеся в выразителя отрицания, тоже могли обозначать отдаление: греч. *οὐ* ‘не’ может быть сравнено с др.-инд. *as-au* ‘тот’, возможно, и с латинской приставкой удаления (*au-ferre* ‘относить’). Возможно, сюда же относится и древнерусско-церковнославянская приставка *оу-*: *оубогъ* ‘бедный’ (= лишённый бога, т.е. блага, богатства), *оувѣкъ* ‘слабость, увечье’ (= отсутствие силы). Хеттское модальное отрицание *lē* ‘да не’ можно сравнить с лат. *ille* ‘тот’, *olim* ‘когда-то’, с русским диалектным *лони(сь)* ‘в прошлом году’. От этого корня образовано и неопределённое *eullus* ‘некий’. Таким образом, можно предположить семантический процесс, претендующий на то, чтобы стать фреквенталией (в понимании Б.А. Серебренникова [Серебренников 1974]): Отдалённость → Неопределённость → Отрицание. Что касается элемента **-h_l*, наличествующем в о.-слав. **ně*, литовском *nė*, то можно высказать гипотезу о его тождестве с флексией индоевропейского инструменталя (лат. *lupō*, авест. *vəhrkā* ‘волком’ < **ul^hk^o-h_l*). Творительный падеж нередко образует наречия, обозначающие включение в определённый пространственный или временной фрагмент мира: *путём*, *весной*. И частица **nē/neh_l* означала «там, вдалеке» (с дальнейшим развитием значений).

2.1 Неопределённые местоимения состоят из ударной частицы и безударной формы вопросительного местоимения. Это тоже находит параллели: в древнегреческом, как и во многих других индоевропейских языках, одно и то же местоимение под ударением является вопросительным, без ударения — относительным: *t...j* ‘кто?’ vs. *tij*: ‘кто-то, какой-то’ (*t...j d* (b...oj); “что за жизнь?” vs. (*nqrwpOj tij* “некий человек”).

2.1.1 Неопределённые местоимения образовывались также при присоединении к основе относительного местоимения (этих безударных местоимений: *Oj* ‘который’ vs. *Ōstij*: ‘всякий, кто’. Определённо-относительное местоимение противостояло неопределённо-относительному (общеотносительному) местоимению. Аналогично соотносятся *poà* ‘где?’ — *Opou* ‘где-то’ ((*pou*); *pŌteroj* ‘который?’ — (*pŌteroj* ‘какой-то’; *pŌte* ‘где?’ — *Opote* ‘где-то’ ((*potš*). Отрицательные же местоимения представляют собой соединение негативных частиц с энклитиками вопросительных: *o(tij, m(tij* ‘никто’ (со строгим совпадением во внутренней форме с русским *никто*, древнерусским *некто*).

2.2 В латинском языке тоже существует оппозиция ударных вопросительных местоимений и безударных неопределённых и общеотносительных, занимавших в синтагме 2-е место (по закону Вакернагеля). С отрицательной частицей такое местоимение становилось общеотрицательным: *quis* ‘кто?’ vs. *nequis* ‘никто’ (*caveant consules, nequid detrimint res publicae capiat* “пусть консулы обеспокоятся, чтобы республика не понесла какого-нибудь (никакого) ущерба”).

2.2.1. Как и в греческом, латинские неопределённые местоимения содержат энклитические вопросительные: *quisquis, quidam, aliquis; utquam* < **k^uum*-. Иная основа – *ullus* < **ol-nos*, происходящее из дальнего местоимения (см. выше). Отрицание с такой энклитикой носит общий характер: *nequis, numquam, nullus*. Частное же отрицание передаётся местоимением *neuter* ‘ни тот, ни другой’, образованного от *uter* ‘один из двух’ (**k^uu-tero*). Все эти этимологии свидетельствуют о том, что общее отрицание отрицает неопределённость, а частное – конкретный факт. Латинские и греческие местоимения по внутренней форме напоминают немецкое *irgend* ‘только, как-нибудь’ (< **ies-k^uem*). Его отрицание выражено частицей **ne*: *nirgend*.

2.3. В ряде европейских языков в качестве маркера неопределённости используется имя «человек», которое становится подлежащим неопределённо-личных предложений: лат. *homodicit* ‘говорят’. Возможно, под влиянием латинского сформировались германские показатели: нем. *man; jemand* “кто-то, некто” < **ie-man*, отрицание – *niemand*. Второй элемент композита *-man* функционально уподобился корню **-k^u-*: он переводит всю основу в разряд неопределённых. В древнеанглийском то же имя выполняет сходные функции: *mansealde = onesold*. Развитие *one* как неопределённо-личного показателя произошло под влиянием французского: лат. *homolegit* ‘читают’ > франц. *onlit, on + one* (др.-англ. *ān*) > новое *one*.

3. Итак, важнейшей частью общего отрицания оказалась неопределённость. С этим связано участие в отрицательных формах числительного «один», которое тоже может обозначать неопределённую субстанцию: лат. *non* < **no-oinom* = нем. *nein* < **ne-ain* = др.-англ. *nān* < **ne-ān* (> *none*). Потенциально это числительное существует и в упоминавшемся *ni* < **ne-ei*. Местоименный корень **ei-/oi-* вместе с формантами *-k-*, *-v-*, *-n-* и образует данное числительное: **ei-k-* > др.-инд. *eká-*; **ei-v-* > греч. о(#o)j, авест. *aewo*, др.-перс. *aiva-*; **ei-n-* > греч. о(nh), лат. *unus*, ст.-лат. *oinos*, гот. **ains*, слав. *инь*). Отрицаемое существование может выражаться и маркерами экзистенции (именными и глагольными): *несть* < **не-есть*; нем. *nicht* < **ne-wicht* < **ne-uek^uti* (ср. слав. *вещь*).

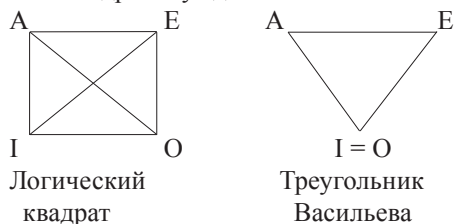
3.1. Таким образом, общая негация – это отрицание неопределённости, т.к. неопределённость обозначает существование предмета. Это соотношение находит прямые параллели в логике, где квантор существования утверждает наличие хотя бы одного предмета, входящего в класс, а его отрицание – пустоту класса:

$$((\sim 0; \sim ((0; \sim ((((\& (); (((\sim (\& \sim 0).$$

(– квантор существования, (– квантор общности, (– йота-оператор, показатель определённости (– равнозначно, ~ – отрицание):

Особенность языкового выражения отрицания, как мы убедились, заключается в том, что истоки его и существования могут быть тождественными. Это общая черта местоимений, обозначающих экзистенцию: они могут указывать и на какую-либо сущность, и на противостоящую ей субстанцию: др.-русс. *инь* ‘один’ – *иной*.

4. Напоследок кратко очертим специфику отрицания в классической логике и неклассической логике Н.А. Васильева [Васильев 1989]. Вместо классического логического квадрата суждений Н.А. Васильев предлагает треугольник:

A – общеутвердительные суждения,
 E – общеотрицательные,
 I – частноутвердительные,
 O – частноотрицательные.

4.1 В двузначной логике соотношения высказываний таково: 1. A–E – контрарность (суждения могут быть одновременно ложными, но не могут быть одновременно истинными); A–O, E–I – контрадикторность (суждения не могут быть одновременно ни истинными, ни ложными), I–O – субконтрарность (суждения могут быть одновременно истинными, не могут быть одновременно ложными), A–I, E–O – подчинение (если истинно общее суждение, то истинно и частное; истинность частного суждения оставляет открытым вопрос об общем). Иными словами, полностью отрицают друг друга только общие и частные суждения разных модусов; общее отрицание противоречит не общему, а именно частному утверждению. Именно поэтому в языке общее отрицание образовано от слов, указывающих на неопределённость.

4.2 По Н.А. Васильеву, логический квадрат подразумевает следующую трактовку частных суждений: Некоторые S суть P = «Некоторые, а может быть, все...». Иная трактовка: «Только некоторые...» В этом случае частноутвердительные суждения не субконтрарны, а синонимичны частноотрицательным («Только некоторые S суть P» = «Некоторые S не суть P»). Отношения всех модусов выглядят так: A–E; A– (I = O); E– (I = O) – контрарность. Возможный мир логического квадрата содержит неполное знание; в нём остаётся место неопределённости, и полное отрицание противоречит прежде всего неопределённости. В мире треугольника Васильева господствует полное знание; в нём нет места неопределённости и, следовательно, противоречиям. Отрицаются всегда определённые суждения. Васильев также построил и гипотетическую логику без отрицания. Отрицание возможно только там, где может иметь место ошибка. В мире безошибочных суждений возможно только утверждение. Это, очевидно, «божественная логика». Отрицание же всегда – плод анализа и сомнения. Язык допускает неопределённость, в т.ч. и «некоторые, а может быть и все». Поэтому он соответствует модусам прежде всего классической аристотелевой логики (ср. [Бенвенист 1974]).

Литература

- Бенвенист Э. Категории языка и категории мышления // Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. С. 62–75.
- Васильев Н.А. Воображаемая логика. М.: Наука, 1989. 232 с.
- Красухин К.Г. Дейктические элементы в категориях глагольного времени и наклонения // Человеческий фактор в языке: Коммуникация. Модальность. Дейксис/ отв. ред. Т.В. Булыгина. М.: Наука, 1992. С. 386–400.
- Красухин К.Г. Аспекты индоевропейской реконструкции: Акцентология. Морфология. Синтаксис. М.: Языки славянской культуры, 2004. 452 с.
- Серебрянников Б.А. Вероятностные обоснования в компаративистике. М.: Наука, 1974. С. 352.
- Трубачёв О.Н. (отв. ред.) Этимологический словарь славянских языков. М.: Наука, 1997. Вып. 24.
- Трубачёв О.Н. (отв. ред.) Этимологический словарь славянских языков. М.: Наука, 1999. Вып. 25.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М.: Русский язык, 1986. Т. III.
- Brugmann, K. (1904). Die Demonstrativa der indogermanischen Sprachen. Leipzig: Teubner, 52 p.
- Dunkel, G. (2014). Lexikon der indogermanischen Partikeln. Heidelberg: Carl Winter, 504 p.
- Persson, P. Über den demonstrative Pronominalstamm *no-/ne-* und Verwandtes // Indogermanische Forschungen, 1893, Bd. II. S. 123–170.

NEGATION AND INDEFINITENESS IN LANGUAGE AND LOGIC

Konstantin G. Krasukhin

Doctor of Philology

Head of department of Comparative Linguistics

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences

125009, 1/1 Bolshoi Kislovskij pereulok, Moscow, Russia

krasukh@mail.ru

Author treats the language expression of negation and its correspondence in logic. One must assert that the negative markers are originated from pronouns meaning the remoteness from speaker, treating the alien world for him. Such stems can also denote the indefiniteness. On the other side, according the laws of logic, the general negation denies especially the indefiniteness, as an existence. Here there is a linguistic paradox, known also in some other language units.

Keywords: negation, indefiniteness, pronouns, linguistics, logic

References

- Benveniste É. Kategorii jazyka i kategorii myshlenija [Categories of language and categories of thinking] // Obshhaja lingvistika [General linguistics]. М.: Progress, 1974. S. 62–75. (in Russian).

Vasil'ev N.A. Voobrazhaemaja logika [Imaginary logic]. M.: Nauka, 1989. 232 s. (in Russian).

Krasukhin K.G. Dejkticheskie elementy v kategorijah glagol'nogo vremeni i naklonenija [Deictic elements in the categories of tense and mode] // Chelovecheskij faktor v jazyke: Kommunikacija. Modal'nost'. Dejksis [Human factor in language: Communication. Modality. Deixis] / Ed. T. Bulygina. M.: Nauka, 1992, S. 386–400. (in Russian).

Krasukhin K.G. Aspekty indoevropskoj rekonstrukcii: Akcentologija. Morfologija. Sintaksis [Aspects of Indo-European reconstruction: Accentuation. Morphology. Syntax]. M.: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2004. 452 s. (in Russian).

Serebrennikov B.A. Verojatnostnye obosnovanija v komparativistike [Probabilistic foundations in comparative linguistics]. M.: Nauka, 1974. 352 s. (in Russian).

Trubačev O.N. (ed.) Jetimologičeskij slovar' slavjanskih jazykov [Etymological dictionary of Slavic languages]. M.: Nauka, 1997, v. 24. (in Russian).

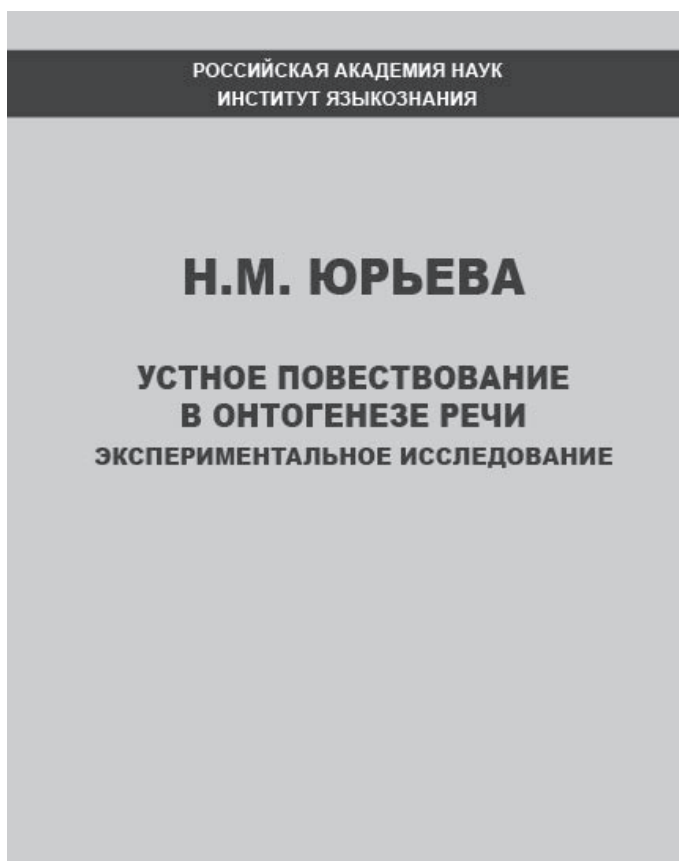
Trubačev O.N. (ed.) Jetimologičeskij slovar' slavjanskih jazykov [Etymological dictionary of Slavic languages]. M.: Nauka, 1999, v. 25. (in Russian).

Fasmer M. Jetimologičeskij slovar' russkogo jazyka [Etymological dictionary of Russian language]. M.: Russkij jazyk, 1986. V. III.

Brugmann, K. (1904). Die Demonstrativa der indogermanischen Sprachen. Leipzig: Teubner. 52 p.

Dunkel, G. (2014). Lexikon der indogermanischen Partikeln. Heidelberg: Carl Winter, 504 p.

Persson, P. (1893). Über den demonstrative Pronominalstamm *no-/ne-* und Verwandtes // Indogermanische Forschungen, Bd. II. p. 123–170.

Юрьева Н.М. Устное повествование в онтогенезе речи. Экспериментальное исследование / Н.М. Юрьева; Рос. Акад. Наук, Институт языкознания. – М. – Ярославль: Издательство Канцлер, 2020. 192 с.

Книга посвящена изучению особенностей генезиса устного нарратива в речи русскоязычных детей дошкольного возраста от трех до 7 лет.

Исследование проводилось в русле психолингвистической концепции А.М. Шахнаровича с использованием экспериментально-генетического метода, имеющего положительный опыт применения в других областях речевого онтогенеза.

Работа характеризуется интегрированностью экспериментально-генетического метода с когнитивно-дискурсивным и интерактивным подходами к осмыслению изучаемого явления и анализу дискурсивного материала.

Для широкого круга лингвистов, преподавателей и студентов гуманитарных факультетов.

Приобрести книгу Надежды Михайловны Юрьевой можно в отделе экспериментальных исследований речи Института языкознания РАН по адресу: 125009, Москва, Большой Кисловский пер. 1 стр. 1, или по e-mail: o.yuriev@list.ru

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПРОЕКТЫ В РЕГИОНАХ

УДК 81'33 / DOI 10.30982/2077-5911-2020-43-1-140-161

АССОЦИАТИВНЫЕ СЛОВАРИ В КАЗАХСТАНЕ И КАЗАХСТАНСКИЕ
ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Дмитрюк Наталья Васильевна

доктор филологических наук, профессор,
Южно-Казахстанский педагогический государственный университет,
160012, Казахстан, г. Шымкент, ул. Байтурсынова, 13,
Южно-Уральский государственный университет,
454080, Россия, г. Челябинск, пр. Ленина, 76.
nvdmitr@yandex.ru

В статье представлен краткий обзор психолингвистических ассоциативных исследований в Казахстане, описана история создания двух казахских ассоциативных словарей в советский и современный периоды, дана их характеристика в сопоставительном плане и рассмотрена методика их составления (с учетом гендерного фактора во втором казахском ассоциативном словаре), отмечены особенности перевода стимулов и реакций на русский язык, определено назначение данных словарей и широкий спектр дальнейших перспективных исследований на их материале.

Ключевые слова: психолингвистика, свободный ассоциативный эксперимент (САЭ), ассоциативные словари, языковое сознание (ЯС), ядро языкового сознания (ЯЯС), этнокультурная специфика

Введение

Фундамент психолингвистических ассоциативных исследований в Казахстане был заложен в 1960-1970-е годы А.А. Залевской в период её работы в Казахском государственном университете в г.Алма-Ате. Именно тогда были впервые проведены свободные ассоциативные эксперименты на казахском языке со студентами КазГУ и других вузов, материалы которых были включены в контекст широких межъязыковых/межкультурных сопоставительных ассоциативных исследований [Залевская 1969, 1971, 1980 и др.]. Ассоциативные эксперименты как средство выявления специфики национальной культуры привлекли в тот период внимание М.М. Копыленко [Копыленко 1973, 1995], Н.В. Дмитрюк [1978, 1986], Г.Г. Гиздатов [Гиздатов 1997] и др.

В этот же период началась работа по программе создания ассоциативных словарей языков союзных республик СССР под руководством А.А. Леонтьева, ознаменовавшаяся выходом в свет ассоциативных словарей русского языка [А.А. Леонтьев 1977], киргизского [Титова 1975], украинского [Бутенко 1979], белорусского [Цітова 1981], латышского [Ульянов 1988] и казахского [Дмитрюк 1978, переизд. 1998] языков.

Дальнейшая работа с использованием ассоциативных методик по выявлению национально-культурной специфики языковых картин мира, этнокультурных особенностей речевого поведения, проблем межкультурной коммуникации и множества других перспективных прогностических исследований основывалась на концепции языкового сознания Московской психолингвистической школы А.А. Леонтьева. Начиная с 1983 года и по настоящее время исследовательская работа на юге Казахстана осуществляется в русле пролонгированных Договоров о научном сотрудничестве кафедры русского языка Чимкентского пединститута (ныне Южно-Казахстанский государственный

педагогический университет) с Сектором психолингвистики и теории коммуникации ИЯ АН СССР (ныне Отдел психолингвистики ИЯз РАН). Под руководством ведущих ученых Сектора психолингвистики Ю.А. Сорокина, Е.Ф. Тарасова, Н.В. Уфимцевой в диссертационном совете Института языкознания РАН (г.Москва) защищались кандидатские и докторские диссертации казахстанских исследователей на материале массовых ассоциативных экспериментов на казахском и русском языках. Эти работы были посвящены, в частности, лексическому ассоциированию и формам существования и функционирования языкового сознания в неомогенной лингвокультурной среде [Н.В. Дмитрюк 1986, 2000]; трансформации форм речевого этикета на вербальном и невербальном уровне [Нарожная 1991]; ассоциативному соматологическому перекрестному портретированию – «Русские глазами казахов» и «Казахи глазами русских» в гендерном преломлении [Кистаубаева 2001]; выявлению этнокультурной специфики представлений русских и казахов о доме и семье как о гендерно маркированных концептуальных понятиях [Османова 2001]; описанию этнокультурных особенностей образа времени в языковом сознании русских, казахов и англичан [С.В. Дмитрюк 2001]; исследованию специфики отражения взаимосвязи цветовой и эмотивной лексики в образах языкового сознания казахов и русских, проживающих на территории Казахстана [Калжанова 2003]; сравнительно-сопоставительному анализу этносемантики фразеологических компаративных единиц с точки зрения экспликации своеобразия языкового сознания русских, казахов и англичан сквозь призму фразеологического фонда языка [Абрамова 2003] и др.

В дальнейшем психолингвистические исследования в Казахстане, связанные с проблемами межкультурной коммуникации, с изучением ментально маркированных концептов казахской культуры, специфики знаковой символики невербального общения, этнокультурными особенностями менталитета разных этносов и проч., выполняются в традициях Московской психолингвистической школы – в области исследования языкового сознания этноса, с привлечением ассоциативных методик, материалов ассоциативных экспериментов. При этом исследователей интересует обыденное (так наз. «профанное») языковое сознание рядового носителя языка, не имеющего специальных филологических знаний. Под руководством Э.Д. Сулейменовой, Н.Ж. Шаймерденовой, Ж.С. Смагуловой, Д.К. Акановой, З.К. Темиргазинной, З.К. Сабитовой, З.К. Ахметжановой, Б.Х. Хасанова, Н.В. Дмитрюк, Б.Х. Исмагуловой, С.Ж. Баяндиной, Ш.К. Жаркынбековой, Е.А. Журавлевой, А.Е. Агмановой, Л.В. Екшембеевой, Ж.А. Нуршаиховой, О.С. Алтынбековой, М.А. Бурибаевой, Д.Б. Аманжоловой и др. проводятся этно-, социо-, психолингвистические сопоставительные межъязыковые и межкультурные исследования, рассматриваются проблемы би- и полилингвизма, языковых контактов и языковой идентичности, разрабатываются современные направления в казахстанской психолингвистике и лингвокультурологии.

В период до 2010 года (до закрытия диссертационных советов) в Казахстане отмечается всплеск интереса к психолингвистике, особенно к ассоциативным исследованиям, связанным с изучением языковой личности, языкового сознания, специфических особенностей менталитета этносов и др. В этот период активно защищаются кандидатские, докторские и магистерские диссертации на материале русской, казахской и английской фразеологии с привлечением полевых ассоциативных данных [Шингарева 2006, Ахметжанова 2007, Мезенцева 2010]; изучаются стереотипы, нормы и модели поведения профессионального общения [Яковенко 2007]; рассматривается невербаль-

ная коммуникация как этнокультурный феномен [Нарожная 2010], описываются аксиологические стереотипы языкового сознания [Джамбаева 2010], исследуются формы репрезентации базовых ценностей и концептов в языковом сознании [Саметова 2010, Базарбаева 2010, Жукенова 2010, Тавлуй 2010 и др.]; активно продолжают лингво-культурологические и гендерные исследования на ассоциативном материале [Абрамова 2016; Арынбаева 2019; Калжанова, Кистаубаева 2019; Сандыбаева 2015, 2019; Шингарева 2016 и др.]. По авторитетному мнению казахстанского ученого Г.Г. Гиздатова, «...в любом раскладе словарь ассоциативных норм любого языка всегда выступает как оригинальный и надежный источник при культурологических и социально-психологических исследованиях. То, как социально-политическая ситуация отражается в языке, помогают понять и немногочисленные психолингвистические исследования в Казахстане. Наибольшую ценность в казахстанской научной практике представляют работы Н.В. Дмитриук. Приведу только один показательный пример: высокая степень присутствия русской лексики в языковом сознании современных казахов подтверждается следующим параметром – среди реакций-ассоциаций общим количеством 2113 употреблено 527 русизмов: 403 у мужчин и 124 у женщин [Дмитриук 2016b: 40]» [Гиздатов, Сопиева 2017: 132].

Так накапливалась и систематизировалась база данных для лексикографической обработки ассоциативных исследований в Казахстане.

Ассоциативная лексикография в Казахстане

Первый Казахско-русский словарь ассоциативных норм (КРАС–1978) [Дмитриук 1978, переизд. 1998] был составлен по материалам проведенного нами в г. Чимкенте (ныне Шымкент) массового ассоциативного эксперимента с 1000 студентами южно-казахстанских вузов¹, обучавшихся на казахском языке. В качестве стимулов для проведения САЭ был использован словник американских психологов Г. Кент и А. Розанова из 100 общеупотребительных слов [Kent, Rozanoff 1910]. В дальнейшем список Кент-Розанова был переведен на разные языки мира и лег в основу многих словарей ассоциативных норм различных языков, в том числе – выше перечисленных словарей советского периода, что давало возможность непосредственных межъязыковых сопоставительных исследований ассоциативного поведения представителей разных этносов.

Составленный в соответствии с общепринятыми в международной практике требованиями к проведению САЭ, первый словарь КРАС–1978 обеспечивал достаточно объективную картину языкового сознания «усреднённого» носителя казахского языка в последние десятилетия советского периода. КРАС–1978 пополнил собой корпус ассоциативных данных по разным языкам мира и, как видно из названия, имеет переводы и стимулов, и реакций-ассоциаций на русский язык для удобства пользования им, поскольку тем самым расширяет возможности межъязыкового сопоставительного анализа вербальных ассоциаций, которые рассматриваются как модели речевых знаний носителей языков и не только отражают семантические и грамматические отношения внутри языка, но и репрезентируют фрагменты образов сознания и вербальной памяти

¹ Важно отметить южный регион проживания участников эксперимента, где в основной массе живут представители коренного населения Казахстана с их прочными национальными устоями и традициями, ментальность которых отличалась от обрусевших жителей северных и западных областей того времени.

человека. Подробное описание методики проведения САЭ, выбора испытуемых, проблем перевода и построение словарной статьи в КРАС–1978 представлено в Предисловии к этому словарю (см.: [Дмитрюк 1978] и более позднее его переиздание [Дмитрюк 1998: 5–27]).

Второй ассоциативный словарь «Қазақша ассоциациялық сөздік»/ «Казахский ассоциативный словарь» (КАС–2014) [Дмитрюк, Молдалиева, Нарожная, Мезенцева, Молданова, Сандыбаева, Абрамова 2014]) составлен на основе материала, полученного в ходе серии САЭ, проведенных в 2012–2013 годах с носителями казахского языка – студентами разных вузов Южно-Казахстанской области, обучающихся на казахском отделении (язык обучения – казахский) общим числом более 1000 человек, из которых примерно поровну мужчин и женщин. Впервые в практике составления подобных словарей в содержание ассоциативного словаря КАС–2014 был введен гендерный принцип систематизации более 120 000 ассоциативных ответов, которые представлены в табличном варианте мужских и женских ассоциаций на одни и те же слова-стимулы, тем самым репрезентируя гендерную специфику языкового сознания индивида и социума в целом.

Для сравнения представим словарные статьи на один и тот же стимул АДАМ/ЧЕЛОВЕК в словарях КРАС–1978 и в КАС–2014. После названия-стимула указано общее количество полученных лексем-ассоциаций, ниже в словарной статье представлен их ранг (частотность – 1,2,3 место и т.д.), после чего – количество данных реакций. В табличном варианте КАС-2014 учитывается гендерный фактор: дифференцированы мужские и женские ответы и суммарное их количество.

АДАМ (ЧЕЛОВЕК)– 160

- 1 109 – жақсы (хороший)
- 2 96 – ақылды (умный)
- 3 73 – үлкен (большой)
- 4 58 – ұзын бойлы (высокого роста)
- 5-6 46 – сұлу (красивый), кісі (человек)
- 7-8 44 – қайырымды (добрый), көп (много)
- 9 38 – болу (быть, в т.ч. болды, болады – 12)
- 10-11 25 – күшті (сильный), ойлау (думать, в т.ч. ойлады, –ым – 9)
- 12 21 – ойшыл (мыслитель)
- 13-14 19 – адамгершілік (человеколюбие), адалдық (честность)
- 15 15 – адамзат (человечество)
- 16-17 13 – азамат (гражданин), өмір (жизнь)
- 18-19 11 – ажалды (смертный), ажарлы (красивый)
- 20-21 10 – ер (мужчина), жан (живое существо, душа)
- 22 9 – еңбек (труд)
- 23-24 8 – дос (друг), жігіт (парень)
- 25-27 7 – ана (мать), бақыт (счастье), қатты (сильный)
- 28-30 6 – ақыл (ум), әдепті (вежливый), дертті (больной)
- 31-34 5 – ақжүрек (добрый), аман (здоровый), батыр (богатырь), дүние жүзі иесі (хозяин вселенной, вт.ч. элем иесі– 2)
- 35-39 4 – ақкөңіл (чистосердечный), білім (знание), ел (народ), ерік (воля, свобода), жұмыс (работа), пенде (человек, живая душа)

40-47 3 – айуан (животное), ар (совесть), атак (слава), эзілшіл (шутник), бай (богатый), беделді (авторитетный), жас (молодой), көсе (безбородый).

48-66 2 – абырой (честь, совесть), ағай (дядя), айбын (величие), айлакер (хитрец), ақымақ (глупец), ала қол (нечестный, нечистый на руку), арман (мечта), асыл (драгоценный), ауру (болезнь), ауыл (аул), ашна (приятель), аянышты (жалкий), даңқ (слава), жатыр (лежит), көрші (сосед), көрікті (красивый), қажырлы (энергичный), өжет (дерзкий, храбрый), сөзшен (болтун).

67-160 1 – ағайын (родственник), адуын (напористый, сильный), ажал (смерть), ажар (вид, цвет лица), әжімді (морщинистый), азаптанды (мучался), айбарлы (грозный), айығу (выздороветь), айыпсыз (невинный), ала тұяқ (пройдоха), алданды (обманулся), алды (взял), әлсіз (слабый), бағу (растить, воспитывать), бақытты (счастливый), бала (ребенок), бас (голова), басшы (руководитель), бойшаң (рослый), бұйра (кудрявый), жағымды (приятный), жалғыз (одинокий), жеді (ел), жоқ (нет), жүрек (сердце), жымию (улыбаться), жігерлі (энергичный), жігіттік (молодость), зейінді (способный), ие (хозяин), ит (собака), кежір (капризный, упрямый), келбетті (красивый), келешек (будущий), кеменгер (мудрец, гений), кеңесу (совещаться), кеселді (больной), кешірімді (мягкосердечный), киім (одежда), көңілді (радостный), көркем (красивый, изящный), күлді (смеется), кіжінді (сердится, угрожает), кітап (книга), кішіпейіл (скромный), қадірлі (уважаемый), қайғыру (печалиться), қайратты (сильный, энергичный), қам (забота), қанағатсыз (алчный), қарады (смотрит), қас (враг, враждебный), қаһарман (герой), қоғам (общество), қол ұшын беру (помогать), қорлық (обида, позор), қуаныш (радость), қуатты (сильный, энергичный), қонақ (гость), қызықты (интересный), қажыр (мощь), мақұлық (живое существо, тварь), мәдениетті (культурный), млы (толковый), мінезді (с характером), нысапты (порядочный), ой (мысль), Отан (Родина), өжеттік (дерзость, храбрость), пәтер (квартира), саналы (сознательный), сәтті (удачно, удачливый), сезім (чувство), сыйлы (уважаемый), соғыс (война), сүйікті (любимый), сын (критика), талапкер (абитуриент, инициативный), тапқыр (находчивый), тәжірибелі дәрігер (опытный врач), тәрбиелі (воспитанный), төзімді (терпеливый), тілді (языкастый, острый на язык), тілек (желание), түсінді (понимает), уайым (тоска), ұғымды (понятливый), үйлену (жениться), үн (голос, звук), халық (народ), шеше (мать), ширак (бодрый, живой), шырайлы (красивый). Нет реакции – 9. Неразборчиво – 5.

АДАМ (ЧЕЛОВЕК) – 204

№	Жауаптары (ответы, ассоциации)	Барлығы (всего)	Ер (муж)	Әйел (жен)
1	пенде (человек, живая душа)	114	75	39
2	жақсы (хороший)	74	41	33
3	ақылды (умный)	59	24	35
4	тірі жан (живая душа)	47	26	21
5	адам баласы (человечество)	43	31	12
6	тіршілік иесі (хозяин живых существ, всего живого)	35	21	14
7	жеке тұлға (отдельная личность)	34	18	16
8	біз (мы)	30	18	12
9	мен (я)	28	17	11

10	бақытты (счастливый)	21	6	15
11	мейірімді (ласковый)	17	6	11
12	адам болу (быть человеком)	16	6	10
13	ата-ана (родители)	16	2	14
14	бөбек (малютка, младенец)	14	9	5
15	Алланың құлы (раб Аллаха)	13	5	8
16	ел (народ)	13	4	9
17	өмір (жизнь)	13	6	7
18	халық (народ)	12	8	4
19	адал (честный)	11	8	3
20	адамгершілік (человечность, гуманность)	11	3	8
21	көп (много)	11	5	6
22	кісі (человек, личность, мужчина)	11	4	7
23	махаббат (любовь)	11	5	6
24	саналы (сознательный)	11	7	4
25	адам (человек)	10	4	6
26	әдемі (красивый)	10	4	6
27	ана (мать)	9	2	7
28	эртүрлі (разный)	8	3	5
29	бала (мальчик, ребенок)	8	3	5
30	дос (друг)	8	3	5
31	жақсы адам болу (быть хорошим человеком)	7	3	4
32	жан (душа, человек)	7	3	4
33	қоғам (общество)	7	4	3
34	құрмет (уважение)	7	2	5
35	табиғат (природа)	7	3	4
36	ұзын (высокий)	7	3	4
37	жаратылыс (создание)	6	3	3
38	өмір сүруші (живущий)	6	3	3
39	адамзат (человечество)	5	2	3
40	жақсылық (добро)	5	2	3
41	жүрек (сердце)	5	2	3
42	жігіт (парень)	5	4	1
43	көмектесу (помогать)	5	2	3
44	көңіл (внимание, настроение)	5	2	3
45	қарапайым (скромный, простой)	5	1	4
46	құнды (ценный)	5	2	3
47	үлкен (большой)	5	2	3

48	жаман (плохой, плохо)	4	1	3
49	күлкі (смех)	4	1	3
50	қамқор (забота)	4	1	3
51	қозғалыс (движение)	4	3	1
52	қыз (девушка, девочка)	4	1	3
53	мықты (сильный, крепкий)	4	2	2
54	сүйем (люблю)	4	2	2
55	адами қасиетті жоғалтпау (не терять человеческие качества)	3		3
56	Адамның күні адаммен* (человек с человеком живет)	3		3
57	денсаулық (здоровье)	3		3
58	екі қол, екі аяқ (две руки, две ноги)	3	3	
59	ер (мужчина, в т.ч. еркек)	3		3
60	жақсы көру (любить)	3	2	1
61	ит (собака)	3	1	2
62	кәрі (старый)	3	1	2
63	көсем (вождь)	3		3
64	қоршаған (окруженный)	3	1	2
65	пысық (деловой, расчетливый, шустрый)	3		3
66	саран (жадный)	3	1	2
67	сыпайы (вежливый)	3		3
68	халықты құрайды (составляет народ)	3	3	
69	Адам көркі – шүберек* (Украшение человека – тряпки, разг.)	2		2
70	адамдық қасиет (человеческие качества)	2		2
71	ақсақал (почтенный пожилой мужчина, досл. белобородый)	2		2
72	ақша (деньги)	2		2
73	ардақты (уважаемый)	2	2	
74	әдепті (воспитанный, прилежный)	2		2
75	балаларға айқайлау (кричать детям)	2	2	
76	білгір (знарок)	2	2	
77	ғасыр (век)	2	2	
78	дух	2	1	1
79	ең мейрімді (самый добрый, ласковый)	2		2
80	жайдары (приветливый)	2	1	1
81	жануар (животное)	2	1	1
82	жоғары білімді (с высшим образованием)	2		2
83	жұмыс (работа)	2		2
84	интеллектуал	2		2

85	керемет (прекрасный)	2	1	1
86	көңілді (веселый)	2		2
87	кіші (младший)	2	1	1
88	қабілетті (способный)	2		2
89	ойлай алатын (умеющий мыслить)	2		2
90	өсиет (завещание)	2	1	1
91	сүйкімді адам (приятный, симпатичный человек)	2	2	
92	төзімді (выносливый)	2	1	1
93	іні (младший брат)	2	1	1
94-127	Абай Құнанбаев, Адам боп келдің – адам боп қал* (Родился человеком – оставайся им), Адам санатына қосылу* (Выбиться в люди, стать настоящим человеком), адамдардың бәрі жақсы (все люди хороши), адамды сүйе білу (уметь любить человека), адамның санасы (сознание человека), аяқ (нога), бауыр (кровный родственник, брат), біздің бес адам (наших пять человек), все, достық (дружба), діни адам (религиозный человек), ержүрек (храбрый), Жанар (имя), заңды тұлға (юридическое лицо), құнды (ценный), күлегеш адам (смешливый), күшті (сильный), қайырымды (милосердный, добрый), қателік (ошибка), қу (хитрый), қызық адам (интересный человек), люди, маймыл (обезьяна), ми (мозг), өнегелілік (нравственность), пәк (невинный), разум, сақал (борода), сауатты адам (грамотный человек), табиғаттың жаратылысы (создание природы), Хомо сапиенс, шеше (мать), Ыбрай Алтынсарин	34	34	
	2-3 адам (2-3 человека), ағам (мой старший брат), адам өмірі (жизнь человека), Адам табиғаттың ең дамыған мүшесі* (Человек – самый развитый член природы), адамша өмір сүр (живи по-человечески), азамат (гражданин), айбынды (доблестный), аккөңіл (добродушный), акпейілді (доброжелательный), алғашқы (первый), арам (подлый), ауру (больной), ашулы (разгневанный), әлем (мир), әнші (певец), әр нәсілді (разной национальности), бейтаныс (незнакомый), биік тұлға (высокая личность), бостандық (свобода), Дана (имя), дұшпан (враг), ең саналы (самый сознательный), ессіз (безумный), ешқайсысы (никто),			

128-204	жақсы ниетті (с хорошими намерениями), жас (молодой), жер (земля), жер иесі (хозяин земли), жетім (сирота), жұмбақ (загадка), жұмыскер (работающий), здоровый, инабатты (воспитанный), индивид, кәдімгі адам (обычный человек), кеңпейіл (широкая душа), көмексіз (без помощи), көркем (красивый), көршілер (соседи), қасиетті (святой, достойный), қасқыр (волк; <i>перен.</i> хваткий), қатыгез (жестокий), қуаныш (радость), Құдайдың пендесі (раб Божий), қылық (привычка), мейірбан (добрый), мемлекет байлығы (богатство государства), нан (хлеб), науқас (больной), нешебір (разный), оқыған (образованный), организм, өз ойын жүзеге асыратын қоғам мүшесі (член общества, осуществляющий свои замыслы), өзек (стержень), өмір иесі (хозяин жизни), өмір сүру – бақыт (жить – счастье), өмірдің маңызы (смысл жизни), өте жақсы адам (очень хороший человек), Саят (имя), сәтті (удачно), сезім (чувство), Серік (имя), составная часть вселенной, студент, сұлу (красивый), сынақ (испытание), табиғат иесі (хозяин природы), түсініксіз (непонятный), тілек (желание), тірек (опора), тірлік (труд, суета), уақыт (время), ұл (мальчик, сын), ұрпақтар (потомки), человек, ізгі (священный, благой), іскер (деловой)	77		77
	Жауабы жоқ (нет ответа, ассоциации)	9	7	2
	Түсініксіз (непонятно, неразборчиво)	5	3	2
	Барлығы (всего)	1062	502	560

Количество респондентов, принявших участие в массовых САЭ советского и современного периодов, – более 1000 человек, что видно по сумме ответов в каждой словарной статье.

Особое внимание уделялось важности соблюдения требований к организации эксперимента. Иногда респонденты реагировали не одним, а двумя-тремя ассоциациями на заданный стимул, что оказалось очень типичным для казахской аудитории, несмотря на условия инструкции реагировать одним словом. При обработке анкет предпочтение отдавалось только первым реакциям из всей цепочки; отбраковывались явно несерьезные ответы. Нередко ассоциациями были устойчивые сочетания и пословицы, что также оказалось характерным для казахской аудитории.

Сбор материала для составления обоих ассоциативных словарей проводился в форме анкетирования по общепринятой в международной практике **методике** проведения САЭ.

Списки слов-стимулов в КРАС–1978 и в КАС–2014 не идентичны, но совпадают более чем на 30%, поскольку в основу первого словаря был положен переведенный

на казахский язык список Кент-Розанова (см. выше), а во втором был использован составленный учёными сектора психолингвистики ИЯ РАН (Е.Ф. Тарасовым, Н.В. Уфимцевой, Ю.А. Сорокиным, см.: [Уфимцева 2000: 217]) список из 112 слов, многократно использовавшийся в российских и зарубежных психолингвистических ассоциативных исследованиях. Вместе с тем, для определения системности образа мира у разных народов, для выявления центральных, наиболее значимых, и периферийных зон языкового сознания одинаковость заданных в анкетах САЭ стимульных слов во все и не обязательна. По мнению Н.В. Уфимцевой, этот фактор особого значения для выявления ядра языкового сознания не имеет: «Сравнив русскую часть <...“Славянского ассоциативного словаря” с результатами, полученными по материалам “Русского ассоциативного словаря”, мы можем убедиться, что только 7 из 30 слов не входят в “большое ядро” языкового сознания русских. Тем самым ещё раз подтверждается факт, отмеченный нами при анализе материалов “Русского ассоциативного словаря”: *любой, достаточно большой список слов-стимулов (не менее 50) приводит к одному и тому же для каждой данной культуры ядру языкового сознания* (курсив наш – Н.Д.), т.е. к центральным для данного образа мира понятиям в их соотношении друг с другом, т.е. в их системности. Можно предположить, что системность и состав ядра языкового сознания как раз и отражают системность и наполнение существующих в коллективном бессознательном этнических констант» [Уфимцева 2000: 217–219].

Что касается **переводов** казахских реакций-ассоциаций на русский язык в обоих словарях, то они носят условный характер, соотносительный в контексте с заданным стимулом, и выполнены они с целью введения полученного материала в базу ассоциативных исследований для расширения возможности межъязыкового сопоставительно-го анализа содержания словарей.

Построение словарной статьи в КАС-2014 существенно отличается от структуры всех предшествующих известных ассоциативных словарей тем, что введение **гендерной дифференциации** ассоциативных реакций респондентов потребовало табличной формы их структурирования. При этом систематизированные в виде таблицы сведения о гендерной принадлежности, ранговой иерархии ответов от самых частотных до единичных, суммарное количество ассоциаций представили наглядную и удобную для аналитических наблюдений картину ассоциативного поля в целом. Учет гендерного фактора мы считаем принципиальным нововведением в ассоциативной лексикографии: ассоциативных словарей, фиксирующих гендерную принадлежность респондентов, еще не было.

Общепризнанной аксиомой является то, что языковое сознание мужчин и женщин – разное, их мировидение, миропонимание, ощущения и способы их выражения, мышление, поведение, речь – различны у мужчин и женщин, но вопросы, в какой степени и чем именно различны, требуют доказательств, а не интуитивных убеждений. «Вводя гендерный учет в обработку полевых исследований, мы полагали, что в ответах-ассоциациях информантов мужчин и женщин обнаружится убедительная доказательная база этой аксиомы, и предположения оправдались: благодаря четкой дифференциации ответов мужчин и женщин есть возможность на собранном и систематизированном материале определиться с некоторыми гипотезами и выводами относительно стратегий ассоциирования, обусловленных различиями гендерного порядка, выявляя тем самым гендерную специфику языкового сознания индивида и социума в целом» [Дмитрюк, Молдалиева, Нарожная и др. 2014: 9].

Значение и назначение ассоциативных словарей в казахстанской психолингвистике

Еще одной существенной особенностью – козырной картой нашего исследования стало то, что появилась уникальная возможность не только межъязыковых сопоставлений ассоциативного поведения разных этносов, но и внутриязыкового, внутриэтнического анализа языкового сознания представителей двух поколений одного и того же этноса. Этот аспект **диахронического исследования** трансформации и устойчивости определенных зон в структуре языкового сознания этноса, в выборе и возможной замене ценностных базовых приоритетов в пореформенную эпоху «цивилизационного слома» в казахстанском социуме обладает значительным прогностическим потенциалом (см. об этом: [Дмитрюк 2013, 2013а, 2014, 2014а, 2016, 2016а и др.]).

Эта ситуация привела к необходимости определить и исследовать новую объектную область – **общечеловеческие базовые ценности**, сопоставив их с неизбежно присутствующими в каждой локальной культуре национально-специфическими, этнически маркированными ценностями, и попытаться увидеть, *что* больше подвержено изменениям и трансформации в переломные периоды развития цивилизации, и *что* остается при этом неизменным, наиболее устойчивым, консолидирующим и объединяющим социум. Среди многих исследовательских методов анализа содержания общечеловеческих ценностей (см. об этом: [Тарасов 2012: 8–18]), немаловажное место занимает и ассоциативный эксперимент. Положенные в основу двух словарей КРАС–1978 и КАС–2014 ассоциативные реакции уже представляют собой некую иерархическую последовательность частоты (значимости) тех или иных ценностей, стоящих за названным словом. Но еще более наглядно и убедительно такие ценностные предпочтения репрезентирует **ядро языкового сознания (ЯЯС)**, которое выстраивается на основе обратных (от реакции к стимулу) ассоциативных словарей. Впервые ядро ментального лексикона на материале английского ассоциативного словаря Дж.Киша [Kiss D. 1972] выделила А.А. Залевская [Залевская 1980а, 1981]; позже по аналогичной методике Н.В. Уфимцева структурировала ядро языкового сознания русских [Уфимцева 2000], а также белорусов, украинцев, болгар [Уфимцева, Черкасова, Караулов, Тарасов 2004]. Содержание прямых словарей КРАС–1978 и КАС–2014 послужило основой для построения на их базе электронной версии обратных словарей, и при участии Г.А. Черкасовой были выстроены ядро языкового сознания казахов поколения 1970-х годов и ядро языкового сознания современных казахов [Дмитрюк, Черкасова, Артыкбаева 2016].

Ассоциативные реакции двух поколений казахов, представленные в виде прямых и обратных словарей и построенное на их материале ядро языкового сознания казахов в советский и современный период, послужили основой определения центральных значимостей – базовых ценностей, что дало возможность рассмотреть динамику трансформации языкового сознания в диахроническом аспекте. Выстраивая ядро языкового сознания по материалам КАС–2014 и КРАС–1978, мы ставили своей целью выявить иерархию базовых ценностей казахов, определить направление и градус смещения основных стратегий ассоциативного поведения респондентов – участников эксперимента, перемену ментального климата и аксиологических рефлексий в языковом сознании / ментальном лексиконе казахов в советский и постсоциалистический / современный период. Возможности обнаружить и проанализировать особенности функционирования базовых ценностей в языковом сознании казахов посредством анализа материалов ассоциативных экспериментов, полученных со значительным временным интервалом

(на базе КАС–2014 и КРАС–1978), были рассмотрены и обсуждены в диссертации Ф.И. Артыкбаевой [Артыкбаева 2017].

Составленные в соответствии с общепринятыми в международной практике требованиями к проведению САЭ, словари КРАС–1978 и КАС–2014 обеспечивают достаточно объективную картину языкового сознания «усреднённого» носителя казахского языка в последние десятилетия советского периода и в настоящее время.

В подготовке первого словаря КРАС–1978 приняли участие ученые-казаховеды, преподаватели и студенты; с особой благодарностью автор чтит память профессора Егемберды Агмановича Агманова за корректировку переводов и ценные рекомендации при его составлении, а также сердечно благодарен профессору Дине Абишевне Молдалиевой (Байтанаевой) за многолетнюю бескорыстную помощь и бесценный вклад в сопоставительные казахско-русские исследования. Второй словарь КАС–2014 был подготовлен коллективом авторов под редакцией Н.В. Дмитрюк, и его издание было осуществлено при поддержке научного проекта МОН РК². Участниками проекта и авторами КАС–2014 были руководитель проекта Н.В. Дмитрюк, исполнители Г.И. Абрамова, Д.А. Молдалиева (Байтанаева), В.Д. Нарожная, Ж.И. Молданова, Е.С. Мезенцева, Н.А. Сандыбаева, чьи научные интересы и опубликованные работы на протяжении многих лет связаны с психолингвистическими, в том числе ассоциативными экспериментами и разработками в русле теории межкультурной коммуникации, исследованием содержания и функционирования языкового сознания, с проблемами выявления базовых и общечеловеческих ценностей и пр.

Эти и другие направления исследований казахстанских ученых-психолингвистов фактически обеспечены и обоснованы теорией и методологией Московской психолингвистической школы – трудами Е.Ф. Тарасова [Тарасов 1996, 1998, 2012 и др.], Н.В. Уфимцевой [Уфимцева 1996, 2000, 2004, 2016 и др.], Ю.А. Сорокина [Сорокин 1993, 1994, 2009 и др.] и др.; а также трудами Тверской психолингвистической школы А.А. Залевской [1971, 1980, 1980а, 1981 и др.] и Воронежской психолингвистической школы И.А. Стернина [2009, 2016 и др.], научные изыскания которых проросли и в казахстанской лингвистике.

На базе накопленного казахстанскими исследователями экспериментального, лексикографического, описательного материала, имеющего несомненный прогностический и эвристический потенциал, представляется необходимым и перспективным продолжение научных исследований в Казахстане в русле концепций Московской, Тверской и Воронежской психолингвистической школы.

Заключение

Перспективными направлениями психолингвистических, в том числе ассоциативных исследований в Казахстане, нам представляются такие, как:

- исследования в области *теории межкультурной коммуникации*, являющейся «новой онтологией анализа языкового сознания» [Тарасов 1996] с использованием международной базы ассоциативных данных, отражающих языковое сознание этноса, с целью выявления стереотипов и специфики ментального климата в полиэтничном

² Исследование проведено при финансовой поддержке Комитетом науки МОН РК научного проекта 0771/ГФ «Межкультурная коммуникация: ментально маркированные концепты казахской культуры, социальная идентичность и толерантность».

социуме, которые следует учитывать при построении модели межэтнического согласия и толерантности в условиях современных глобализирующихся государств (в частности, в Казахстане);

- широкие сопоставительные межкультурные и межъязыковые исследования языкового сознания с учетом ассоциативных данных, способствующие выявлению приоритетных *базовых и этнокультурных ценностей* современного казахстанского общества, фиксации и описанию аксиологических рефлексий по поводу их трансформации, утраты или замены в жизни социума;

- расширение набора исследовательских процедур в сочетании с внутриэтническим и межэтническим сопоставительным анализом ассоциативных полей номинаций *общечеловеческих ценностей* (ОЦ) и *антиценностей* (АЦ) для обнаружения более «тонких» различий в ассоциируемых с той или иной ценностью или антиценностью понятий, объектов, прецедентных феноменов, устойчивых словосочетаний, фразеологических единиц, паремий и т.д.

- *внутриэтнические диахронические* исследования особенностей функционирования, трансформации и сохранности базовых ценностей одного и того же этноса (в частности, казахского) в разные периоды его развития для фиксации происходящих изменений в языковом сознании этноса и попытки осознать и проанализировать, в каком направлении движется общество, трансформируя свои ценности и предпочтения;

- работа по корректировке и детальной систематизации электронной версии ассоциативного корпуса *обратных словарей* (на материале КРАС–1978 и КАС–2014) с целью их опубликования и введения в орбиту аналогичных международных сопоставительных исследований;

- работа по составлению, уточнению, корректировке содержания и иерархии ассоциативных реакций *ядра языкового сознания* казахского этноса в сопоставляемые периоды; структурирование большого (100 единиц), среднего (75) и малого (30) ядра языкового сознания казахов и его концептуального центра – десяти основных значимостей, являющихся ментальным и духовным стержнем этноса в тот или иной период развития; проведение дополнительных экспериментов для уточнения и проверки правомерности некоторых выводов относительно результатов сопоставительного анализа;

- всесторонний анализ специфики языкового сознания с учетом *гендерной дифференциации* ассоциативных ответов, зафиксированных в КАС–2014, с целью получить научно обоснованное убедительное подтверждение реальности интуитивно присутствующего в сознании каждого человека мнения о различии феминных и маскулинных ментальных, эмоциональных и поведенческих установок, что побуждает думать о прагматической и эвристической перспективности гендерных исследований вообще, независимо от этнической принадлежности респондентов.

Представляется, что каждое из названных направлений содержит широкий охват перспективных, эвристически ценных задач для будущих исследований, в русле все более актуализирующихся во всем мире и в Казахстане новых отраслей знаний, таких как этнопсихолингвистика, неопсихолингвистика, лингвокультурология, когнитивная лингвистика и других, связанных с изучением языкового сознания – с изучением «жизни языка в культуре и социуме».

Литература

Абрамова Г.И. Этносемантика фразеологических компаративных единиц как элемент национально-культурной специфики языкового сознания (на примере русского, казахского и английского языков) // Автореф. ... канд. филол. наук. М.: ИЯз РАН, 2003. 20 с.

Абрамова Г.И. Стилистические особенности современной американской прозы на материале романа Лорен Вайсбергер «Дьявол носит «Прада» // ММНПК «Общество. Язык. Культура: актуальные проблемы взаимодействия в XXI веке». М., 2016. С.13–15.

Арынбаева Р.А. К вопросу о психолингвистических исследованиях в Казахстане / XV Международная научная конференция студентов, магистрантов и молодых ученых «Ломоносов – 2019». Тезисы докладов, II часть. Нур-Султан, 2019 г. С. 268–269.

Артыкбаева Ф.И. Отражение базовых ценностей в ядре ментального лексикона носителей языка и культуры (диахронический аспект) // Автореф. ... канд. филол. наук. Тверь: ТГУ, 2017. 24 с.

Ахметжанова Г.А. Соматическая фразеология как отражение национально-культурной специфики языкового сознания // Автореф. ... канд. филол. наук. Алматы, 2007. 24 с.

Базарбаева А.С. Динамика и развитие концепта «русский» в языковом сознании казаха // Автореф. ... канд. филол. наук. Кокшетау, 2010. 24 с.

Бутенко Н.П. Словник асоціативних норм української мови. Львів, 1979. 120 с.

Гиздатов Г.Г. Когнитивные модели в речевой деятельности. Алматы, 1997. 176 с.

Гиздатов Г.Г., Сопиева Б.А. Дискурс и идентичность в медиальном пространстве Казахстана // Вестник КазНУ. Серия филологическая. № 3 (167). Алматы, 2017. С. 131–136.

Джамбаева Ж.А. Аксиологические стереотипы языкового сознания казахстанцев // Автореф. ... докт. филол. наук. Кокшетау, 2010. 52 с.

Дмитрюк Н.В. Казахско-русский ассоциативный словарь (КРАС–1978). Чимкент, 1978. 246 с.; переизд. Шымкент-Москва, 1998. или <http://dmitryuk-nv.livejournal.com>

Дмитрюк Н.В. Национально-культурная специфика лексического ассоциирования (на материале русского и казахского языков) // Автореф. ... канд. филол. наук. М.: ИЯ АН СССР, 1986. 24 с.

Дмитрюк Н.В. Формы существования и функционирования языкового сознания в негомогенной лингвокультурной среде // Автореф. ... докт. филол. наук. М.: ИЯз РАН, 2000. 64 с.

Дмитрюк Н.В. «Цивилизационный слом» как этнокультурный феномен в жизни социума // X Междунар. конгресс по психолингвистике ISAPL: «Проблемы информационного общества и прикладная психолингвистика». М.: ИЯ РАН, РУДН, МИЛ, 2013. С. 103–104.

Дмитрюк Н.В. Ассоциативный эксперимент как средство выявления ментально маркированных концептов языкового сознания // Вестник КазНУ им. аль-Фараби, Серия филол., № 5-6 (139-140), Алматы, 2013а. С. 12–19

Дмитрюк Н.В., Молдалиева Д.А., Нарожная В.Д., Молданова Ж.И., Мезенцева Е.С., Сандыбаева Н.А., Абрамова Г.И. Қазақша ассоциациялық сөздік. Казахский ассоциативный словарь (КАС–2014). Алматы-Москва; Медиа-ЛогоС, 2014. 330 с.

Дмитрюк Н.В. Ценностные ориентиры в языковом сознании казахстанского социума: постановка проблемы // Научный журнал «Science and world» (Путь науки)». 2014а. № 4. С.76–78.

Дмитрюк Н.В., Черкасова Г.А., Артыкбаева Ф.И. Этноментальный феномен ядра языкового сознания: ассоциативные исследования в Казахстане // Вопросы психолингвистики. М.: 2016. № 2 (28). С. 132–150.

Дмитрюк Н.В. Внутриэтнические ассоциативные сопоставления в казахстанской психолингвистике // Язык и мышление: Психологические и лингвистические аспекты. Орехово-Зуево-М., 2016а. С.16–19.

Дмитрюк Н.В. Ассоциативная модель анализа лингвистических проблем плюрицентризма // Вестник Кокшетауского университета. Серия филологическая. 2016 б. № 3. С. 36–42.

Дмитрюк С.В. Этнокультурная специфика образа времени в языковом сознании русских, казахов и англичан. // Автореф. ... канд. филол. наук. М.: ИЯ РАН. 2001. 20 с.

Жукенова А.К. Речевые стратегии коммуникантов в условиях естественного и искусственного билингвизма // Автореф. ... канд. филол. наук. Кокшетау, 2010. 24 с.

Залевская А.А. Экспериментальное исследование ассоциативной структуры памяти // Педагогика и психология: Алма-Ата: Минобразования КазССР, Каз. гос. пед. ин-т, 1969. С.58–69.

Залевская А.А. Свободные ассоциации в трех языках // Семантическая структура слова: психолингвистические исследования. М., 1971. С. 178–194.

Залевская А.А. Межъязыковые сопоставления в психолингвистике. Калинин: КГУ, 1980. 88 с.

Залевская А.А. Психолингвистическое исследование принципов организации лексикона человека (на материале межъязыкового сопоставления результатов ассоциативн. экспериментов): автореферат дисс. ... докт. филол. наук. Л., 1980а. 48 с.

Залевская А.А. О комплексном подходе к исследованию закономерностей функционирования языкового механизма человека // Психолингвистические исследования в области лексики и фонетики. Калинин, 1981. С. 28–44.

Калжанова А.К. Психолингвистические аспекты соотносительности эмотивной и колористической лексики (на материале русского и казахского языков) // Автореф. ... канд. филол. наук. М.: ИЯ РАН. 2003. 20 с.

Калжанова А.К., Кистаубаева Д.М. Колористическая и эмотивная лексика в перекрестном ассоциативном эксперименте: гендерный аспект. // ММНК «Гендер: язык, культура, коммуникация» М.: ММА, 2019. С.82–84.

Кистаубаева Д.М. Русские и казахские соматологические портреты (теоретико-экспериментальное исследование по материалам ассоциативного эксперимента) // Автореф. ... канд. филол. наук. М.: ИЯ РАН. 2001. 20 с.

Копыленко М.М. Сочетаемость лексем в русском языке. М.: Просв., 1973. 246 с.

Копыленко М.М. Основы этнолингвистики. Алматы: Евразия, 1995. 178 с.

Леонтьев А.А. Общие сведения об ассоциациях и ассоциативных нормах // Словарь ассоциативных норм русского языка. М.: МГУ, 1977. 192 с.

Мезенцева Е.С. Пословичная картина мира в языковом сознании русских: функционирование и трансформация // Автореф. ... канд. филол. наук. Кокшетау, 2010. 20 с.

Нарожная В.Д. Формы трансформации речевого этикета в негомогенной культурной среде / Автореф. ... канд. филол. наук. М. 1991. 16 с.

Нарожная В.Д. Невербальная коммуникация как этнокультурный феномен (теоретико-экспериментальное исследование) // Автореф. ... докт. филол. наук. Кокшетау, 2010. 48 с.

Османова Р.А. Национально-культурная специфика образов сознания русских и казахов (гендерный анализ на материале слов семантического поля «Дом. Семья») // Автореф. ... канд. филол. наук. М.: ИЯ РАН, 2001. 16 с.

Сандыбаева Н.А., Дмитриук Н.В. Из опыта составления Казахского ассоциативного словаря // Материалы форума «Лингвистическое наследие и тренды нового времени: язык, литература культура», посв. 75-летию Э.Д. Сулейменовой. Алматы. КазНУ им. Аль-Фараби, 2015. С. 323–327.

Сандыбаева Н.А., Дмитриук Н.В. Русский язык в Казахстане: статус, реалии, витальность, тенденции. Научные известия. Филологические науки. №16, 2019. С. 24–30.

Саметова Ф.Т. Репрезентация пространства и времени в языковом сознании // Автореф. ... канд. филол. наук. Кокшетау, 2010. 22 с.

Сорокин Ю.А., Марковина И.Ю. Социоментальные картины мира: опыт моделирования коллизий сознания // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. М.: Изд-во ИЯ РАН, 1993. С. 118–134.

Сорокин Ю.А. Этническая конфликтология (Теоретические и экспериментальные фрагменты). Самара: Русский лицей, 1994. 94 с.

Сорокин Ю.А. Терминологические ряды: дополнительная амплификация // Язык и сознание: психолингвистические аспекты. М.-Калуга, ИЯ РАН, 2009. С. 81–89.

Стернин И.А. Экспериментальные методы в когнитивной лингвистике // Психолингвистика в XXI веке: результаты, проблемы, перспективы. М.: ИЯ РАН, 2009. С. 415–416.

Стернин И.А. Проблемы дифференцированного описания языкового сознания // Деятельный ум: от гуманитарной методологии к гуманитарным практикам: материалы XVIII Междунар. симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации «Теория речевой деятельности: практики и эксперимент». Ч.1. М.: ИЯ РАН, РУДН, 2016. С. 73–75.

Тавлүй М.В. Этноспецифика концепта «общение» в русской языковой картине мира // Автореф. ... канд. филол. наук. Кокшетау, 2010. 20 с.

Тарасов Е.Ф. Межкультурное общение – новая онтология анализа языкового сознания // Этнокультурная специфика языкового сознания. Отв. ред. Н.В. Уфимцева. М.: ИЯ РАН, 1996. С.7–22.

Тарасов Е.Ф. К построению теории межкультурного общения. // Языковое сознание. Формирование и функционирование. М.: ИЯ РАН, 1998. С. 30–35.

Тарасов Е.Ф. Проблема анализа содержания общечеловеческих ценностей // Вопросы психолингвистики № 1 (15), Москва: 2012. С. 8–18.

Титова Л.Н. Киргизско-русский ассоциативный словарь. Фрунзе: Мектеп, 1975. 94 с.

Ульянов Ю.Е. Латышско-русский ассоциативный словарь. Рига: Зинатие, 1988. 187 с.

Уфимцева Н.В. Русские: опыт еще одного самопознания // Этнокультурная специфика языкового сознания. М., ИЯ РАН, 1996. С. 139–162.

Уфимцева Н.В. Языковое сознание и образ мира славян // Языковое сознание и образ мира. М.: ИЯ РАН, 2000. С. 207–219.

Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А., Караулов Ю.Н., Тарасов Е.Ф. Славянский ассоциативный словарь (русский, белорусский, болгарский, украинский). М.: ИЯ РАН, 2004. 792 с.

Уфимцева Н.В. Языковая картина мира: проблемы моделирования // Вопросы психолингвистики. М., 2016. № 1 (27). С. 242–254.

Цітова А.І. Асацыятыуны слоўнік беларускай мовы. Мінск: БДУ, 1981. 144 с.

Шингарева М.Ю. Идиоматическая зооконцептосфера и ее отражение в языковой картине мира представителей разных лингвокультурных сообществ. / Автореф. ... канд. филол. наук. Алматы, 2006. 24 с.

Шингарева М.Ю. Мультиmodalность новогодних обращений президентов как пример политического дискурса. // «Деятельный ум: от гуманитарной методологии к гуманитарным практикам». Материалы XVIII Международного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации «Теория речевой деятельности: практики и эксперимент». М.: «Канцлер», 2016. С.161–163.

Яковенко Л.К. Культура профессионального общения: стереотипы, нормы, модели поведения // Автореф. ... канд. филол. наук. Алматы, 2007. 24 с.

Kent G., Rozanoff A. A study of association in insanity: I. Association in normal subjects // American Journal of Insanity. 1910. № 67.

Kiss D. and others. The Associative Thesaurus of English. Minnesota, 1972.

ASSOCIATIVE DICTIONARIES IN KAZAKHSTAN AND KAZAKH PSYCHOLINGUISTIC RESEARCH

Natalya V. Dmitryuk

Doctor of Philology, Professor

South-Kazakhstan State Pedagogical University

Baitursynov, 13, Shymkent, 160012

South Ural State University, 454080, Russia, Chelyabinsk, pr. Lenin, 76.

nvdmitr@yandex.ru

The article surveys psycholinguistic associative research in Kazakhstan, describes the history of the creation of two Kazakh associative dictionaries in the Soviet and modern periods, and provides their comparative analysis, with the methods of dictionary compilation reviewed. The paper also speculates on the gender dimension included in the second Kazakh associative dictionary. Among the peculiarities of the dictionaries stimuli translations and reactions in the Russian language are cited. The author defines the particular application of the dictionaries and makes drafts for further prospective studies based on their material.

Keywords: psycholinguistics, free associative experiment, associative dictionaries, language consciousness, core of language consciousness, ethnic and cultural specificity

References

Abramova G.I. Etnosemantika frazeologicheskikh komparativnykh edinic kak element nacional'no-kul'turnoj specifiki yazykovogo soznaniya (na primere russkogo, kazahskogo i anglijskogo yazykov) [Ethnosemantics of phraseological comparative units as an element of the national-cultural specificity of linguistic consciousness (on the example of Russian, Kazakh and English languages)] // Avtoref. ... kand. filol. nauk. M.: IYAz RAN, 2003. 20 s. (in Russian).

Abramova G.I. Stilisticheskie osobennosti sovremennoj amerikanskoj prozy na materiale romana Loren Vajsberger «D'yavol nosit «Prada» [Stylistic features of modern American

prose on the material of the novel Lauren Weisberger “The Devil Wears” Prada”] // MMNPK «Obshchestvo. YAzyk. Kul'tura: aktual'nye problemy vzaimodejstviya v XXI veke». M., 2016. S.13–15. (in Russian).

Arynbaeva R.A. K voprosu o psiholingvisticheskikh issledovaniyakh v Kazahstane / XV Mezhdunarodnaya nauchnaya konferenciya studentov, magistrantov i molodyh uchenyh «Lomonosov – 2019». [On the issue of psycholinguistic research in Kazakhstan / XV International scientific conference of students, undergraduates and young scientists “Lomonosov-2019”]. Tezisy dokladov, II chast'. Nur-Sultan, 2019. S. 268–269. (in Russian).

Artykbaeva F.I. Otrazhenie bazovykh cennostej v yadre mental'nogo leksikona nositelej yazyka i kul'tury (diahronicheskij aspekt) [Reflection of basic values in the core of mental lexicon of native speakers of language and culture (diachronic aspect)] // Avtoref. ...kand. filol. nauk. Tver': TGU, 2017. 24 s. (in Russian).

Ahmetzhanova G.A. Somaticheskaya frazeologiya kak otrazhenie nacional'no-kul'turnoj specifiki yazykovogo soznaniya [Somatic phraseology as a reflection of the national-cultural specificity of linguistic consciousness] // Avtoref. ... kand. filol. nauk. Almaty, 2007. 24 s. (in Russian).

Bazarbaeva A.S. Dinamika i razvitie koncepta «russkij» v yazykovom soznanii kazaha [Dynamics and development of the concept of “Russian” in the linguistic consciousness of the Kazakh] // Avtoref. ... kand. filol. nauk. Kokshetau, 2010. 24 s. (in Russian).

Butenko N.P. Slovník asociativnih norm ukrains'koj movi. [Dictionary of associative norms of the Ukrainian language.]. L'viv, 1979. 120 s. (in Ukrainian).

Gizdatov G.G. Kognitivnye modeli v rechevoj deyatel'nosti. [Cognitive models in speech activities] Almaty, 1997. 176 s. (in Russian).

Gizatov G.G., Sopiya B.A. Diskurs i identichnost' v medial'nom prostranstve Kazahstana [Discourse and identity in the media space of Kazakhstan] // Vestnik KazNU. Seriya filologicheskaya. No. 3 (167). Almaty, 2017. S. 131–136. (in Russian).

Dzhambaeva Zh.A. Aksiologicheskie stereotipy yazykovogo soznaniya kazahstancev [Axiological stereotypes of the linguistic consciousness of Kazakhstani people] //Avtoref. ... dokt. filol. nauk. Kokshetau, 2010. 52 s. (in Russian).

Dmitryuk N.V. Kazahsko-russkij asociativnyj slovar' (KRAS-1978). [Kazakh-Russian associative dictionary (KRAS–1978).] Chimkent, 1978. 246 s.; pereizd. Shymkent-Moskva, 1998. (in Russian). <http://dmitryuk-nv.livejournal.com>

Dmitryuk N.V. Nacional'no-kul'turnaya specifika leksicheskogo associirovaniya (na materiale russkogo i kazahskogo yazykov) [National-cultural specificity of lexical association (based on the material of Russian and Kazakh languages)] // Avtoref. ... kand. filol. nauk. M.: Iya AN SSSR, 1986. 24 s. (in Russian).

Dmitryuk N.V. Formy sushchestvovaniya i funkcionirovaniya yazykovogo soznaniya v negomogennoj lingvokul'turnoj srede [Forms of the existence and functioning of linguistic consciousness in an inhomogeneous linguocultural environment] // Avtoref. ... dokt. filol. nauk. M.: IYAz RAN, 2000. 64 s. (in Russian).

Dmitryuk N.V. «Civilizacionnyj slom» kak etnokul'turnyj fenomen v zhizni sociuma [“Civilizational scrapping” as an ethno-cultural phenomenon in the life of society] // 10 Mezhdunar. kongress po psiholingvistike ISAPL: «Problemy informacionnogo obshchestva i prikladnaya psiholingvistika». M.: IYa RAN, RUDN, MIL, 2013. S.103–104. (in Russian).

Dmitryuk N.V. Asociativnyj eksperiment kak sredstvo vyavleniya mental'no markirovannykh konceptov yazykovogo soznaniya [Association experiment as a means of

identifying mentally labeled concepts of the language consciousness] // Vestnik KazNU im. al'-Farabi, Seriya filol., № 5-6 (139–140), Almaty, 2013a. S. 12–19. (in Russian).

Dmitryuk N.V., Moldaliev D.A., Narozhnaya V.D., Moldanova Zh.I., Mezentsева E.S., Sandybaeva N.A., Abramova G.I. [Kazakh associative dictionary] Kazaksha associaciyaalyk sözdik. Kazahskij asociativnyj slovar' (KAS–2014). Almaty-Moskva; Media-LogoS, 2014. 330 s. (in Russian).

Dmitryuk N.V. Cennostnye orientiry v yazykovom soznanii kazahstanskogo sociuma: postanovka problemy [Value guidelines in the language consciousness of the Kazakh society: problem statement] // Nauchnyj zhurnal «Science and world» (Put' nauki)». 2014b. – № 4. S.76–78. (in Russian).

Dmitryuk N.V., Cherkasova G.A., Artykbaeva F.I. Etnomental'nyj fenomen yadra yazykovogo soznaniya: asociativnye issledovaniya v Kazahstane [Ethnomental the core phenomenon of language consciousness: associative study in Kazakhstan] // Voprosy psiholingvistiki [Journal of psycholinguistics]. M.: 2016. № 2 (28). S. 132–150. (in Russian).

Dmitryuk N.V. Vnutriethnicheskie asociativnye sopostavleniya v kazahstanskoj psiholingvistike [Intra-ethnic associative comparisons in Kazakhstan psycholinguistics] // Yazyk i myshlenie: Psihologicheskie i lingvisticheskie aspekty. Orekhovo-Zuevo-M., 2016a. S.16–19. (in Russian).

Dmitryuk N.V. Asociativnaya model' analiza lingvisticheskikh problem plyuracenzizma [The associative model of analysis of the linguistic problems of pluricentric]. Vestnik Kokshetauskogo universiteta. Seriya filologicheskaya. 2016b. № 3. S. 36-42.

Dmitryuk S.V. Etnokul'turnaya specifika obraza vremeni v yazykovom soznanii russkikh, kazahov i anglichan [Ethnocultural specificity of the image of time in the linguistic consciousness of Russians, Kazakhs and English] // Avtoref. ... kand. filol. nauk. M.: IYA RAN. 2001. 20 s. (in Russian).

Zhukenova A.K. Rechevye strategii kommunikantov v usloviyah estestvennogo i iskusstvennogo bilingvizma [Speech strategies of communicants in conditions of natural and artificial bilingualism] // Avtoref. ... kand. filol. nauk. Kokshetau, 2010. 24 s. (in Russian).

Zalevskaya A.A. Eksperimental'noe issledovanie asociativnoj struktury pamyati [Experimental study of the associative structure of memory] // Pedagogika i psihologiya: Alma-Ata: Minobrazovaniye KazSSR, Kaz.gos.ped.in-t, 1969. S.58–69. (in Russian).

Zalevskaya A.A. Svobodnye asociacii v trekh yazykah [Free associations in three languages] // Semanticheskaya struktura slova: psiholingvisticheskie issledovaniya. M., 1971. S. 178–194. (in Russian).

Zalevskaya A.A. Mezhyazykovye sopostavleniya v psiholingvistike [Cross-Language mapping in psycholinguistics]. Kalinin: KGU, 1980. 88 s. (in Russian).

Zalevskaya A.A. Psiholingvisticheskoe issledovanie principov organizacii leksikona cheloveka (na materiale mezhyazykovogo sopostavleniya rezul'tatov asociativn. eksperimentov) [Psycholinguistic study of the principles of organization of the lexicon (based on the interlingual comparison of the results of Association. experiments)] // Avtoreferat diss. ... dokt. filol. nauk. L., 1980a. 48 s. (in Russian).

Zalevskaya A.A. O kompleksnom podhode k issledovaniyu zakonornostej funkcionirovaniya yazykovogo mekhanizma cheloveka [Integrated approach to the study of regularities of the functioning of the language mechanism of man] // Psiholingvisticheskie issledovaniya v oblasti leksiki i fonetiki. Kalinin, 1981. S. 28–44. (in Russian).

Kalzhanova A.K. Psiholingvisticheskie aspekty sootnesennosti emotivnoj i koloristicheskoy

leksiki (na materiale russkogo i kazahskogo yazykov) [Psycholinguistic aspects of the correlation of emotive and coloristic vocabulary (based on Russian and Kazakh languages)] // Avtoref. ... kand. filol. nauk. M.: IYA RAN. 2003. 20 s. (in Russian).

Kalzhanova A.K., Kistaubaeva D.M. Koloristicheskaya i emotivnaya leksika v perekrestnom asociativnom eksperimente: gendernyj aspekt. [Coloristic and emotive vocabulary in a cross associative experiment: gender aspect] // MMNK «Gender: yazyk, kul'tura, kommunikaciya» M.: MMA, 2019. S. 82–84. (in Russian).

Kistaubaeva D.M. Russkie i kazahskie somatologicheskie portrety (teoretiko-eksperimental'noe issledovanie po materialam asociativnogo eksperimenta) [Russian and Kazakh somatological portraits (theoretical and experimental study based on the materials of the associative experiment)] // Avtoref. ... kand. filol. nauk. M.: IYA RAN. 2001. 20 s. (in Russian).

Kopylenko M.M. Sochetaemost' leksem v russkom yazyke [The Compatibility of lexemes in the Russian language]. M.: Prosv., 1973. 246 s. (in Russian).

Kopylenko M.M. Osnovy etnolingvistiki [Fundamentals of ethnolinguistics]. Almaty: Evraziya, 1995. 178 s. (in Russian).

Leont'ev A.A. Obshchie svedeniya ob asociacijah i asociativnyh normah [General information about associations and Association rules] // Slovar' asociativnyh norm russkogo yazyka. M.: MGU, 1977. 192 s. (in Russian).

Mezentseva E.S. Poslovichnaya kartina mira v yazykovom soznanii russkih: funkcionirovanie i transformaciya [A proverbial picture of the world in the linguistic consciousness of Russians: functioning and transformation] // Avtoref. ... kand. filol. nauk. Kokshetau, 2010. 20 s. (in Russian).

Narozhnaya V.D. Formy transformacii rechevogo etiketa v negomogennoj kul'turnoj srede [Forms of the transformation of speech etiquette in an inhomogeneous cultural environment] // Avtoref. ... kand. filol. nauk. M. 1991. 16 s. (in Russian).

Narozhnaya V.D. Neverbal'naya kommunikaciya kak etnokul'turnyj fenomen (teoretiko-eksperimental'noe issledovanie) [Non-verbal communication as an ethnocultural phenomenon (theoretical and experimental research)] // Avtoref. ... dokt. filol. nauk. Kokshetau, 2010. 48 s. (in Russian).

Osmanova R.A. Nacional'no-kul'turnaya specifika obrazov soznaniya russkih i kazahov (gendernyj analiz na materiale slov semanticheskogo polya «Dom. Sem'ya») [National-cultural specificity of images of consciousness of Russians and Kazakhs (gender analysis on the material of the words of the semantic field “Home. Family”)] // Avtoref. ... kand. filol. nauk. M.: IYA RAN, 2001. 16 s. (in Russian).

Sandybaeva N.A., Dmitryuk N.V. Iz opyta sostavleniya Kazahskogo asociativnogo slovarya [From the experience of compiling the Kazakh associative dictionary] // Materialy foruma «Lingvisticheskoe nasledie i trendy novogo vremeni: yazyk, literatura kul'tura», posv. 75-letiyu E.D.Sulejmenovoj. Almaty. KazNU im. Al'-Farabi, 2015. S. 323–327. (in Russian).

Sandybaeva N.A., Dmitryuk N.V. Russkij yazyk v Kazahstane: status, realii, vital'nost', tendencii. [Russian language in Kazakhstan: status, realities, vitality, trends] Nauchnye izvestiya. Filologicheskie nauki. №16, 2019. S. 24–30. (in Russian).

Sametova F.T. Reprezentaciya prostranstva i vremeni v yazykovom soznanii [Representation of space and time in linguistic consciousness] // Avtoref. ... kand. filol. nauk. Kokshetau, 2010. 22 s. (in Russian).

Shingareva M.Yu. Idiomaticeskaya zookonceptosfera i ee otrazhenie v yazykovej kartine mira predstavitelej raznyh lingvokul'turnyh soobshchestv. [The idiomatic zooconceptosphere and its reflection in the linguistic picture of the world of representatives of different linguistic and cultural communities] / Avtoref. ... kand. filol. nauk. Almaty, 2006. 24 s. (in Russian).

Shingareva M.Yu. Mul'timodal'nost' novogodnih obrashchenij prezidentov kak primer politicheskogo diskursa [The multimodality of the New Year's addresses of the presidents as an example of political discourse] // «Deyatel'nyj um: ot gumanitarnoj metodologii k gumanitarnym praktikam». Materialy XVIII Mezhdunarodnogo simpoziuma po psiholingvistike i teorii kommunikacii «Teoriya rechevoj deyatel'nosti: praktiki i eksperiment». M.: «Kancler», 2016. S.161–163. (in Russian).

Sorokin Yu.A., Markovina I.Yu. Sociomental'nye kartiny mira: opyt modelirovaniya kollizij soznaniya [Social-mental picture of the world: a simulation experience conflicts of consciousness] // Yazyk i soznanie: paradoksal'naya racional'nost'. M.: Izd-vo IYa RAN, 1993. S. 118–134. (in Russian).

Sorokin Yu.A. Etnicheskaya konfliktologiya (Teoreticheskie i eksperimental'nye fragmenty) [Ethnic conflictology (Theoretical and experimental fragments)]. Samara: Russkij licej, 1994. 94 s. (in Russian).

Sorokin Yu.A. Terminologicheskie ryady: dopolnitel'naya amplifikaciya [Terminological series: additional amplification] // Yazyk i soznanie: psiholingvisticheskie aspekty. M.-Kaluga: IYa RAN, 2009. S. 81–89. (in Russian).

Sternin I.A. Eksperimental'nye metody v kognitivnoj lingvistike [Experimental methods in cognitive linguistics] // Psiholingvistika v HHI veke: rezul'taty, problemy, perspektivy. M.: IYa RAN, 2009. S. 415–416. (in Russian).

Sternin I.A. Problemy differencirovannogo opisaniya yazykovogo soznaniya [Problems of differentiated description of language consciousness] // Deyatel'nyj um: ot gumanitarnoj metodologii k gumanitarnym praktikam: materialy XVIII Mezhdunarodnogo simpoziuma po psiholingvistike i teorii kommunikacii «Teoriya rechevoj deyatel'nosti: praktiki i eksperiment». Ch. 1. M.: IYa RAN, RUDN, 2016. S. 73–75. (in Russian).

Tavluy M.V. Etnospecifika koncepta «obshchenie» v russkoj yazykovej kartine mira [Ethnospecificity of the concept of “communication” in the Russian language picture of the world] // Avtoref. ... kand.filol.nauk. Kokshetau, 2010. 20 s. (in Russian).

Tarasov E.F. Mezukul'turnoe obshchenie – novaya ontologiya analiza yazykovogo soznaniya [Intercultural communication – a new ontology of the analysis of language consciousness] // Etnokul'turnaya specifika yazykovogo soznaniya. Otv. red. N.V. Ufimceva. M.: IYa RAN, 1996. S.7–22. (in Russian).

Tarasov E.F. K postroeniyu teorii mezhkul'turnogo obshcheniya [To the construction of the theory of intercultural communication] // Yazykovoe soznanie. Formirovanie i funkcionirovanie. M.: IYa RAN, 1998. S. 30–35. (in Russian).

Tarasov E.F. Problema analiza soderzhaniya obshchechelovecheskih cennostej [The problem of analysis of the content of universal values] // Voprosy psiholingvistiki № 1 (15), Moskva: 2012. S. 8–18. (in Russian).

Titova L.N. Kirgizsko-russkij asociativnyj slovar'. [Kyrgyz-Russian associative dictionary]. Frunze: Mektep, 1975. 94 s. (in Russian).

Tsitova A.I. Asociativnyj slovar' belorusskogo yazyka [Association dictionary the Belarusian language]. Minsk: BDU, 1981. 144 s.

Ul'yanov Yu.E. Latyšsko-russkij asociativnyj slovar' [Latvian-Russian associative dictionary]. Riga: Zinatie, 1988. 187 s. (in Russian).

Ufimtseva N.V. Russkie: opyt eshche odnogo samopoznaniya [Russian: the experience of another self-knowledge // Ethnocultural specificity of language consciousness] // Etnokul'turnaya specifika yazykovogo soznaniya. M., IYa RAN, 1996. S. 139–162. (in Russian).

Ufimtseva N.V. Yazykovoe soznanie i obraz mira slavyan [Language consciousness and the image of the world of Slavs] // Yazykovoe soznanie i obraz mira. M.: IYa RAN, 2000. S. 207–219. (in Russian).

Ufimtseva N.V., Cherkasova G.A., Karaulov Yu.N., Tarasov E.F. Slavyanskij asociativnyj slovar' (russkij, belorusskij, bolgarskij, ukrainskij) [Slavic associative dictionary (Russian, Belarusian, Bulgarian, Ukrainian)]. M.: IYa RAN, 2004. 792 s. (in Russian).

Ufimtseva N.V. Yazykovaya kartina mira: problemy modelirovaniya [Language picture of the world: problems of modeling] // Voprosy psiholingvistiki [Journal of psycholinguistics]. M., 2016. № 1 (27). S. 242–254. (in Russian).

Yakovenko L.K. Kul'tura professional'nogo obshcheniya: stereotipy, normy, modeli povedeniya [Culture of professional communication: stereotypes, norms, models of behavior] // Avtoref. ... kand. filol. nauk. Almaty, 2007. 24 s. (in Russian).

Kent G., Rozanoff A. (1910). A study of association in insanity: I. Association in normal subjects // American Journal of Insanity. № 67.

Kiss D. and others. (1972). The Associative Thesaurus of English. Minnesota.

РЕЦЕНЗИИ

JAPANESE ENCYCLOPEDIA OF COGNITIVE LINGUISTICS

Grigory Kazakov

PhD, Associate Professor

Department for the Development of Language Training
of Graduate Specialists, Russian Customs Academy

4, Komsomolsky prospect, Lyubertsy, 140000

amicilinguarum@rambler.ru

1. In late 2019, *The Encyclopedia of Cognitive Linguistics* – 認知言語学大事典 *Ninchi Gengogaku Daijiten* – came off the press in Japan (Tokyo, Asakura Publishing). This fundamental 864-page work prepared by more than 80 contributors under the general editorship of Prof. Yukio Tsuji and co-editorship of Profs. Takashi Kusumi, Kazumi Sugai, Masuhiro Nomura, Kaoru Horie and Kimihiro Yoshimura, presents a comprehensive overview of the main theoretical concepts and models of cognitive linguistics, and covers its diverse subfields and topics, including the research undertaken by the members of the Japanese Cognitive Linguistics Association founded in 2000 and now being the largest of this kind in the world (with about 750 regular members).

2. It is probably not too much to say, as indicated by the editor-in-chief, that this encyclopedia excels all the other similar publications in the world in its exhaustiveness of the areas dealt with, its diversity of contributors, and its insightful considerations of the matters in question. The encyclopedia consists of 5 chapters presenting various perspectives in cognitive linguistics and related fields enabling readers to approach their subjects of interest.

Chapter 1 (General Remarks) includes 5 main overview papers on the development and current trends in the study of language and thinking (“Cognitive linguistics and semiotics” by Yoshihiko Ikegami, “Cognitive linguistics and cognitive science” by Masa-aki Yamanashi, “Cognitive linguistics viewed from the perspective of linguistics” by Masuhiro Nomura, “Cognitive linguistics in Europe, North America and Japan: its pioneers and modern flag bearers” by Minoru Ohtsuki, and “Cognitive semantics and philosophy” by Katsuhito Aoki).

Chapter 2 (Theoretical Framework) contains 14 articles on different aspects of language (phonology, morphology, syntax, semantics, pragmatics, functional linguistics, typology, poetics, etc.) viewed within the framework of traditional linguistics. In addition, the approaches, methods and models peculiar to cognitive linguistics are overviewed and critically evaluated.

Chapter 3 (Major Concepts) consists of 9 papers dealing with some key concepts and basic terms of cognitive linguistics such as embodiment, experientialism, construal, categorization, prototype, interpretation, image schema, metaphor, metonymy, synecdoche, subjectification, intersubjectification, reference point, grammaticalization, and blending.

Chapter 4 (Theoretical Issues) is composed of 23 articles subdivided into 3 sections: language evolution and diversity; language acquisition and education; creativity and expression. In this chapter the authors connect central, theoretical issues of cognitive-linguistic research (origin and historical development of language functions, grammatical categories, universality and diversity of human thinking, etc.) with their various applications (e.g. Japanese and English language education, cognitive disorders, and lexicography).

Chapter 5 (Interdisciplinary Areas) consists of 12 papers discussing the interplay between cognitive linguistics and other fields of research (psychology, anthropology, neuroscience,

sociolinguistics, communication studies, natural language processing, neuropsychology, sign language, etc.).

Besides the 5 main chapters, the encyclopedia is supplemented by 52 column articles on a variety of topics spanning from computer programming languages, cognitive typology, word play, and experimental methods to spatial cognition, mirror neurons, verbal expression of memory, and language disorders. For the convenience, the volume has a detailed table of contents, subject and name indexes, and the Japanese-English comparative table of terminology.

A significant advantage of the encyclopedia is that the team of authors includes not only linguists but also researchers from other relevant fields thus securing a more comprehensive view of the complex issues discussed. The heterogeneity of structure across the parts of the book, which differentiates it from traditional encyclopedic dictionaries (there are no alphabetical-order-based entries), probably reflects the diverse nature of contemporary cognitive studies and makes it more convenient for use as a textbook.

In the preface, the editor-in-chief points out that cognitive linguistics emerged in the second half of the 20th century as a response to the problems faced by generative grammar. The major feature of this modern trend is its “interdisciplinary nature as a comprehensive science that keeps track of the development of cognitive science, information science, neuroscience, etc., while maintaining its expertise as linguistics”. Given such a broad understanding of this discipline, the adequacy of research results should be guaranteed by their empirical justification and methodological clarity.

The composition of the encyclopedia and previous professional contacts with Japanese scholars (see, e.g., *Journal of Psycholinguistics*, 37, p. 177) lead one to think that in Japan, as compared to some other academic traditions, cognitive linguistics tends to focus on semantics and is specifically concerned with discovering and interpreting language facts that can be indicative of mental processes and cultural patterns, thus inclining more to the humanities than to natural sciences.

All in all, it seems quite certain that this encyclopedia will become a milestone reference material in linguistics and cognitive studies for all readers of Japanese, and can work as a model for similar publications in other languages. Hopefully, the intellectual exchange that can result from processing and discussing the findings presented in this solid work will not only increase scientific knowledge but will also stimulate closer acquaintance and cooperation between researchers in the East and the West.

The author is indebted to Prof. Minoru Ohtsuki for his advice.

РЕЦЕНЗИЯ
на 3-е издание учебника В.П. Захарова и С.Ю. Богдановой
«Корпусная лингвистика»

Шерстинова Татьяна Юрьевна,
кандидат филологических наук,
доцент департамента филологии,
академический руководитель
образовательной программы
«Филология» НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург
tsherstinova@hse.ru

Захаров В. П., Богданова С. Ю. Корпусная лингвистика: учебник для студ. направлений «Лингвистика» и «Педагогическое образование». 3-е изд., перераб. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2020. – 234 с. ISBN 978-5-288-09997-1.

Рецензируемое учебное издание является первым учебником на русском языке, полностью посвященном проблемам новой лингвистической дисциплины – корпусной лингвистики. Данная дисциплина включена в учебные планы многих филологических специальностей, поэтому появление учебника является очень своевременным.

Авторы обсуждают проблематику корпусных исследований как одного из важнейших направлений современной лингвистики, ориентированного на получение объективных данных о языке. Рецензируемый учебник представляет интерес для широкого круга специалистов в области лингвистики и обработки текста и должен послужить стимулом для обсуждения механизмов и тенденций развития прикладной лингвистики и лингвистических информационных технологий.

Корпусная лингвистика – новая лингвистическая дисциплина, сформировавшаяся в последние два десятилетия на базе электронной вычислительной техники и изучающая построение лингвистических корпусов, способы обработки данных в них и собственно методологию лингвистических исследований на базе корпусов.

Учебник представляет собой результат многолетней работы с корпусами и теоретической переработки накопленного авторами опыта. Этот опыт включает также и преподавание авторами на протяжении многих лет корпусной лингвистики и смежных с ней дисциплин в Санкт-Петербургском государственном университете и в Иркутском государственном университете.

Авторы пошли по пути обобщения современного отечественного и зарубежного опыта в развитии корпусной лингвистики, что позволило осветить многие аспекты, связанные с данной дисциплиной, а также включить описание конкретных исследований, проводимых с применением корпусных методов как в России, так и за рубежом.

Второе издание учебника было рекомендовано Учебно-методическим объединением по образованию в области лингвистики Министерства образования и науки Российской Федерации в качестве учебника для студентов, обучающихся по направлению подготовки бакалавров и магистров 035700 «Лингвистика».

Третье издание представляет собой расширенную и переработанную редакцию, существенно большую по объему и имеющую обновленную структуру с новыми,

отсутствовавшими ранее, темами. В данном издании учебник состоит из 13 глав, разбитых на 4 части: «Введение в корпусную лингвистику», «Создание корпусов», «Использование корпусов» и «Лингвистические исследования на базе корпусов». В учебнике содержится 27 таблиц и 15 рисунков. Дается список обязательной (8 наименований) и дополнительной (31 наименование) рекомендуемой литературы. Библиографический список цитируемых источников включает 140 наименований, из них 67 на иностранных языках.

В первой части (главы 1-4) вводятся основные понятия корпусной лингвистики и даются определения корпуса, корпусной лингвистики, конкорданса, корпусного менеджера и др. Кроме того, здесь перечисляются требования к современным корпусам текстов и приводится их классификация. Излагается история создания лингвистических корпусов. Подробно описывается лингвистическая и экстралингвистическая разметка корпусов.

Во второй части (главы 5-7) обсуждаются принципы создания корпусов, дается краткое описание специальных процедур обработки естественного языка и принципов создания корпусов. Пошагово описывается технологический процесс создания корпусов, а также технология создания корпусов на базе веба. Глава 7 содержит обзор существующих корпусов различных типов, в котором особое внимание уделяется корпусам русского языка (с. 95-107). Приводится список национальных и некоторых других корпусов с указанием объемных характеристик и электронных адресов (табл. 7.1).

В третьей части (главы 8-9) основное внимание уделяется работе корпусных менеджеров, представляющих собой специализированные поисковые системы, включающие программные средства для поиска данных в корпусе, получения статистической информации и предоставления пользователю результатов в удобной форме. Показан характерный набор функций корпусных менеджеров, относящихся к четвертому поколению. Рассмотрены языки запросов корпусных менеджеров. Описана функциональность корпусных служб и их сервисные функции, включающие как представление основных результатов поиска в корпусе (конкорданс и различные статистические данные), так и «интеллектуальные» продукты работы систем, а именно выявление лингвистических, по сути семантических, закономерностей того или иного языка.

В четвертой части (главы 10-13) обсуждаются исследования, основанные на корпусных данных. Эти исследования охватывают различные области лингвистики: лексикологию, лексикографию, морфологию, фразеологию, анализ дискурса и другие аспекты языка, изучение которых основывается на корпусных методах.

Каждая часть заканчивается вопросами для самоконтроля. В конце учебника дается список из 80 тем для докладов, рефератов, курсовых работ. Завершают книгу Приложение – глоссарий основных терминов (с. 226-239), а также список сокращений и подробный двухуровневый предметный указатель.

Рецензируемый учебник «Корпусная лингвистика» предназначен для студентов филологических факультетов высших учебных заведений, поэтому в нем нет формул и подробного описания работы программ. Главной целью авторов является знакомство начинающих исследователей-лингвистов с теми возможностями, которые предоставляет им корпусная лингвистика, рассматриваемая как методология исследования языковых единиц различных уровней.

Системные теоретические выводы и практические результаты, предложенные авторами, делают работу значимой и практически ориентированной. Сказанное в полной мере относится как к описанию теоретических проблем корпусной лингвистики, моделей организации текстовых данных в корпусе, так и к описанию инструментария для использования корпусов, в том числе в компьютерно-опосредованной коммуникации. Глоссарий и предметный указатель представляют самостоятельный научный интерес как способ ориентации в предметной области для всех, кто интересуется использованием корпусов и информационно-лингвистических технологий.

Достоинством описываемого учебника можно считать сбалансированную, четко структурированную подачу материала, находящуюся в строгом соответствии с требованиями к академическим учебным изданиям. Язык и стиль изложения заслуживают самой высокой оценки.

Учебник представляет собой значимый вклад в развитие и популяризацию корпусной лингвистики в России, он отвечает необходимым требованиям к учебным изданиям и может быть рекомендован к широкому внедрению в практику преподавания данной дисциплины в российских вузах.

ИНФОРМАЦИЯ

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ И ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСИ

Рукопись должна быть отправлена по электронной почте на адрес редколлегии журнала: editorial-vpl@yandex.ru.

Текст должен быть хорошо вычитан. Статьи, содержащие ошибки и опечатки, к рецензированию и публикации не принимаются.

Рукопись проходит обязательное рецензирование. О результатах рецензирования автору сообщается по электронной почте.

Об очередности опубликования статей, получивших положительный отзыв рецензента, принимает решение редколлегия.

Научные статьи в журнале публикуются бесплатно.

Рукописи оформляются по данному ниже образцу.

Образец

УДК 00000

НАЗВАНИЕ СТАТЬИ

Фамилия, имя, отчество автора полностью
ученая степень, должность, место работы,
почтовый индекс и адрес места работы,
электронный адрес

ГЛОБАЛЬНЫЕ КОММУНИКАТИВНЫЕ НОРМЫ В РОССИЙСКОЙ СФЕРЕ УСЛУГ

Иванов Иван Иванович

кандидат филол. наук,
доцент кафедры иностранных языков МФТИ
117198, Москва, ул. Керченская, д. 1 А, корп. 1
ivanov@yandex.ru

Аннотация на русском языке (150-250 слов)

(Слово «Аннотация» не пишется, содержание аннотации должно отражать структуру и логику статьи: чему посвящена статья, предмет/объект, цель, методы, результаты, итог исследования; аннотация **не должна содержать общих слов**)

Ключевые слова: слово, слово, слово, слово (10-15)

Основной текст статьи

Рекомендуемая структура основного текста (рубрики должны быть выделены полужирным шрифтом на отдельной строке, выравнивание по ширине, абзац, без точки):

- Введение
- Тематические подзаголовки
- Дискуссия (обсуждение)
- Резюме (выводы)
- Литература (на языке оригинала источника)

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ ОСНОВНОГО ТЕКСТА

Общий объем текста статьи – до 40 000 знаков.

Текст статьи набирается на компьютере; гарнитура – Times New Roman. Страницы текста НЕ нумеруются.

Размер шрифта – 14; поля – 2,5 см. с каждой стороны; междустрочный интервал – 1,5; абзацный отступ – 1,25

Абзацный отступ необходимо задавать автоматически.

Знаками табуляции и клавишей пробела при установлении абзацного отступа не пользоваться.

В тексте должны различаться прописные и строчные буквы, а также символы: О (буква) и 0 (цифра); 1 (единица) и I (римская единица или прописная буква «i»);

Строго различать знаки «-» (дефис) и «—» (тире); двойное веб-тире «—» не допускается.

Век обозначается римскими цифрами (XIX в.).

Цифры, числа и дроби, математические символы набираются прямым стандартным шрифтом.

Примеры в тексте выделяются курсивом. Если примерами являются относительно большие фрагменты текста, то предпочтительнее их выделить меньшим размером шрифта – 12.

Сноски

Оформление текста сносок: размер шрифта – 10; междустрочный интервал – одинарный; абзацный отступ – 1,25.

Ссылка на грант дается в сноске после названия статьи внизу первой страницы под чертой:

Образец

НАЗВАНИЕ СТАТЬИ¹

ФИО автора

должность, место работы, адрес, электронный адрес

Аннотация

Ключевые слова

Текст, текст

Сноска внизу под чертой

Исследование выполнено при поддержке гранта (финансирующая организация) №, название.

Таблицы, диаграммы, графики

Таблицы используются исключительно для представления данных, которые не могут быть описаны в тексте.

Слова в таблицах пишутся полностью. Указание номера таблицы **Таблица №** дается перед таблицей (курсив, полужирный, выравнивание по правому краю, точка после номера не ставится).

Ниже дается название таблицы (выравнивание по центру, шрифт 12, обычный, полужирный, интервал одинарный, точка после названия не ставится).

Размер шрифта текста в таблице – 12, междустрочный интервал – одинарный; абзацный отступ – «нет».

Примечание, если есть, располагается под таблицей: слово *Примечание* курсивом, 10 шрифт, одинарный интервал, выравнивание по ширине, после двоеточия шрифт обычный.

Образец

Таблица №1

Название таблицы

Название рубрики	Название рубрики	Название рубрики
текст, текст, текст, текст, текст, текст, текст, текст, текст	текст, текст, текст, текст, текст, текст, текст, текст, текст	текст, текст, текст, текст, текст, текст, текст, текст, текст

Примечание: текст, текст, текст, текст, текст, текст, текст, текст, текст, текст

Иллюстрации

В качестве иллюстраций допускаются только четкие рисунки, графики и схемы, а также фотографии. На все иллюстрации должны быть ссылки в тексте статьи.

Размер одного штрихового рисунка не должен выходить за рамки текстовых границ. Все детали рисунка при его уменьшении должны быть хорошо различимы.

Иллюстрации нумеруются единой порядковой нумерацией, снабжаются краткими и точными подписями. Слово *Рисунок* (сокращенно *Рис.*) располагается под иллюстрацией, цифра с точкой без использования знака №; название рисунка с прописной буквы, шрифт 12, обычный, интервал одинарный, выравнивание по ширине.

Примечание к рисунку, если есть, располагается под его названием, шрифт 10, слово *Примечание* курсивом, одинарный интервал, выравнивание по ширине, после двоеточия шрифт обычный.

Образец

Рис. 1. В.фон Гумбольдт – создатель научной лингвистики.

Примечание: Вильгельм фон Гумбольдт (1767-1835) – великий ученый, государственный деятель, основатель Берлинского университета, занимался языкознанием, поэзией, философией.

Литература

Литература **на русском языке** оформляется в соответствии с действующими нормами **ГОСТ Р 7.0.5-2008** (для e-library); литература **на английском языке** оформляется в соответствии с рекомендациями **APA style references**.

Список литературы (не менее 15 наименований, из которых половина изданы за последние **пять лет**) дается в алфавитном порядке, фамилии выделяются курсивом, пробел ставится между фамилией и инициалами, внутри инициалов пробела нет.

Номер источника по порядку не ставится, абзацный отступ – 1,25.

Для каждого источника указывается количество страниц (монографии, учебники, пособия, авторефераты диссертаций и проч.) или интервал страниц (статьи, рецензии и проч.).

Лексикографические источники и интернет-документы указываются в общем списке источников.

Ссылка на источник в тексте дается в квадратных скобках непосредственно после цитаты (автор, год, страница): [Иванов 2000: 18]; интервал страниц обозначается знаком тире (–) без просветов: [Иванов 2000: 18–25].

В монографиях страницы указываются сокращенной маленькой буквой после цифры (450 с.), в статьях – прописной буквой перед цифрами (С. 76–86). Никаких других знаков тире в оформлении библиографии не используется.

Ссылки на Интернет-источники в тексте даются по фамилии автора [Акимова [http](http://)] или по первому слову названия источника [Большая... [http](http://)] («Большая российская электронная энциклопедия»).

Образец

Источники на русском языке

Статья в журнале (сборнике):

Адорно Т.В. К логике социальных наук // Вопросы философии. 1992. № 10. С. 76–86.

Монография:

Тарасова В.И. Политическая история Латинской Америки: учеб. пособие для вузов. 2-е изд. М.: Проспект, 2006. 450 с.

Диссертация:

Фенухин В.И. Этнополитические конфликты в современной России: на примере Кавказского региона: дисс. ... канд. полит. наук. М., 2002. 225 с.

Автореферат диссертации:

Глухов В.А. Исследование, разработка и построение системы электронной доставки документов в библиотеке: автореф. дисс. ... канд. техн. наук. Новосибирск, 2000. 18 с.

Интернет-документ: Родари Дж. Грамматика фантазии. Введение в искусство придумывания историй [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.rus.ec/b/121295> (дата обращения: 15.11.2018).

После основного текста статьи помещаются краткие сведения о ней **на английском языке:**

- название статьи на английском языке;
- сведения об авторе/авторах на английском языке (перевод русской аффилиации);
- аннотация на английском языке (150-250 слов). Слово «Abstract» не пишется, аннотация на английском языке должна быть переводом аннотации на русском языке;
- ключевые слова: **Keywords** (10-15).
- **References:** транслитерация русского списка литературы (см. <http://translit.net>) и перевод названия книги/статьи/сборника на английский язык.

Образец

GLOBAL COMMUNICATION NORMS IN RUSSIAN SERVICE SECTOR

Ivan I. Ivanov

associate Professor of foreign languages MIPT
1, korp. , Kerch str., Moscow 117198
nvdmitr@yandex.ru

Abstract: *Text, text, text, text, text, text,*

Keywords: *word, word, word, word, word*

Источники с транслитерацией и переводом на английский язык
References

В источниках **на русском языке** переводятся все выходные данные, транслитерируется фамилия автора и название статьи, год издания ставится после места издания, указываются страницы, в конце в скобках отмечается, что источник на русском языке (In Russian).

Монография:

Nenashev M.F. Poslednee pravitel'stvo SSSR [Last government of the USSR]. Moscow: Krom Publ., 1993. 221 s. (In Russian).

Статья:

Zagurenko A.G., Korotovskikh V.A., Kolesnikov A.A., Timonov A.V., Kardymon D.V. Tekhniko-ekonomicheskaya optimizatsiya dizaina gidrorazryva plasta [Techno-economic optimization of the design of hydraulic fracturing]. *Neftyanoe khozyaistvo [Oil Industry]*, 2008, no. 11. S. 54–57. (In Russian).

Интернет-документы:

Anoxin K.V. Mozg i razum [Brain and Mind] // Academia. Lekcii na kanale kultura [Lectures on the culture channel] https://tvkultura.ru/video/show/brand_id/0898/episode_id/156199/video_id/156199/ (data obrashheniya: 05.07.2019). (In Russian).

В источниках **на английском языке** (оригинал) фамилия автора/авторов отделяется запятой от инициалов, после чего в круглых скобках указывается год издания, количество страниц не указывается.

Монография:

Baker, M. (1992). In Other Words. London: Routledge.

Arbib, M.A. (2012). How the brain got language: The mirror system hypothesis. New York, NY: Oxford University Press.

Статья:

Arbib, M.A. (2005). From Monkey – like Action Recognition to Human Language: An Evolutionary Framework for Neurolinguistics // *Behavioral and Brain Sciences*. 28. P. 105–167.

Alexieva, B. (1997). A Typology of Interpreter-Mediated Events. *The Translator*, Vol. 2, No. 2, P. 153–175.

Интернет-документы:

The Economist. A Hollow Superpower [Elektronic source]. URL: <https://www.economist.com/leaders/2016/03/19/a-hollow-superpower> (retrieval date: 21.03.2016).

Вниманию авторов!

Процент оригинальности текста статьи для публикации в журнале должен быть не ниже 85.

Приветствуется самостоятельная проверка оригинальности текста в системе «Антиплагиат. Эксперт» с предоставлением справки (в электронном формате) о результатах проверки текстового документа на наличие заимствований.

Вышел из печати двухтомник:

Н.В. Уфимцева, Г.А. Черкасова

Русский региональный ассоциативный словарь (Европейская часть России).

Том 1. От стимула к реакции М.: Московская международная академия, 2018. – 560 с.

Том 2. От реакции к стимулу. М.: Московская международная академия, 2019. – 704 с.

Русский региональный ассоциативный словарь (ЕВРАС) – словарь, созданный по результатам массового ассоциативного эксперимента с жителями европейской части РФ. Испытуемыми по традиции были студенты вузов Москвы, Санкт-Петербурга, Саратова, Воронежа, Твери, Сыктывкара, Ростова-на-Дону, Владимира, Калуги, Рязани, Курска, Мурманска, Ижевска, Ульяновска в возрасте от 17 до 25 лет с родным языком русским – всего около 5500 человек. Эксперимент проводился с группами испытуемых в письменной форме с помощью анкет, которые включали 100 слов-стимулов из списка 1000 наиболее частотных слов русского языка с некоторым числом «экспериментальных» стимулов. Авторы сознательно включили в список 700 слов-стимулов из списка стимулов Русского ассоциативного словаря, чтобы иметь возможность изучать изменения, которые произошли в обыденном сознании русских в начале XXI века.

ЕВРАС включает Прямой словарь – от стимула к реакции (40,5 а.л.) и Обратный словарь – от реакции к стимулу (55,5 а.л.).

Словарь предназначен для широкого круга пользователей: ученых лингвистических и нелингвистических специальностей, студентов, изучающих русский язык в России и за ее пределами, преподавателей и всех, кто интересуется живым русским языком.

Ассоциативный словарь может найти практическое применение в области журналистики, социального проектирования, рекламной и иных сферах гуманитарной деятельности, где востребованы знания о русском языке и культуре его носителей.

Заказать словарь можно в ММА:

телефон +7(495) 616-43-23, e-mail: info@mmamos.ru

и в секторе этнопсихолингвистики Института языкознания РАН.

ВОПРОСЫ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ

ВОПРОСЫ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ №1 (43) 2020

2020

1(43)

Ψλ